

Міністерство освіти і науки України

Міністерство культури України

Луганська державна академія культури і мистецтв

**ОБРІЇ
СУЧАСНОЇ
ЛІНГВІСТИКИ**

Збірник наукових праць

Випуск 3 (2013)

Засновано в лютому 2012 року

Свідоцтво про реєстрацію: серія КВ № 20323-10123 Р,
видане Державною реєстраційною службою України 18.07.2013

Виходить двічі на рік

Луганськ
2013

УДК 81+82
ББК 81+83
О-23

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

І. П. Зайцева, доктор філологічних наук, професор (головний редактор);
С. І. Уланова, доктор філософських наук, професор (заступник головного редактора);
Л. В. Туленінова, кандидат філологічних наук, доцент (відповідальний секретар);
О. Д. Петренко, доктор філологічних наук, професор;
С. О. Кочетова, доктор філологічних наук, професор;
В. В. Червонецький, доктор педагогічних наук, професор;
П. О. Будівський, доктор філологічних наук, професор;
Н. І. Панасенко, доктор філологічних наук;
З. С. Сікорська, кандидат філологічних наук, професор;
Н. М. Рудницька, кандидат філологічних наук, доцент;
Є. В. Зимич, кандидат філологічних наук;
І. М. Цой, кандидат педагогічних наук, доцент

Рекомендовано до друку Вченою радою
Луганської державної академії культури і мистецтв
(протокол № 1 від 25 вересня 2013 р.)

О-23 **Обрії** сучасної лінгвістики : зб. наук. пр. / Луган. держ. академія культури і мистецтв. – Вип. 3. – Луганськ : Вид-во ЛДАКМ, 2013. – 123 с.

ISBN 2078-4007

До збірника вміщено статті, присвячені різноманітним проблемам сучасної філологічної науки. Значну частину публікацій складають праці, що досліджують філологічні проблеми з позицій новітніх досягнень лінгвістики та літературознавства (когнітивної лінгвістики, наратології, лінгвокультурології, міжкультурної комунікації, соціолінгвістики тощо), а також в аспектах міжрівневої та міждисциплінарної взаємодії.

Збірник адресовано широкому колу читачів: викладачам ВНЗ, аспірантам, магістрантам та студентам гуманітарних спеціальностей, а також усім, хто цікавиться проблемами ефективності комунікації в різних сферах функціонування мови та культури.

УДК 81+82
ББК 81+83

ISSN 2078-4007

© Луганська державна академія
культури і мистецтв, 2013

ЗМІСТ

А. Б. Бушев РАЗГОВОРНОСТЬ ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ	5
А. Р. Габидуллина РУССКИЕ ПАРЕМИИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ	14
В. А. Глущенко СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	19
М. Р. Желтухина, А. В. Омельченко ФУНКЦИИ СЛУХОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ	25
Г. В. Звездова, Е. Н. Руднев К СПЕЦИФИКЕ СЛОВА-СИМВОЛА В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ И СЛОВАРЕ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО	30
С. Н. Землякова ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ И СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ СИНОНИМОВ.....	36
Г. Ф. Ковалев РОЛЬ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ В ОНОМАСТИЧЕСКИХ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	38
О. В. Ланская К ИСТОРИИ СЛОВА <i>СОБОРНОСТЬ</i>	44
Н. А. Лантух КОНЦЕПТЫ <i>ДОБРОИ ДОМ</i> В СЛОВАРЕ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ.....	50
І. О. Ніколаєнко АВТОРСЬКІ НЕОЛОГІЗМИ В ПОЕЗІЯХ ВАСИЛЯ СТАРУНА	58
А. Е. Павленко ГРЕЧЕСКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ	66

М. А. Петриченко ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ И ПСИХОЛОГИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ	71
Е. А. Половинко ИЗУЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ	78
Н. Н. Свиридова СВОЕОБРАЗИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	84
Т. В. Старецкий ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ	91
Л. В. Туленинова К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ	97
Н. А. Туралина ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗДУШНОЙ СТИХИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА (В АСПЕКТЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В. И. ДАЛЯ)	102
И. В. Фирсова ТЕРМИНОСИСТЕМА ФРАЗЕОЛОГИИ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)	106
Л. М. Цонева О СЛОВАРЕ НАЙДЕНА ГЕРОВА – «БОЛГАРСКОГО ДАЛЯ»	111
<i>Pavlo Shopin</i> THE ROLE OF EUPHEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE	115
Відомості про авторів	121

А. Б. Бушев

РАЗГОВОРНОСТЬ ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

В. И. Даль как лексиколог и фольклорист наблюдал непосредственную живую стихию народного языка. Прошло много лет. Той социальной среды, где Даль черпал свои наблюдения, нет. Но живая разговорность, новый фольклор существуют в языке. Задачей нашего исследования видим описание специфики среды нового фольклора и новой разговорности и обсуждения научных проблем, связанных с ее изучением и переводом.

Коллоквиальность (разговорность) речи есть, несомненно, одна из наиболее сложных способностей, подлежащих освоению языковой личности. Она особенно актуальна при установке на работу в условиях устной коммуникации, неформального общения. Языковедческая наука с 50-х годов занимается разговорностью. Тогда ниша разговорности была точно определена, разговорность не проникала в те сферы, где она предстает неуместной развязностью. Известно, что разговорная речь – разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия. Как форма существования литературного языка разговорная речь характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью). Изучалось взаимодействие ее с разговорным типом письменно-литературного языка в художественных произведениях, где речь разговорная «олитературируется» (В. В. Виноградов). Представляет интерес использование стилистически маркированных сниженных стилистических явлений. Считается невозможным изучить разговорную речь по художественным текстам (хотя Лесков, Шукшин, Зощенко, Астафьев, Солженицын, Галич, Довлатов «открывают» бездны разговорности), ученые считают, что необходимы аутентичные записи. Разговорная речь не подвергается кодификации. В учении о специфике разговорной речи – коллоквиалистике – русскую разговорную речь отделяют от кодифицированного литературного языка и рассматривают ее как противопоставленный ему самостоятельный феномен. Неподготовленность, линейность, непосредственный характер речевого акта – параметры, отчетливо выделяющие разговорность (коллоквиальность). Ученые исследуют, как коллоквиальность проявляет себя на лексическо-стилистическом и синтаксическо-стилистическом уровне. Особенности коллоквиального синтаксиса посвящены в науке работы Ю. М. Скребнева (описательная и сокращенная номинация, парцелляция, присоединение, антиципация, добавление темы-уточнителя, прерванные структуры, вопросно-ответные единства, повторы, стяжения, перифразы). Наблюдения над коллоквиальным языком особенно активно проводились на материале русского и английского языков (исследования Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелева, Ю. М. Скребнева, О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой, М. В. Китайгородской, И. В. Арнольд, И. Р. Гальперина). Естественность и спонтанность при переводе (даже письменном – в определенных жанрах) предполагает свободное и активное владение жанрами устной речи, предполагающими коллоквиальность.

Интерес представляет овладение всеми формами коллоквиальности – прежде всего лексической. Смысл текста находится и в учете языкового субъязыка и

риторических экспектаций слушателей. Как разговаривать с представителями финансовых структур, М. Арбатову однажды инструктировал один генерал, о чем она пишет: *«Когда пойдешь разговаривать с крутыми, объясняй им так: „За вами – синие, за нами – спецура. Вы – в семье, мы – в семье. Ну зачем двум семьям ссориться из-за какой-то депутатской корочки?“ Я ни слова не поняла, но стонала от удовольствия».*

Проблематика дискурса в СМИ давно является предметом внимания лингвистов. В связи с заявленной темой, например, традиционно эпатирует «МК-страница». В газете, называющей себя «Московский комсомолец» (тоже хороший пример стилистической функции, силы имени, стереотипа, бега времени), посвящены музыкальной эстрадной культуре «Звуковая дорожка» и «Музыка, образы, стиль Капитолины Деловой». Здесь можно встретить сообщения о том, что «три аппетитные герлы скачут и яростно трясут патлами под жесткий синтетический ритм», про компьютерный трэш-фэшн, ненависть к стилю хаус («Я не то чтобы ненавижу хаус этот. Просто мне не нравится смотреть, как люди танцуют, отдыхают под музыку устарелую, заплесневелую» или «Ну да пошел вон тот устарелый гламур, что ходит на вечеринки Роджера Санчеса. Вообще ходить на такие веселухи – все равно что на концерты рок-старперов типа «Роллигн стоунз»). Статьи всегда полны жаргона («Но на ваших же вечеринках куча фриков!» – «Да нет, самые обыкновенные люди угорают под электроклэш»). Про любителей музыки могут быть запросто сказаны фразы типа «Наши певицы не должны быть гламурными, шикарными, холеными телками. Они могут быть толстушками, пышками с коротенькими ножками. В этом весь смысл». О популярности можно (удить по тому, что «крупнейшие рекорд-лейблы тоже гоняются за артистами электроклэша». Всякому становится понятно, что «ведь раньше выступления электронных артистов были совсем неинтересными. Ну выходит Моби, топчется себе на сцене. А персонажи электроклэша делают настоящее шоу, феерический зажигательный перформанс... И это все очень иронично, прикольно, с хорошим вкусом, конечно же».

Эльдариус из «Роботов» просвещает: «Секс-драйв, переходящий в трэш, идет от экзальтации, а она – от присущей такой музыке экспрессии».

Про организатора концерта автора статьи в МК № 239 от 29 октября 2003 (а все примеры взяты оттуда) говорится: «Бурлаков сильно «сдвинулся» на новой музыке электроклэш уж год как: начал изыскивать музыкантов, хоть приближенно делающих что-то подобное, выпускать из их опусов сборники; открыл сайт, посвященный новой культуре, подружился через интернет с Ларри Ти... И запарился идеей фикс: все это срочно показать в Москве». Корреспондент обращается к нему с вопросом: «Леня, ты продал машину, чтобы все это замутить, и какие чувства в результате?» Толковый вопрос вознаграждается толковым ответом: «Чувство, что я клево повеселился на эти деньги». Все участники бесед говорят на этом языке: «Ты, я смотрю, тоже весьма завелся: начал ди-джеить в кофейнях, ремиксы кому-то делать... Не похожи мы тем, что я верю все же, что электроклэш может стать массовой культурой, а Ларри – не очень».

Словом, «для меня вся эта культура – возможность отдыхать простым людям в тех же условиях, что и мажорам. Здесь – кичевый, насмешливый гламур, кичевая атмосфера. Один из посылов электроклэша – долой «шамбалы» и «цепеллины», да здравствуют клубы, куда пойдут студенты, рабочие и колхозники».

Другую сторону проблемы представляет значительное количество сниженной лексики – новое просторечие, до вульгарного и обценного. Вновь позаимствуем примеры из беллетристики С. Минаева:

погоняло, тусовка, расфуфыренные мудаки, их будет переть, они их будут жрать, мне

о****о интересно, чел, кидалово, завязки, бесперспективняк, в целом весь этот кадрей мне кажется каким-то фальшивым и лажовым, я сижу чуть менее бухой, иметь с ней секс мне совсем в падлу, догоняюсь «советским шампанским», цепляет папика, не по кайфу, покрасть попутно у глупых френчей деньги, а там посмотреть, разводят, висят, мне на мыло.

Посмотрим на язык диалогов и несобственно-прямой речи в романе С. Минаева:

Вау, клево, класс, супер, бред какой-то, не грузись. Старперские темы, ксива, менты. Идея с заменой паспорта не капает. Не прикололо. Мандежник, мутные перцы, затусить. Мне нужно с этими упырями встречаться. Тут голяк. Пустые понты, лошня. Колхозница, не зарубайся. Последнее с пацанами делил, никого ни разу не слил. Не запалил. Так наш Антоха жил – на ходу импровизируя я. Тусовщики, понторезы. Мажоры. У меня на эту пургу нет времени. Гоню, понтуюсь, прогоняю левые телеги. Сколько раз говорю: давайте перестанем бухать, торчать и отжигать до утра, если на следующий день репетиция. Попустись, брателло. Засылает косарь в месяц. Вы все еще трете за любовь? Без мазы. Беспонтово, жесьть. Стебануться. Головняки, стремные политические акции, попадосы с мелким бизнесом, лажовые правша. Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала нам опишешь свою с***ную хату в Бескудникове?

Актуален совет избегать нагромождения ненужных иностранных слов, варваризмов, калькирования иноязычных слов, словосочетаний и оборотов речи, сниженной лексики (в быту, в журналистике – *общак, разборка, глючить, отмазать, прикол, покатит, в кайф, заморочки*). Вульгаризация речи – широкое проникновение русского арго во все слои общества во всякие дискурсы – таящее опасность современное явление [2]. Лексика деклассированных элементов – преступников различных категорий, нищих, бродяг, проституток - складывавшаяся на протяжении длительного времени, впервые перешла в литературный язык: *барахольщик, забивать бабки, шопник, начальник, защитничек, болван, гад, злыдень, зуботычка, канать, шухер, атас, бакланить, бардак, беспредел, блат, бодяга, бочку катить, буза, вешиать лапшу, стучать, жлоб, за бугор, засыпаться, жить на игле, играть на руку, клево, кодла, шарашикина контора, концы в воду, отбросить коньки, крыть нечем, ксива, до лампочки, лапша на ушах, липа, олух, лох, клевый маз, держать мазу, наводит марафет, мент, мусор, на ходу подметки рвет, ништяк, братва, ноги делать, очки втереть, под колпаком, права качать, брать на пушку, расколоться, бить сачка, свой в доску, стоять на стреме, сука, дешевка, тусоваться, тухфта, тырить, финт ушами, чмо, шалашовка, шалман, шмон, шпана, гнать. Приглядимся к этим словам. Многие из них часто встречались нами в прессе, прекрасно входили в броские заголовки газет (особенно желтых, таблоидов, тяготеющих к сенсациям), представляются естественными в речи «поп-звезд», других часто мелькающих на телеэкране публичных персонажей. Многие слова стали заголовками фильмов последних лет. Они деэтимологизировались, воспринимаются как естественные в речи современных носителей языка, не оскорбляют речевое достоинство говорящего и слушающего. Арго же выполняет роль сигнализдаи «Я – свой», «Я – продвинутый», «Что мне до мешанских предрассудков».*

Все это требует серьезной языковой политики, целью которой, согласно мнению Г. О. Винокура, является сам язык.

Демократизация языка. Так, высокий, торжественный стиль всегда немного архаичен. В нем оказываются уместны такие слова, как *воин, ратный труд, отныне, ибо* и т. д. С чувством большого сожаления А. А. Волков констатирует тот факт, что «как выражение возвышенного высокий регистр и вообще церковно-славянская речевая стихия, очевидно, с трудом доступны современному языковому сознанию, которое

формируется средствами массовой информации» [1, с. 291].

Налицо инкрустация русской речи варваризмами:

Принцип эвакуогоспиталя, введенный Пироговым, – в США он действует emergency room (Е. Малышева, популярная телеведущая).

При возможном переводе снимается смысл, который несет инкрустация фразы неассимилированным заимствованием: And there is one more principle that of evacuation hospital – and it is currently in action in emergency room in the USA.

Приведем пример из журнала о гостиницах: *У нас есть и up-to-date размещение*. При переводе теряется сигнал, подаваемый при помощи варваризма, – продвинутость. Смысл «информация из первых рук, не понаслышке, общность прошедших стажировку», апелляция к слоям, читающим по-английски.

В сфере мобильной телефонии свои ксенонимы: *wap – GPRS, WiFi, Bluetooth, Web-камера...*

Частым становится употребление слов из профессионального просторечия компьютерщиков, силовиков, молодежный сленг, арго, уже обсужденные нами выше.

Характерна специфическая манера речи – американизированные интонации типа rising tune, характер обращения СМИ и других отправителей публичной речи со своей аудиторией (*типы, хай, хавать будем*) – неуважительный, порой агрессивный, вызывающий негативную ответную реакцию «адресата», к которому речь обращена.

Во многих научных лингвистических исследованиях выстраивается (на основании анализа значительного числа нередко взаимопротиворечащих трудов) четкая, непротиворечивая система взаимоотношений лексики литературного языка, разговорной речи, субстандарта, где жаргоны, по меткому замечанию В. М. Жирмунского, паразитируют на литературном языке. Высказывается и об особенностях такого «паразитизма» арго в речи (криптолалия, экспрессивность и т. д.). Процесс лексической метафоризации в движении от низших слоев лексической иерархии общенационального языка (арго, кент, жаргон и т. д.) к литературному стандарту и наоборот объясняют вследствие эмотивности, лаконичности и яркой экспрессивности арготизмов. Отмечена авторами и криптолалическая функция арготизма в связи с метафорической функцией арго. Выстраиваются любопытные схемы, показывающие взаимообмен компонентов языка, – тем более, что сегодня «бытование арготизмов в литературном языке» (и их засилье) обсуждается с парламентской трибуны и представляется серьезной социолингвистической проблемой.

Просторечие вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – общепонятный народно-разговорный наддиалектный язык. Литературное просторечие – служащее границей литературного языка с народно-разговорным языком – особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности. Недаром сленг называется поэзией обыденного языка. Наряду с просторечными словами входят и диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикрепленность.

В лингводидактике перевода беллетристических текстов мы обращаем внимание на средства создания коллоквиальности.

Отдельные публикации связывают отдельные группы лексических единиц с кино, с прессой. Так, в современной речевой культуре к числу наиболее мобильных

пластов крылатых единиц относятся единицы, порожденные телевидением и кинематографом. В современном английском языке широко используются крылатые единицы, восходящие к названиям кинолент (*Some Like It Hot, James Bond, Godfather, Superman, Terminator, Star Wars, The X-Files*) и репликам киногероев (*I will be back. The truth is out there. Good thinking Batman. Trust no one*).

Одной из наиболее явных тенденций последних лет является интерес к субстандарту, аргю, жаргонам, сленгу, вульгаризмам – в общем-то, маргинальным явлениям в лингвистике. Большая ошибка – думать, что в принципе можно употреблять в устной речи только кодифицированные средства – некодифицированные в ней обязательно присутствуют. Из печати в последние годы вышли соответствующие словари – фразеологические работы, американизмы, сленга, бранных слов, общего жаргона, разговорного языка. Языком улицы, толпы заговорила сама литература. Да что там говорить, персонажи пишут.

Причин тут несколько. Впрочем, описание причин не есть предмет нашего исследования. Одной из причин проявляемого интереса является чрезвычайная информативность и благодатность материала для интересных наблюдений и выводов языковеда – жаргонизмов, сленга как отражающих определенные социальные явления, их способности отражать языковую игру (каламбурные трансформации), конвенцию, интертекстуальность, лингвоцентризм современного молодежного жаргона. Налицо и экспансия криминального аргю. Плюс произошла дестабуизация табу. Половодье русской разговорной стихии достигло полного раскрепощения и матизации современной русской литературы, печати, речевого обихода. Количество авторов, оскорбившихся матерщиной, и исследователей матерщины возрастает. Все это уже давно преодолело «издательское целомудрие». Как остроумно замечают составители словарей, постепенно стал одерживать верх сам реальный речевой узус. Налицествует и апологетика мата, его лечебного значения, его альтернативности, его языковой игры.

Зыбкое образование представляют собой разговорная речь, сленг, вульгарная и нецензурная лексика. Неофициальная обстановка общения связана со сниженной тематикой разговора, с тем, что используются запретные табуированные темы и области применения слов, контекста общения, перевод в высказывании. Это тем более относится к разговорным и сленговым словам и выражениям, которые отличаются неточностью, размытостью значения, предназначены для общения между людьми в неофициальной обстановке. Сленг начал изучать Г. А. Судзиловский. Последние годы принесли чрезвычайно интересные работы.

Сленг – показатель статуса человека, часто человека малообразованного, противопоставляющего себя истеблишменту. Сленг, как и жаргон, это способ ограничить число собеседников, способ общения между «своими». Сленг находится в самом конце возможных средств речевого общения: он расположен за пределами обычной непринужденной и разговорной речи, там, где язык становится слишком острым и вульгарным, чересчур новаторским и неудобоваримым в разговоре с незнакомыми людьми.

К неформальному языку относятся разговорность, сленг, вульгаризм, брань. Основные социолингвистические принципы, касающиеся языковых слоев и стилей, употребление ненормативных грамматических форм и табуированной лексики или важность соответствующего языкового стиля в ситуации, возможные негативные последствия употребления брани находятся в центре внимания социолингвистических исследований маргинальной лексики. Интерес вызывают и различные социолекты –

языки неформалов или жаргонные слова, идиомы, пословицы, отражающие реалии и идеологемы советского времени [3].

Существует многочисленная литература по взаимоотношению сленга (профессионального или социального жаргона), общего жаргона, аргоса (сниженного языка уголовников), кента. Жаргоны, по меткому выражению В. М. Жирмунского, паразитируют на языке.

В лингводидактическом ключе необходимо понимать, что основу профессионального языка составляет не только терминология, но и профессиональный говор и жаргонизмы. Пренебрежение профессиональным просторечьем, жаргоном приводит к переводческим просчетам при установке на устную коммуникацию.

Механизмы образования сленгизмов различны, но часто это метафоризация (семасиологический способ). Эти явления проливают свет на механизмы достижения сниженности, отрицательной коннотации, сами механизмы оценочности лексики. Приведем примеры из жаргона антикварных дилеров:

Астрономия – невозможные к обсуждению цены на произведения искусства.

Английская разводка – вымогательство под видом отрицательной экспертизы за границей.

Мешки – коллекционеры.

Шерсть (уважит.) – крупные собиратели или уважаемые эксперты.

Прошерстить – проехаться по провинциям.

Опустить – заставить снизить цену. Вполне разговорное, не уничижительное выражение.

Фуфло, фуфлогон – подделка, художник, изготавливающий подделки. За такое выражение можно весьма серьезно пострадать.

Втюхать – выгодно продать.

Доска – икона.

Новьё (уничижительно) – новодельные иконы или мебель.

Сделать – отреставрировать.

Подмазать – 1. Сфальсифицировать подпись на полотне.

2. Дать взятку музейному эксперту.

Завернуть – отказать в положительной экспертизе.

Зарихтовать – придать произведению «продажный» вид.

Нарухать – обмануть.

Стукнуть по горбу – осадить, поставить на место. Применяется преимущественно к малолетним и неопытным дилерам.

Скользнуть – случайно услышать, увидеть.

Собраться – организовать выставку.

Бумаги – музейные экспертизы.

Клевета – отрицательная музейная экспертиза.

Петровы (уничижительно) – (по имени скандально нечистоплотного эксперта) – эксперты, готовые все что угодно подтвердить ради денежного вознаграждения.

Крысятники – блокадные коллекционеры. Например братья Ржевские, бывшие снабженцы, собравшие великолепную коллекцию русского искусства, обменивая Машковых и Айвазовских за полбуханки хлеба.

Старуха – смерть.

Показательны примеры из лингводидактического изучения военного сленга, многочисленны работы по изучению сленга военнослужащих, поскольку явственна

специальная роль такого языка. Известно изучение арготизмов. Проводится обсуждение жаргона компьютерщиков. Фиксируется пласт молодежной лексики [4]. Показательно выделение пласта лексики, которая вошла в категорию «общий жаргон». Известен пласт лексики, которая вошла в категорию «просторечие».

Выше рассмотрены, таким образом, существенные собственно лингвистические и увязанные с ними методические аспекты изучения разговорного языка. Прежде всего в связи с задачами и возможностями обучения коллоквиальному естественному вербальному поведению и переводу устойчивых единиц с явно неэквивалентной и затертой образностью.

Изменяющаяся русская языковая реальность XXI века отразилась в лексикографии. Из печати вышли новые словари. Отметим некоторые теоретические проблемы лексикографии при работе с ними.

Проблема коллоквиальности (разговорности) – разновидности устной литературной речи, обслуживающей повседневно обиходно-бытовое общение и выполняющей функции общения и воздействия. Как форма существования литературного языка разговорная речь характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью).

Проблема просторечия, которое вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – общепонятный народно-разговорный наддиалектный язык.

Проблема литературного просторечия, служащего границей литературного языка с народно-разговорным языком, – особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности. О лексическом уровне хорошо написал М. В. Панов: «Не раз в печати появлялись жалобы, что лексикографы обижают слова: ставят около них пометы „разговорное“, „просторечное“ и т. д. Несправедливы эти жалобы. Такие приметы не дискриминируют слова. Посмотрим в словаре, у каких слов стоит помета „разговорное“: *ворочать (делами), ворчун, восвояси, вперевод, вприпрыжку, впрямь, впустую, временами (иногда), всласть, всплакнуть, вспомнить, встряска, всухомятку, выволочка, газировка, гибель (много), глазастый, глядь, гм, гнильца, говорун, голубчик, гора (много), грохнуть, грошовый, грузнуть, ни гу-гу, гуртом, давай (он давай кричать), давненько*. Прекрасные слова. Помета *разг.* их не порочит. Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных отношениях, не называйте голубчиком, не предлагайте ему куда-нибудь его вприпрыжку, не сообщайте ему, что он долговязый и временами ворчун... В официальных бумагах не употребляйте слова *глядь, всласть, восвояси, грошовый*... Ведь разумные советы». Но это, отметим, не диалектизмы и не жаргонизмы.

Просторечие вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – общепонятный народно-разговорный наддиалектный язык. Известна проблема литературного просторечия – служащего границей литературного языка с народно-разговорным языком особого стилистического пласта слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности. Недаром сленг называется поэзией обыденного языка. Наряду с просторечными словами входят и диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикреплённость.

Проблема сленга, который называют поэзией обыденного языка. Наряду с

просторечными словами входят и диалектизмы и жаргонизмы, утратившие локальную и социально ограниченную прикрепленность.

Проблема кодифицированности языка (его степень разная, например, в английском и русском).

Проблема вторжения в разговорный язык «общего жаргона». **Жаргонизированность просторечия молодого поколения.** Просторечие насыщено жаргоном, общим жаргоном. Жаргон заполнил СМИ, литературу. Подчеркивается тщетность запретительного регулирования в сфере культуры речи.

Лингвоцентризм современного молодежного жаргона. Право жаргонизмов быть лексикографически описанными и лингвистически исследованными не подвергается сомнению. При изучении общемолодежного жаргона, складывавшегося в конце 1980-х и начале 1990-х годов, а также языка различных групп молодежи, а именно музыкантов, диггеров, путешественников автостопом, байкеров, спортивных фанатов и многих других – обращают на себя внимание как метафоризация и переосмысление (семантические способы), так и транслитерация английских слов.

Проблема жаргонизмов в связи с фразеологизмами: жаргонизмы обрастают новыми значениями, рожают фразеологизмы.

Проблема языковой игры и ее регистрации лексикографами: трюизмом стала мысль о том, что при помощи языковой игры, сленга национальный язык пытается защититься от своей всеобщности в ее обедненной прагматической интернациональной версии.

Проблема каламбурных трансформаций. Ряд терминов переосмысливается в языковой игре. Результаты варваризации в языке вовлекаются в процесс построения жаргонизмов: «черный нал», «маржа» («margin»), «карга» («cargo»).

Проблема сфер употребления языка: академическая подготовка совершенно не подходит к закуской, улице, бейсбольной площадке.

Проблема динамики языковой стихии: наблюдаем в современном русском нагромождения ненужных варваризмов, калек, сниженной лексики. Вульгаризация речи – широкое проникновение русского арго во все слои общества, во всякие дискурсы – таящее опасность современное явление. Велика частота жаргонизмов.

Проблемы метафоризации в арго, в профессиональном (военном) сленге. Интересны идеи прозрачности переноса и криптолалии, эмотивности и экспрессивности (мелио- и пейоративных коннотаций), выявленных на примере анализа лексики изучаемой сферы. Любопытна схема, показывающая взаимообмен компонентов языка, – тем более, что сегодня бытование арготизмов в литературном языке» (и их засилье) обсуждается с парламентской трибуны и представляется серьезной социолингвистической проблемой. Наметки этнокультурной специфики метафоризации могут быть продолжены в самостоятельных исследованиях.

Проблема адаптации заимствований в языке.

Процесс дестабулизации табу. Соотношение мата и обценного, эвфемизмы и мат.

Проблема стилистической дифференциации описываемого материала. Весьма субъективна оценка экспрессивных и других коннотаций. Проблема общей системы доминантных помет: *общ. прост., вульг.-прост., грубо-прост., жарг., бранно, пренебр., одобр., неодобр.*

Демократизация языка СМИ. СМИ, чтобы быть понятыми, заговорили на языке толпы. Отсюда засилье общего жаргона, сленга Реклама полна жаргонизмов, слов

низкого регистра, лексических ошибок, вульгаризмов. Чрезвычайно распространенными оказываются арготизмы. Варваризмы – вторая примета стремительных языковых изменений в обществе и СМИ. Часты слова из молодежного сленга, профессионального просторечия компьютерщиков, силовиков, язык зоны (феня, блатная музыка: *кимарить, клево, тупфта*).

Понятие стереотипии и единицы языка, воплощающие стереотипии: избитая метафоризация, эвфемизация, понятия с широкой, четко не определенной семантикой, калькирование терминов, аксиологическая лексика, высокая пафосная лексика, сложность дефинитивности терминов, конъюнктурность, банальность метафоризации, «иностранные» синонимы, перифразы, нелепые штампы, слова на случай, неологизмы, затертые слова, девальвированность слова (*религиозность, православие, творец, разум, вера, религиозное мировоззрение, толеранность, духовность, благочестие*), клише и штампы политического дискурса. Это новое семантическое явление в сфере исследований лингвистики лжи, демагогии и пропаганды, политической корректности в гендерном, расовом, возрастном, личностном, имущественном, профессиональном аспекте.

Проблема регистрации прецедентных текстов (Автопробегом по бездорожью; спорту все возрасты покорны; и примкнувший к ним Шепилов).

Проблематика создания и использования идеографического словаря (для изучения этнолингвистических особенностей). Рубрикация позволяет проникать в системное представление менталитета при помощи фразеологии, своего рода топики (в аристотелевском значении).

Еще одна проблема и еще один язык, претендующий на влияние на современный разговорный дискурс, – рекламный дискурс. Важным в обществе потребления является запоминаемость брендов и слоганов.

Экспрессивность в рекламе и периодике (*Я спросил у Тополя. Пить или не пить? Вот в чем вопрос. Пейте, дети, молоко, пока не подорожало.*), исследование заголовков газетных публикаций – прекрасная возможность проследить языковую игру, иронию, юмор, ценностные представления. Показательны трансформация элементов фразеологизма, столкновение антонимов, каламбурное обыгрывание многозначных слов и омонимов, аллюзивности с названиями явлений массовой и высокой культуры, обыгрывание ассоциативности с названиями фильмов, использование стилистического приема зевгмы, языковой игры с квазиимитацией локального акцента.

Литература

1. Волков А. А. Курс русской риторики / А. А. Волков. – М. : Изд-во Храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с. 2. Грачев М. А. Арготизмы в молодежном жаргоне / М. А. Грачев // Рус. яз. в шк. – 1996. – № 1. – С. 78 – 85. 3. Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с. 4. Никитина Т. Г. Словарь молодежного сленга / Т. Г. Никитина. – СПб. : Фолио-Пресс, 2002. – 704 с.

У статті розглянуто сучасні варіанти розмовної мови й компетенції мовної особистості перекладача за їх розумінням і перекладом. Обговорено лінгвістичні проблеми лексикографування середовищ нової розмовності.

Ключові слова: розмовність, переклад, мовна особистість, лексикографія, просторіччя, сленг, реклама, мова белетристики і мас-медіа.

Статья обсуждает современные варианты разговорного языка и компетенции языковой личности переводчика по их пониманию и переводу. Обсуждаются лингвистические проблемы лексикографирования сред новой разговорности.

Ключевые слова: разговорность, перевод, языковая личность, лексикография, просторечие, сленг, реклама, язык беллетристики и масс-медиа.

The article discusses modern variants of colloquial language and competencies of Russian Sprachenspersonlichkeit of the interpreter in comprehending and rendering them. The paper tackles the linguistic problems of lexicographical registering in the new milieu of colloquial language.

Keywords: colloquial speech, translation, Sprachenspersonlichkeit, lexicography, slang, advertisements, the language of belles-lettres and fiction.

Стаття надійшла до редакції 13.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Петренко О. Д.

УДК 81'276.11

А. Р. Габидуллина

РУССКИЕ ПАРЕМИИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ

В. И. Даль, составивший самый крупный сборник пословиц и поговорок «Пословицы русского народа», в который вошло свыше тридцати тысяч народных изречений, отразил в нем ментальность разных слоев русского общества. Сборник дает полное представление о взглядах народа на многие стороны жизни. В нем мы найдем такие разделы, как «Счастье – удача», «Богатство – правда», «Царь», «Казна», «Закон», «Начальство – служба», «Жизнь – смерть» и др. Прошло два века, но актуальность работы В. И. Даля сомнений не вызывает, поскольку паремии – часть языковой картины мира любого народа

Цель статьи – показать особенности языковой игры студентов-филологов с использованием русских фразеологизмов, и в первую очередь паремий.

Языковая игра может основываться на нарушении разных типов фразеологической дистрибуции [1], т. е. таком употреблении фразеологической единицы (ФЕ), при котором она помещается в контекст, придающий ей индивидуальное, не закрепленное языковым узусом значение. При нарушении семантической или семантико-прагматической дистрибуции высокий показатель предсказуемости, свойственный узусальному значению фразеологизма, резко снижается, и можно даже говорить о том, что семантический результат такого нарушения в большинстве случаев непредсказуем. Общая закономерность здесь заключается в том, что чем больше окказиональный смысл ФЕ отличается от узусального, тем сильнее производимый им эффект («эффект обманутого ожидания»). В приведенном ниже примере «крылатые выражения», или прецедентные высказывания из произведений художественной литературы, употребляются с иным

коммуникативным заданием (выступление команды КВН Днепропетровского университета: – *Какой русский не любит быстрой езды? – Тот, на котором ездят*). Риторический вопрос из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя становится квеситивом, т. е. прямым вопросом. Аналогичный пример: «*Какой же новый русский не любит быстрой езды*», – говорил гаишник, пересчитывая деньги. Пример из выступления команды КВН «Новая версия» (Днепропетровск): 52-14-23 – *Марина*, 772-19-07 – *Галина*, 8 гудок 044-484-51-65, *Маргарита*... **Никто не забыт, ничто не забыто**. Еще пример: *Мы перед отъездом с папой в снежки играли, детство вспоминали. Знаете, как трогательно... До сих пор комок в горле* (команда КВН «Два капитана»).

Языковая шутка может создаваться студентом на основе двойной актуализации, т. е. полной или частичной буквализации переносного значения прецедентного высказывания. Семантические (точнее, семантико-прагматические) преобразования в отличие от паремии-источника нередко строятся на актуализации прямого значения прототипа, изменении коммуникативного типа высказывания, прагматической функции (например, поучение – вопрос) при полном сохранении лексического состава. Комический эффект достигается в результате того, что при одновременной актуализации и буквального, и переносного значения паремий вступают в противоречие с последующим их осмыслением, что становится неожиданностью для слушателей-студентов: – *Рядовой Иванов, выйти из строя! Иванов падает без сознания. Грохот... Командир: – Что с ним? – Вышел из строя...* (в диалоге повторяются свободное словосочетание и фразеологизм «выйти из строя» со значением ‘испортиться, забарахлить, попортиться, сломаться, прийти в негодность’). Еще один диалог: – *Заканчиваю школу и не могу определить, куда пойти. – Давай к нам в авиационный – будешь предан небу. – Лучшие к нам, в сельскохозяйственный – после института будешь предан земле* (т. е. похоронен).

Эффект «реализации метафоры» нередко создается за счет каламбурного обыгрывания значений многозначного слова, паронима или паронимаза, омонима и т. п.: – **Языком владеете?** – *Да!* – *Будете наклеивать марки на конверты* (обыгрываются омонимы *язык* со значением ‘орган в полости рта’ и ‘система знаков’).

Нередко паремия в студенческих шутках оказывается в стилистически чуждом ей словесном окружении, вследствие чего возникает своеобразный стилистический диссонанс, то есть имеет место нарушение стилистической дистрибуции. Как правило, она не сопровождается никакими отклонениями от узуального значения или традиционной предметной закреплённости фразеологической единицы. Этот прием строится на основе любого элемента стилистической характеристики фразеологизма, но чаще всего – на смещении в стилистической тональности (регистре): *Я лингвист. Поэтому я не «пацталом», а «бьюсь челом о сруб светлицы воздохотамие под лавкою»*.

Для языковой шутки-загадки характерна экспликация внутренней формы (образной основы) паремии: – **Висит груша – нельзя скушать. Почему?** – *Боксеры могут морду набить*.

Структурно-семантические трансформации паремии в студенческих шутках представляют собой усечение или расширение ее состава инверсию, парцелляцию, лексические и морфологические замены и пр., что приводит к изменению семантики текста

1. Сокращение состава прецедентного высказывания (ПВ). Эллипсис. Сокращение состава ПВ может сопровождаться семантическими заменами входящих в него слов. *Скажи-ка, дядя, ведь недаром?* – Спокойно спи, сынок, не даром. Ну, где ты

видел, шо то даром?! Ср.: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром /Москва, спаленная пожаром, /француз отдана?* (М. Ю. Лермонтов. Бородино). В претексте в результате усечения состава ПВ наречие «недаром» употребляется в значении «обоснованно, неслучайно, с определенным результатом». В заимствующем тексте – со значением «бесплатно». *Скажи-ка, дядя, ведь недаром / Москва, спаленная пожаром, / француз отдана?* (М. Ю. Лермонтов. Бородино).

2. Расширение состава ПФ за счет а) «вклинивания» дополнительных элементов: (1) Наркоман: *«Сутра во рту маковой росинки не было!»*. (2) Идёт заседание ВР Украины. На повестке дня вопрос – как использовать землю в окрестностях Чернобыля. Злаковые сеять нельзя, корнеплоды тем более. Предлагает один депутат: – А давайте засеем поля табаком, а на пачках сигарет напишем: *«Минздрав в последний раз предупреждает»*; б) добавления переменного компонента к началу (*«Нет повести печальнее на свете, чем триста баб на факультете»*) и/или концу прецедентного высказывания, где дается комическое объяснение его смысла: *Вчитися, вчитися і ще раз вчитися, тому що роботу все одно не знайдете*.

3. Изменение модальности высказывания (отрицание – утверждение):

Что имеем, то храним (ср. Что имеем – не храним, потеряем – плачем). Возможно изменение формальной структуры прецедентного высказывания, которое приводит к актуализации нового переносного значения трансформа (новой информационной нагрузки), часто противоположного исходному, к созданию паремии с новым прямым значением. Например: *Игра стоит свеч* (ср. Игра не стоит свеч); *Пойман не вор* (ср. Не пойман – не вор) и т. д.

4. Изменение смысла высказывания может быть вызвано использованием разнообразных стилистических фигур, и в первую очередь – зевгмы, парцелляции, градации, антитезы и др. Нередко изменение синтаксического строя высказывания сопровождается изменением лексических компонентов ПВ.

•– А я вот вчера встретил господина *Чернышевского*. «У меня, – говорит, – новый роман. *Что делать? Что делать?*» (ЯИ сопровождается парцелляцией).

- *У семи детей нянька без глаза* (У семи няnek дитя без глазу) – инверсия.
- Вы можете работать дома или ночью... (зевгма)

5. Распространенным приемом ЯИ в студенческой шутке являются лексико-семантические субституции, т. е. лексические замены ключевых компонентов претекста. Заменяемая лексема может быть синонимом, антонимом или принадлежать к одной семантической (тематической) группе по отношению к окказионально варьируемому компоненту. Приведем некоторые примеры.

- Почему вы пришли в школу фанатов? – Я хочу быть фанаткой Маши Распутиной. – **Губа тонка!**

В шутке обыгрывается атрибут прецедентного имени, т. е. «некие элементы, тесно связанные с означаемым прецедентным именем, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации (кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона). В качестве атрибутов могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату и по которым его можно «идентифицировать», «узнать». Подобная идентификация может быть названа номинацией по атрибуту («именование» предмета через его атрибут), посредством которой в коммуникации осуществляется апелляция к прецедентному имени» [2, с. 202]. В шутке деталь внешности известной певицы – накачанные силиконом губы.

Другие примеры:

- Как студента ни учи, всё в конспект смотрит.
- Посадил дед печень... Выросла печень большая, пребольшая...
- Не переходите улицу на тот свет.
- От тюрьмы и шаурмы не зарекайся.
- Дурьев день.
- Не солоно слинявши.
- Свои люди – сопьемся.
- Исчадие гада.
- Женщина тяжелого поведения.
- Свежо предательство, а верится с трудом.
- Три заряда вне очереди.
- Мордобитие в Мытищах.
- Под лежачий камень мы всегда успеем.
- У семерых козлов и волк без глазу.
- Долг кутежом красен.

Подобные лексические замены приводят к тому, что образуются новые тексты, которые по-разному соотносятся со смыслом исходной единицы: опровергают его (Всадника без головы не будет: он не смог пройти фэйс-контроль; Студента хлебом не корми – дай поест; Если будешь много знать, не дадут состариться); развивают исходную идею (В гареме нет простых танцоров); дают новую интерпретацию элементов содержания какой-либо традиционной поговорки или прецедентного высказывания: Палатализация на дому. Дорого. Условия постпалатализации оговариваются отдельно), утверждают что-то, избирая тему по образной ассоциации (Не бывает некрасивых марсианок, бывает мало мутагенного урана. Или: Желудок у студента меньше котёнка, а сил для курева и пьянок нужно ой как много!).

6. Шуточная контаминация ПВ представляет собой объединение частей двух совершенно разных по смыслу, а нередко и структуре поговорок и «крылатых выражений». Чаще всего поговорки объединяются так: 1) первая часть одной поговорки и вторая часть другой (*Голод не тетка, в лес не убежит*), реже 2) первая часть одной поговорки и первая часть другой поговорки; 3) часть одной поговорки и целиком другая: *На чужой каравай где сядешь, там и слезешь*; 4) одна часть поговорки внутри другой: *Чья бы корова лыко в строку вязала*. В результате образуются новые выражения с переносным употреблением отдельных фрагментов: *Милые бранятся – щепки летят* или развивается новое прямое значение выражения: *Любишь кататься – поезжай в кузов*. Возможно образование шуточных перифраз-алогизмов: *Баба с возу – два сапога пара*.

При контаминации поговорок могут также образовываться поговорки с новым переносным обобщающим смыслом: *Любишь учиться – имей сто рублей* или же создаются ирреальные, алогичные комические ситуации: *Один в поле – хуже татарина*.

Шуточная контаминация – это не всегда механическое, бессмысленное соединение фразеологизмов, что подтверждает шутка *Чем дальше в лес, тем третий лишний*. Для потребностей модификации деконструкции подвергается поговорка *Чем дальше в лес, тем больше дров* ‘*чем дальше развиваются события, тем больше возникает трудностей, неожиданностей*’, которая распадается на две части, заменяя конечный фрагмент фразеологизмом *третий лишний* [3].

Нередко студенческая шутка состоит из фрагментов нескольких поговорок: Вчера на рыбалке отличник по русскому языку достал рыбку из пруда, 7 раз отмерил её, потом отрезал, повалял, поел, затем скинул бабу с возу и был таков (команда КВН «Интеркласс»).

Часто в шутках содержатся лишь аллюзии на известные ПФ: *Спрашивают Лужкова: – А что это Вы всё в кепке? Что шапку никогда не носите? – Пробовал, горит...* В этом примере содержится аллюзия на пословицу *На воре шапка горит*, которая даёт совершенно другую характеристику известному политику. Шутка сборной команды КВН Крыма строится на аллюзии из сказки А. С. Пушкина: – *Милые дамы, в принципе, любое зеркало скажет вам правду, если вы обратитесь к нему утром возле ярко освещенного окна.*

По мнению Н. Н. Федоровой, активизация употребления трансформированных пословиц в речи молодежи объясняется тем, что они выполняют особый «социальный заказ», «осовременивают» шаблонизированные многолетним (а часто и многовековым) употреблением паремии и отражают актуальные для носителей языка реалии [4] из социально-политической сферы: армия (*Не боевая техника красит воина, а воин боевую технику*), криминальная сфера и охрана правопорядка (*Язык до киллера доведет*), медицина (*Лекарства дороже денег*), образование (*Образование дороже денег*), политика и государство (*Делу время – пикету час*), средства массовой информации (*Папарацци на выдумку хитра*), экономической сферы (*Свой бизнес карман не тянет*), научно-технической сферы: компьютерные технологии (*Хакерство хуже воровства*), обиходно-бытовой сферы: алкоголь (*Водку пивом не испортишь*), наркомания (*Чем бы наркоман ни тешился, лишь бы кайф не ломал*), секс (*И для старухи найдется порнуха*), сферы досуга (*Рок попсы не слаще; Не так страшен пейнтбол, как его малюют*).

Трансформы-ПФ как факт языковой игры ситуативно детерминированы, и в то же время они полифункциональны, применимы к разным ситуациям. Они отражают шутивно-ироническое отношение молодого человека к новым явлениям и являются результатом студенческих творческих интенций. Студент-филолог строит вариативность паремий и крылатых выражений на обновлении смысла и модификациях инвариантной структуры языкового прототипа, на индивидуальном творчестве, лингвистическом эксперименте, намеренном, целенаправленном манипулировании языком.

Литература

- 1. Шадрин Н. Л.** Нарушение дистрибуции фразеологических единиц в литературно-художественном тексте [Электронный ресурс] / Н. Л. Шадрин. – Режим доступа : <http://philarts.spbu.ru/stmcture/sub-faculties/engl-filolog/anglistika-articles>
- 2. Красных В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
- 3. Ратайчик К.** Шуточная контаминация фразеологизмов – деконструкция и новообразование (на материале «приколов» Н. Фоменко) [Электронный ресурс] / К. Ратайчик. – Режим доступа : <http://www.samgshn.ru/UserFiles/File/Ratajczyk.rtf>.
- 4. Федорова Н. Н.** Современные трансформации русских пословиц : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Федорова Наталья Николаевна. – Псков, 2007. – 234 с.

У статті досліджено паремії та «крилаті вислови», які використовуються в мовленні студентів. Показано прийоми «мовної гри» з фразеологізмами. Названо різноманітні прийоми трансформації паремій.

Ключові слова: паремія, фразеологізм, мовна гра, «крилаті вислови», студент.

В статье исследуются паремии и «крылатые выражения», используемые в речи

студентов. Показаны приемы «языковой игры» с фразеологизмами. Названы разнообразные приемы трансформации паремий.

Ключевые слова: паремия, фразеологизм, языковая игра, «крылатые выражения», студент.

Paroemie and well-known expressions used in students' speech are investigated in the article. Ways of the language game with phraseological units are shown. Different ways of the paroemie's transformation are named.

Keywords: paroemie, phraseological unit, well-known expressions, student.

Стаття надійшла до редакції 30.08.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 808.3+808.2:801

В. А. Глущенко

СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ряде наших работ раскрыто влияние лингвистических работ В. И. Даля на научное творчество А. А. Потебни [5 – 7; 8, с. 79 – 80]. В них мы уделили внимание фактологическому и методологическому аспектам этого влияния. В частности, в статье «В. И. Даль и А. А. Потебня (методологический и фактологический аспекты)» была затронута проблема источников изучения истории языка и был сделан вывод о том, что выход в свет словаря В. И. Даля способствовал актуализации такой задачи, как использование современных диалектных данных в качестве источника изучения истории русского языка [5, с. 26 – 27].

В данной статье предпринимается попытка более глубокого и всестороннего анализа материала Отдельные положения статьи «В. И. Даль и А. А. Потебня (методологический и фактологический аспекты)» [5] существенно дополнены. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена: 1) актуальностью изучения влияния исследований В. И. Даля на выпавшие во второй половине XIX в. работы диалектологов и историков восточнославянских языков; 2) значительностью влияния «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля на решение проблемы источников изучения истории русского языка.

Целью работы является раскрытие значения словаря В. И. Даля для решения указанной проблемы, определение вклада В. И. Даля в разработку положения о важности современных диалектных данных как источника изучения истории языка, оценка ряда положений с позиций современного языкознания.

Представители русского и украинского сравнительно-исторического языкознания 20 – 60-х гг. XIX в. (А. Х. Востоков, М. А. Максимович, Н. И. Надеждин, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, П. А. Лавровский, Я. Ф. Головацкий и др.) в своих исследованиях использовали различные источники изучения истории языка: материал древних письменных памятников, данные современных восточнославянских языков

(диалектов), других славянских языков, показания фольклорных текстов. При этом для большинства историков восточнославянских языков характерен недифференцированный подход к источникам изучения истории языка без четкой методики использования различных источников.

В частности, это, по мнению В. В. Колесова, было свойственно Ф. И. Буслаеву. В его «Исторической грамматике русского языка» [3] примеры для иллюстраций языковых изменений использованы в равной мере широко и из древних памятников, и из современных восточнославянских языков, и из других славянских, а также индоевропейских языков, и из фольклорных текстов, так что процедура является скорее доказательством того или иного положения, чем исследованием на материале однородных фактов [12, с. 180]. Наши наблюдения подтверждают это. Так, у Ф. И. Буслаева нет четкого противопоставления прошлого и современного в языке, и это связано с недифференцированным использованием различных источников изучения истории языка у Ф. И. Буслаева равноправными источниками, без установления какой бы то ни было иерархии, выступают материал древних памятников (*оу восла* «у осла»), данные современных восточнославянских языков (укр. *він*), с которыми практически отождествлены показания других славянских языков и фольклорных текстов [3, с. 70 – 71].

Однако, на наш взгляд, обращение не только к данным древних письменных памятников, но и к материалу современных языков (диалектов), без использования которого становление сравнительно-исторического метода было невозможным, имело большое методологическое значение. Оно означало реализацию в трудах историков славянских языков 20 – 60-х гг. XIX в. принципа историзма [15, с. 227] и тесно связанных с ним принципов причинности и системности [8, с. 37].

Необходимо отметить также, что в указанный период возникла тенденция к осознанию большей или меньшей ценности того или иного источника изучения истории языка, к критической оценке источников. В этом плане представляет интерес мысль И. И. Срезневского о необходимости осторожного использования материала древних письменных памятников (в связи со смешанным характером их языка и ограниченным количеством памятников) [16, с. 96, 121]. Важно подчеркнуть, что ее высказал ведущий палеограф, блестящий знаток древних славянских рукописей. Согласно И. И. Срезневскому, необходимо сравнение современных восточнославянских языков с другими славянскими, что помогает понять внутреннюю логику развития восточнославянских языков как определенных систем начиная с древнерусского периода [Там же, с. 121; 17, с. 31]. Именно в этом смысле И. И. Срезневский пишет о необходимости и актуальности «разработки языка», которая противопоставлена исследованию памятников письменности [16, с. 95 – 96]: «разработкой языка» ученый называл исследование современных языковедов диалектов.

О важности изучения «народного языка» писал и Ф. И. Буслаев: «Органическая жизнь, которою проникнут он, дает ему характер предмета, имеющего полное право войти в область филологии» [4, с. 282]. Если принять во внимание, что под «организмом языка» Ф. И. Буслаев понимал целостность языковой системы, то можно сделать вывод: «органическая жизнь» языка, о которой писал Ф. И. Буслаев, и была в его трактовке функционированием *живой* языковой системы. Приведенное положение Ф. И. Буслаева свидетельствует о том, что он близко подошел к осознанию преимуществ диалектной речи в плане экспликации системных свойств языка.

Характерно, что высокую оценку Ф. И. Буслаеву в этом аспекте дал представитель Московской школы Е. Ф. Будде: по его мнению, одна из важнейших заслуг Ф. И. Буслаева перед русским языкознанием заключается в том, что он «ввел в грамматику народный язык с его говорами» [2, с. 484].

Таким образом, положение И. И. Срезневского и Ф. И. Буслаева о значительной ценности для историка языка явлений современных языков (диалектов) стало проявлением новой тенденции в подходе к источникам изучения истории языка.

На наш взгляд, значительную роль в формировании этой тенденции сыграл «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [9] (1-е изд. – 1863 – 1866, 2-е – 1880 – 1882). Словарь В. И. Даля – «явление исключительное и, в некотором роде, единственное» [1, с. V]. Выход в свет уникального лексикографического труда стал ярчайшим событием в русской культуре, занял почетное и прочное место в ее истории [Там же, с. VI]. Это словарь *живого* (что отражено в названии), современного В. И. Даля русского языка. Словарь-сокровищница включает в себя свыше 200 тысяч слов. Наряду с общеупотребительными словами в словаре широко представлена лексика ограниченного употребления: диалектная, специальная, жаргонная.

Диалектная лексика включает в себя не только собственно лексические, семантические и этнографические диалектизмы (*баса* «краса, красота, хорошество, пригожество, нарядность, изящество; украшение, наряд, украса, прикраса»; *край* «краюха, ломоть хлеба»; *панёва* «бабья шерстяная юбка, красная, синяя, клетчатая, полосатая»), но и диалектизмы фонетические и словообразовательные (*льняной, ленный, льнянучный, льяной, альяной*). Представлены морфологические и синтаксические особенности русских говоров. Так, существительное мужского рода *путь* может быть словом женского рода (согласно В. И. Далю, в воронежских говорах); в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и условия (эти значения могут быть совмещены или слабо дифференцированы) используется союз *как* (*Какъ придетъ кто, сказать. Какъ захочешъ пить, позвони*). В словаре почти нет иллюстраций из художественной литературы, их заменяют примеры из диалектной речи.

«Толковый словарь живого великорусского языка», зафиксировавший богатство и многообразие русской народной речи, продемонстрировал экспланаторность такого важнейшего источника изучения истории русского языка, как современные языковые (диалектные) данные. В частности, материал, включенный В. И. Далем в его словарь, убедительно подтвердил обоснованность положения о тесной взаимосвязи истории языка и истории народа.

Это положение в русском языкознании 20 – 60-х гг. XIX в. разрабатывали И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, Н. И. Греч [8, с. 25 – 26].

По словам Н. И. Греча, язык «носит на себе отпечаток истории и характера народа, который его употребляет» [9, с. 43].

Первой попыткой анализа значительного языкового материала в этом плане стал раздел «Материалы для русской грамматики и стилистики» в книге Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» [4, с. 192 – 373]. На это обращают внимание Н. С. Чемоданов, С. В. Смирнов и другие историографы языкознания [18, с. 17; 13, с. 21]. В частности, исследование варваризмов в русском языке позволило Ф. И. Буслаеву сделать вывод о том, что «история варваризмов стоит в тесной связи с историей народа» [4, с. 341]. Необходимость рассматривать историю языка в тесной

взаимосвязи с историей народа Ф. И. Буслаев обосновывал и теоретически. Он подчеркивал, что «язык есть выражение не только мыслительности народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа» [Там же, с. 340]. Поэтому целиком закономерным является вывод о том, что «в языке выражается вся жизнь народа» и что современная речь «есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов» [Там же, с. 270].

Исследование Ф. И. Буслаевым истории языка в тесной связи с историей народа получило высокую оценку языковедов последующих поколений, в частности Е. Ф. Будде [2, с. 482]. По словам Е. С. Истриной, в решении проблемы связи истории языка с историей народа Ф. И. Буслаев «намечал широкие и смелые задачи, поэтически изложил их» [11, с. 101].

Значительные перспективы в изучении этой проблемы видел также И. И. Срезневский, который отмечал, что «история языка, нераздельная с историей народа, должна входить в народную науку, как ее необходимая часть» [17, с. 17].

В связи с этим можно привести следующие факты. И. И. Срезневский и В. И. Даль много сделали для организации Русского географического общества (РГО). Идея его создания возникла на «четвергах Даля», проводившихся у него дома (1845). После официального учреждения РГО (1846) И. И. Срезневский занял в нем пост помощника председателя отделения этнографии, во многом определяя направление деятельности отделения, основные интересы которого лежали в области русской этнографии [14, с. 136 – 137]. Этим в 40 – 50-е гг. XIX в. активно занимался и В. И. Даль. Он использовал РГО для сбора материала, который должен был войти в будущий толковый словарь русского языка: В. И. Даль составлял и рассылал в различные учреждения и отдельным лицам письма с просьбой собирать и доставлять ему сведения этнографического характера, песни, пословицы, поговорки, которые давали возможность в будущем дать в «Толковом словаре живого великорусского языка» описания реалий (предметов крестьянского хозяйства, построек, одежды), обычаев и т. д., привести сведения исторического характера [Там же, с. 137].

Отделение этнографии РГО при поддержке И. И. Срезневского разослало один из первых таких документов В. И. Даля – этнографический циркуляр. И. И. Срезневский принимал во внимание важность и ценность сведений по этнографии русского народа для составления словаря, задуманного В. И. Далем. Впоследствии в рецензии И. И. Срезневский дал высокую оценку этнографическим и историческим сведениям, содержащимся в «Толковом словаре живого великорусского языка» [Там же].

С особым вниманием В. И. Даль отнесся к «Словарю церковнославянского и русского языка», созданному Вторым отделением Академии наук (1847). Видя все преимущества этого словаря по сравнению с предыдущими, В. И. Даль учитывал и то, что принципы его создания были одобрены И. И. Срезневским. И. И. Срезневский видел достоинства словаря Академии наук в том, что в него вошли многие слова «старого русского языка» и многочисленные диалектизмы. Из этого словаря В. И. Даль включил в свой около 100 000 слов, снабдив их своими языковыми и этнографическими иллюстрациями [Там же, с. 138].

Книги И. И. Срезневского «Мысли об истории русского языка» (1850) и Ф. И. Буслаева «Историческая грамматика русского языка» (1858) оказали большое влияние на В. И. Даля в плане построения словника его словаря. Знакомство с этими трудами навело В. И. Даля на мысль о важности учета этимологии слова, его исторического развития. В. И. Даль решил осуществить этимологизирование в первую

очередь тем, что использовал гнездовой способ расположения слов в своем словаре.

Гнездовой способ расположения, по мнению В. И. Даля, уже сам по себе указывает на родство слов, на их происхождение [Там же, с. 139].

Общепризнанно, что «своим словарем и обильно введенными в него материалами народной речи В. И. Даль стремился указать современникам средства народного обновления русского литературного языка XIX века» [1, с. VI]. Несомненно также, что словарь «сыграл очень большую роль в подъеме интереса к живым говорам русского языка» [Там же]. Однако это положение нуждается в конкретизации. Следует, очевидно, говорить о том, что выход словаря В. И. Даля способствовал актуализации таких задач: 1) описания единиц диалектного членения русского языка, 2) их классификации и 3) использования современных диалектных данных как источника изучения истории языка. Последнее обстоятельство было впервые отмечено нами в статье «В. И. Даль и А. А. Потебня (методологический и фактологический аспекты)» [5, с. 26 – 27]. Нам оно представляется чрезвычайно важным в контексте влияния В. И. Даля на современное ему и последующее языкознание.

Таким образом, в подходе к проблеме источников изучения истории русского языка В. И. Даль выступил как «союзник» И. И. Срезневского и Ф. И. Буслаева.

Новая тенденция в подходе к источникам изучения истории языка получила дальнейшее воплощение в трудах ученых Харьковской школы (А. А. Потебни, П. И. Житецкого и М. А. Колосова), а несколько позднее – языковедов Московской и Казанской школ [8, с. 49 – 51, 109 – 121].

В дальнейшем представляется перспективным изучение научного творчества В. И. Даля в его отношении к сравнительно-историческим исследованиям в более широком контексте, с привлечением работ других представителей русской и украинской компаративистики XIX – XX вв.

Литература

1. Бабкин А. М. Толковый словарь В. И. Даля / А. М. Бабкин // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989. – Т. 1. – С. V – XII. **2. Будде Е. Ф.** О заслугах Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя (Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года) / Е. Ф. Будде // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Ф. И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1992. – С. 480 – 493. **3. Буслаев Ф. И.** Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с. **4. Буслаев Ф. И.** О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Ф. И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1992. – С. 25 – 373. **5. Глущенко В. А.** В. И. Даль и А. А. Потебня (методологический и фактологический аспекты) / В. А. Глущенко // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : науч.-метод. сб. / отв. ред. В. А. Глущенко. – Славянск : СГПУ, 2006. – Вып. XIV. Ч. 1. – С. 23 – 30. **6. Глущенко В. А.** В. И. Даль и А. А. Потебня: от диалектологии к исторической фонетике / В. А. Глущенко // Наследие В. И. Даля в контексте общечеловеческих ценностей : Девятые Междунар. Далевские чтения : доклады и сообщения. – Луганск, 2005. – С. 8 – 11. **7. Глущенко В. А.** Значение диалектологических работ В. И. Даля для историко-фонетических исследований А. А. Потебни / В. А. Глущенко // Два крыла духовности (материалы науч. конф.,

посвящ. творческому наследию В. И. Даля и Б. Д. Гринченко). – Луганск, 1993. – С. 26 – 27. **8. Глущенко В. А.** Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. ХІХ ст. – 20-і рр. ХХ ст.) / В. А. Глущенко ; відп. ред. О. Б. Ткаченко. – Донецьк, 1998. – 222 с. **9. Греч Н. И.** Чтения о русском языке / Н. И. Греч. – СПб., 1840. – Ч. 1. – VI, 336 с. **10. Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1 – 4 / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989 – 1991. – ХСVI. – 699, 780, 556, 684 с. **11. Истрина Е. С.** Труды А. А. Шахматова по русскому языку / Е. С. Истрина // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1922. – Т. 25 (1920 г.). – С. 100 – 106. **12. Колесов В. В.** Становление идеи развития в русском языкознании первой половины ХІХ в. / В. В. Колесов // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины ХІХ века / отв. ред. А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1984. – С. 163 – 199. **13. Смирнов С. В.** Федор Иванович Буслаев (1818 – 1897) / С. В. Смирнов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 96 с. **14. Смолицкая Г. П.** И. И. Срезневский и В. И. Даль / Г. П. Смолицкая // Славянские языки, письменность и культура. – К., 1993. – С. 136 – 141. **15. Сорокин Ю. С.** Эволюция понятия историзма в русском языкознании 1830 – 1840-х гг. / Ю. С. Сорокин // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины ХІХ века / отв. ред. А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1984. – С. 200 – 235. **16. Срезневский И. И.** История русского языка: курс 1849 – 50 года. Сост. г. Чернышевский / И. И. Срезневский // Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 93 – 132. **17. Срезневский И. И.** Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 16 – 81. **18. Чемоданов Н. С.** Сравнительное языкознание в России : очерк развития сравнительно-исторического метода в русском языкознании / Н. С. Чемоданов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 95 с.

Розкрито значення словника В. І. Даля для розв'язання проблеми джерел вивчення історії російської мови, визначено внесок В. І. Даля в розробку твердження про важливість сучасних діалектних даних як джерела вивчення історії мови.

Ключові слова: російська мова, сучасні діалектні дані, джерела вивчення історії мови.

Раскрыто значение словаря В. И. Даля для решения проблемы источников изучения истории русского языка, определен вклад В. И. Даля в разработку положения о важности современных диалектных данных как источника изучения истории языка.

Ключевые слова: русский язык, современные диалектные данные, источники изучения истории языка.

The significance of V. Dal's dictionary for solving the problem of sources of Russian language history study has been investigated, the contribution of V. Dal to the development of the thesis on importance of contemporary dialectal data as a source of language history study has been defined.

Keywords: Russian language, contemporary dialectal data, language history study sources.

Стаття надійшла до редакції 13.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Петренко О. Д.

М. Р. Желтухина, А. В. Омельченко

ФУНКЦИИ СЛУХОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Что в Москве творится – уму непостижимо человеческому! Семь сухаревских торговцев уже сидят за распространение слухов о светопреставлении, которое навлекли большевики. Дарья Петровна говорила и даже называла точно число: 28 ноября 1925 года, в день преподобного мученика Стефана земля налетит на небесную ось... Какие-то жулики уже читают лекции.

М. А. Булгаков

...Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, – то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмеяться надо всеми народными предрассудками, без разбора, – сами верят им втихомолку, или по крайней мере из предосторожности...

В. И. Даль

Недостаток информации рождает слухи, избыток – отсутствие тем для беседы.

Афоризм

Проблема порождения и восприятия слухов представляет значительный интерес для многих психолингвистов, социолингвистов и исследователей других научных областей, занимающихся изучением различных аспектов воздействия на массового адресата [1 – 5 и др.]. Анализ фактического материала показывает, что в начале XXI века деятельность по распространению слухов во многих странах возведена в ранг государственной политики с щедрым финансированием научно-исследовательской работы в этой области. Пропаганда с помощью слухов состоит в планомерном использовании слухов для воздействия на разум и чувства конкретной группы людей с определенной, имеющей общественное значение целью (военной, экономической, политической и т. п.), реализуется на личностном и коллективном уровне через медиа (прессу, радио, телевидение, кино, Интернет).

Слух понимается нами как исходящее от одного или более лиц информационное сообщение о некоторых официально неподтвержденных событиях, передающееся устно в массе людей от одного лица к другому, а также устно или письменно через средства массовой коммуникации [6]. Слухи касаются важных для определенной социальной группы явлений, отвечают направленности ее потребностей и интересов. Неудовлетворенность потребностей и ожидание получить их удовлетворение выступают в качестве мотива для восприятия и воспроизведения услышанного.

Передаваемый слух является продуктом коллективного творчества, коллективной попыткой объяснить проблематичную и эмоционально насыщенную ситуацию.

Тема и содержание слуха всегда актуальны, поскольку важным стимулом для распространения и восприятия слуха является стремление адресата получить сведения по волнующему его вопросу. Иначе говоря, неактуальный слух не воспринимается, не подхватывается массовым адресатом и быстро исчезает. Часто массовый адресат сталкивается с чѐм-то непонятным, но, по его мнению, очень важным, тем самым активизируется поиск информации с целью обязательно разъяснить вопрос. Этим объясняется повышенный спрос на прессу, информационные Интернет-сайты и форумы. О значительном интересе адресата свидетельствуют высокие рейтинги телевизионных и радиопрограмм особенно, когда происходят выборы главы государства, депутатов, различные катастрофы, террористические действия, военные перевороты, девальвации валюты, биржевые паники, массовые забастовки или иные события, затрагивающие многих людей. Но случается так, что официальные СМИ не дают объяснений, снимающих напряженность психической деятельности, тогда люди сами пытаются прояснить ситуацию и делают это в рамках привычных им представлений.

Достоверность передаваемой в слухе информации колеблется в очень широком диапазоне: от совершенно достоверной до абсолютно ложной с деталями, которые искажают достоверную информацию или придают черты правдоподобия информации, полностью недостоверной. Эти колебания являются следствием того, что в процессе циркуляции сюжет слуха подвергается изменениям в сторону его приспособления к психическим нуждам массового адресата.

Существующие в обществе предрассудки, простота и доступность удовлетворения возникающей потребности в информации из достоверных источников служит основной причиной быстроты, с которой распространяются слухи. Слух воспроизводится, и ему верят не потому, что это кажущаяся правда, а потому, что он удовлетворяет психологическую потребность адресанта и адресата, не удовлетворенную иным способом.

Социальная природа слухов обусловлена общественной средой их порождения и восприятия («народная молва»). Тот факт, что слухи оказывают сильное влияние на личное мнение адресата, позволяет применять их целенаправленно, например, в политической борьбе, в коммерческой деятельности для продвижения товара или услуги или с целью устранения конкурента.

В результате исследования выявлены две основные характеристики слухов:

1) *информационная*, определяющая объективную степень достоверности, т. е. отношение суждения, лежащего в основе слуха, к истине;

2) *экспрессивная*, фиксирующая общий тип эмоциональной реакции, на которую рассчитан и которую вызывает слух при его восприятии аудиторией, – желание, страх или враждебность.

В России проблемы массовой коммуникации, особенно в сфере массовой информации, традиционно изучаются в рамках теории речевой деятельности, социолингвистики и психолингвистики, теории воздействия, стилистики. Начиная с середины 70-х годов XX века тексты, функционирующие в сфере массовой коммуникации, признаны в отечественной лингвистике объектом междисциплинарного исследования, в рамках которого решаются проблемы, связанные с определением статуса языка СМИ, способами описания различных типов

медиа-текстов, выяснением роли языка текстов СМИ в формировании языка и речевой культуры его носителей [7, с. 7]. К новым подходам относится изучение медиа-текстов в когнитивно-дискурсивной парадигме, лингвокультурологическом аспекте. Наибольшее распространение в наше время получил комплексный подход, рассматривающий язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования [8, с. 156], и системный подход, позволяющий увидеть объект исследования в его специфической целостности [7, с. 7]. Целостное теоретическое осмысление медиа-коммуникации стало возможно лишь в настоящее время. Благодаря обращению к процессам функционирования языка в различных условиях, постижению языка как антропологического феномена сформировался многоаспектный подход к изучаемому объекту, позволяющий от экстенсивных методов и приемов описания перейти к интенсивному изучению медиа-дискурса, более системному его представлению. Переход от монологической коммуникативной парадигмы тоталитарного общества (один говорит, все слушают и выполняют) к диалогической парадигме плюралистического общества отразился на медиа-дискурсе, обусловил коммуникативную свободу журналистов, проявляющуюся в обилии инноваций, предпочтении нестандартных форм выражения мысли, в расширении нормативных границ языка, а иногда и сознательном нарушении языковых норм. Такая коммуникативная свобода позволила печатным СМИ в своих изданиях представлять большое количество непроверенной и/или искаженной информации, слухов путем употребления лексических, грамматических и стилистических средств. В данной статье выявим основные функции слухов в современных печатных СМИ.

Распространенность слухов в обществе и СМИ свидетельствует о том, что они выполняют важные социальные функции. Условно можно выделить два уровня функциональной ориентированности слухов: уровень группы и уровень индивида.

Одна из функций – это **формирование идентичности**. Распространяя какой-либо слух, индивид, или же средство массовой информации как бы входит в круг лиц, уже владеющих данной информацией, и становится «идентичным» к ним, то есть, фактически, «своим».

Другой функцией слухов в СМИ является **повышение гомогенности мнений** (на уровне группы). Гомогенность группы повышается, поскольку внутригрупповое обсуждение слухов способствует кристаллизации общей точки зрения и снижению межиндивидуальной вариативности мнения. Таким образом, печатные СМИ могут формировать у своих потребителей определенное отношение к тому или иному явлению, активизировать их на какие-то действия и тому подобное. Так, в российской печати происходит намеренная агитация адресата против государственных властей путем объединения группы голосующих.

Например,

В стране нет наивных, которые бы полагали, что Путин отстранится от власти и решений. Именно поэтому ему и выгодно сидеть на месте премьера (МК, 16.03.11).

Слухи играют важную роль в конфликтах разного рода: межгрупповых, межнациональных, международных. Их значимость связана с тем, что в современном обществе возможности воздействия конфликтующих сторон друг на друга существенно ограждены как законодательными рамками, так и общественным мнением. Подобные особенности общества способствуют росту значимости тех приемов **воздействия**, которые связаны с изменением представлений о конфликте у большинства населения в направлении, выгодном для одной из конфликтующих

сторон. Подобные изменения осуществляются при помощи специально подобранных сведений, распространяемых в первую очередь средствами массовой информации, а так же по каналам неформальной коммуникации. Слухи в данном случае становятся серьезным оружием в конфликтном столкновении.

Запуск слухов в ситуации конфликта может быть использован для достижения различных целей. Прежде всего, это **дискредитация оппонента в глазах большинства населения**. Так, в период предвыборной кампании возрастает частота слухов о различных наклонностях кандидата. И если подобный слух становится интересен для читателей, то он находит свое распространение и за пределами СМИ.

Другой функцией слухов в конфликте является **провоцирование населения на совершение действий, выгодных для одной из конфликтующих сторон**. Речь может идти о массовых беспорядках, забастовках, ажиотажном спросе на продукты и тому подобных акциях. Слухи о полном исчезновении продуктов, распространяемые оппозицией, приводят к тому, что люди действительно скупают все товары, вызывая рост цен и дефицит. Вину же за сложившуюся ситуацию жители возлагают на правительство, стоящее у власти. Подобного рода слухи довольно легко обнаружить, в отличие от остальных типов.

Например,

Этот партийный бред перед нами вот уже двенадцать лет. Но сейчас ему приходит конец, пусть и постепенно. А помочь ему в этом можем мы, избиратели, но только в том случае, если голосовать будем честно, а не по привычке (МК, 16.03.11).

В СМИ слухи также предназначены для **введения оппонента или аудитории в заблуждение**. Еще Чингисхан прибегал к подобному методу, распространяя слухи об огромных размерах своей армии, что снижало боевой дух врагов. Введение в заблуждение может осуществляться и в направлении преуменьшения собственной силы и возможностей.

Слухи могут способствовать как **снижению уровня возбуждения, тревожности у индивидов, так и активизации их действий**, а средства массовой информации, в свою очередь, оказывают достаточно выраженное влияние на их циркуляцию. Это происходит следующим образом: прежде всего, отсутствие или недостаточное количество информации по какой-либо теме в СМИ благоприятствует появлению и распространению слухов по этой тематике. Слухи в данном случае **заполняют информационный вакуум, дстраивая картину события**. В случае же, когда СМИ являются непосредственными источниками слухов, публикуя недостаточно проверенную информацию (с коммерческими целями или с целью привлечения внимания), она еще быстрее проникает в массы, и процент поверивших в нее людей увеличивается.

Вместе с тем не стоит забывать, что СМИ порой вносят решающий вклад в процесс затухания слухов, представляя подробную и ясную информацию по соответствующей теме.

Итак, в результате анализа специальной литературы и фактического материала можно выделить две основные функции слухов в печатных СМИ – информационную и воздействующую (воздействие на адресата через сообщение определенной информации). Воздействующая и информационная функции слухов в современном медиа-дискурсе реализуется в следующих важных направлениях: заполнение информационного вакуума, дстраивание картины события; формирование идентичности; повышение гомогенности мнений; регулирование (разжигание или

погашение) конфликтов; дискредитация оппонента; провокация адресата на активизацию действий; снижение уровня возбуждения, тревожности у адресата; введение оппонента в заблуждение.

Масс-медиа, пытающиеся реализовывать функцию оценки и критики, вместо разоблачения различных слухов, псевдо аргументов, лжи, умышленно распространяемых в целях воздействия на чувства, эмоции, настроения и поведение людей, сами успешно и в глобальном масштабе порождают и распространяют слухи, активно используют псевдоаргументы и ложь. При этом невольно, а чаще всего намеренно масс-медиа достигают поставленных целей, воздействуя на психику и поведение человека. Исследование приемов воздействия СМИ на адресата путем создания и распространения слухов является перспективным направлением изучения влияния на сознание и подсознание человека в современном медиа-пространстве.

Литература

1. Дмитриев А. В. Неформальная политическая коммуникация / А. В. Дмитриев, В. В. Латынов, А. Т. Хлопьев. – М. : РОССМЭН, 1997. – 197 с. **2. Желтухина М. Р.** Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса : О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. – М. : ИЯ РАН ; Волгоград : ВФ МУПК, 2003. – 656 с. **3. Желтухина М. Р.** Коммуникативные технологии в XXI веке / М. Р. Желтухина, А. В. Омельченко. – Волгоград : НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008. – 100 с. **4. Ле Бон Г.** Психология толп / Г. Ле Бон // Мнение и толпа / Г. Тард. – М. : Ин-т психологии РАН ; КПС+, 1998. – 412 с. **5. Ольшанский Д. В.** Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая кн., 2001. – 496 с. **6. Желтухина М. Р.** Слухи как форма стихийной передачи информации в современной массовой коммуникации / М. Р. Желтухина, К. В. Разменова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. – Волгоград : ВАГС, 2010. – С. 92 – 93. **7. Гришаева Л. И.** Медиатекст: стратегии – функции – стиль : кол. моногр. / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов и др. – Орел : Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, полигр. фирма «Горизонт», 2010. – 228 с. **8. Засурский Я. Н.** Средства массовой информации России / Я. Н. Засурский. – М. : Аспект-Пресс, 2008. – 380 с.

Сучасний медіа-дискурс активно породжує й розповсюджує чутки для маніпулювання свідомістю та поведінкою адресата. У цій статті розглянуто основні функції чуток, які транслюються через мас-медіа.

Ключові слова: чутки, функції, медіа-дискурс, інформація, вплив, експресія.

Современный медиа-дискурс активно порождает и распространяет слухи для манипулирования сознанием и поведением адресата. В данной статье рассматриваются основные функции слухов, транслируемых через масс-медиа.

Ключевые слова: слухи, функции, медиа-дискурс, информация, воздействие, экспрессия.

Contemporary media discourse actively generates and spreads rumors to manipulate the consciousness and behavior of the recipient. This article discusses the basic functions of rumors, broadcast via media.

Keywords: rumors, functions, media discourse, information, influence, expression.

Стаття надійшла до редакції 11.09.2013 р.
Прийнято до друку 25.09.2013 р.
Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 811.161

Г. В. Звёздова, Е. Н. Руднев

К СПЕЦИФИКЕ СЛОВА-СИМВОЛА В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ И СЛОВАРЕ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

В современной науке о языке изучение когнитивных процессов весьма актуально. Бурно развивающаяся концептуальная лингвистика ставит своей целью, как мы полагаем, раскрытие загадок языковой картины мира и ментальности в целом. Достижение этой цели многими учеными видится в описании познавательных процессов, которые определяют основные черты национального характера. При исследованиях такого рода важнейшую роль играет слово, являющееся, по сути, двуплановой единицей, стяжающей речь и мысль. Оно сугубо национально; оно, безусловно, многогранный феномен, который определяет, в том числе, и образ мыслей.

Идеи, согласно которым слово является важнейшим феноменом культуры, развивались активно членами общества «Беседа любителей русского слова», славянофилами, представителями русской религиозной философии¹. Так, например, П. А. Флоренский отмечал, что «сила действия слова <...> в спиральности его строения, почему слово втягивает, всасывает в себя и затем себе подчиняет все. Слово – конденсатор воли, конденсатор внимания, конденсатор всей душевной жизни». Кроме того, в нем он видел выход «из пределов своей ограниченности и соединение с безмерно превосходящей <...> собственную волю целого народа» [1, с. 241]. К мысли о «жизненной энергии» *живого слова* так или иначе приходят сейчас ученые, чьи работы посвящены роли слова в когнитивно-ментальных исследованиях (В. В. Колесов, А. М. Камчатнов и др.).

Особое понимание слова как символа определяло целостность мировидения. Слово-символ в своем бытовании не отменяет тех законов, которые обусловили его развитие. Оно, как и человек, может жить вечно, а может и умереть. В своей внутренней форме слово способно сохранить суть, то есть великую правду, истину. По справедливому замечанию космиста Н. Федорова, слово-символ «в первобытном, в первоначальном значении заключает не обман, возвышающий нас, а выражает то, что должно быть» [2, т. I, с. 39], то есть синтез бытового (вещного) и бытийного (вечного).

Однако что же есть «символ»? При определении значения понятия *символ* буквально все ученые ссылаются на греческий эквивалент *σύμβολον*, неясность перевода которого очевидна. Он представляется то как «условный знак, примета», то как «удостоверение личности», то как «знак, опознавательная примета». В силу этого, как нам представляется, в общем виде символ – это «образ, тяготеющий к многозначности, но сохраняющий в то же время свое прямое значение» [3, с. 287].

На бытовом уровне символ, безусловно, является проводником информации, скрытого, не лежащего на поверхности смысла. Действуя на разных уровнях человеческого сознания: общем и частном, интеллектуальном и эмоциональном,

постоянном и временном, духовном и материальном, он аккумулирует жизненный опыт человека. Не случайно символ, по этимологическим данным, это «изложение; вещественное изображение чего-либо отвлеченного» [4, т. III, с. 623].

Символ наличествует в природе вещей, которая, в свою очередь, есть отражение иной, высшей реальности, знаменующей высшее бытие. Эта трактовка восходит к мифологическим религиям древних, к учениям гностиков и орфиков, пифагореизму и платонизму.

По мысли А. А. Потебни, только с помощью языка символы можно привести в порядок. При этом символ необходимо соотносить с воззрением народа, а не с произволом отдельной пишущей творческой личности. «Символ есть лингвистическое условие, необходимое для психологической процедуры формирования вербальной идеи» [5, с. 196].

Слово в этом отношении предоставляет достаточно богатый материал, ибо оно помимо понятийного ядра содержит очень важные сакральные смыслы. Исследуя слово, В. В. Колесов приходит к выводу, что оно есть «знак знака, то есть символ, поскольку словесный знак указывает на что-то, одновременно передавая значение чего-то другого...» [6, с. 37]. Кроме того, символ в слове синтезирует его составные части (образ и понятие. – Г. З., Е. Р.). Таким образом, символ можно назвать «воспоминанием об опыте». «Материальную» же форму символ может обретать в слове, звуке, действии, вещи – во всем, что существует в физической действительности.

Бережное отношение к слову порождает особое понимание лексикографического источника, который, как мы полагаем, являет миру силу языка, его особую мессианскую роль. В этом отношении «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля особенно ценны. На сегодняшний день семантическая структура слов, извлеченная из этих словарей, воспринимается как некий конгломерат значений, не имеющий внутренних связей. Объективно действовавшие законы символического отображения действительности в слове утратили свою актуальность. Мир слова перестал существовать как действительный мир, так как потеряно понимание этимона, символа, первичного образа, взаимодействия реальных и сакральных смыслов.

Напротив, современные лексикографические источники ставят перед собой задачу отразить лишь строго определенный аспект функционирования лексемы в языке (объем понятия и значение понятия. – Г. З., Е. Р.), тогда как изначально авторов первых словарей прельщало стремление к описанию жизни слова во всей полноте его смыслового содержания. Не случайно и обращение к этимологии, науке, которая переводилась с греческого языка как «истиннословие». Увлечение исконными значениями отражало стремление, пытавшееся показать не только историю слова, его родство с другими языками, но и в какой-то мере спрогнозировать дальнейшее развитие семантической структуры.

В этом отношении «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля являются уникальными явлениями русской и славянской филологической науки в целом. Само понимание слова в данных лексикографических источниках во многом отражает не столько понятийную их структуру, сколько универсальную основу бытия. И тот и другой автор опираются, прежде всего, на этимологию, правда, уровень ее понимания разнится. Так, И. И. Срезневский пытался отразить связь русского языка с

латинским и греческим, определить место национальной культуры и языка как части этой культуры. В этом отношении Словарь В. И. Даля дает, как мы полагаем, истинно народное понимание слова в его сугубо национальных сакральных смыслах.

Безусловно, сама подача многогранного материала различна, однако нельзя не указать на некую общность: слово, извлеченное из Словаря И. И. Срезневского и Словаря В. И. Даля, необычайно жизненно. Оно отражает, в первую очередь, суть явления – вещественное значение, а далее дает сакральное его понимание. Эта двуплановость открывает целостность слова в его онтологизме, что само по себе предстает как уникальное свойство, способное раскрыть важные смыслы, открывающие нам глубины национального характера.

Вместе с тем отсутствие четкой понятийной парадигмы, условность в иерархии значений – важные признаки обозначенных лексикографических источников. Сама семантическая структура предполагает дальнейшее развитие слова в плане расширения образа, укоренении его в понятии и смысловом расширении в символе. При этом символ не является до конца законченной структурой. В его эволюции можно выделить три стадии. «Первая стадия – понимание: те, кто не переживал «первоначального» опыта, получают возможность приобщиться к нему через объяснение хранителей древней мудрости, причем неперенным условием истинности этого объяснения служит «непрерывность» хранителей – знания передаются от наставника к ученику... Вторая стадия – интерпретация, она возникает в тот момент, когда нарушается принцип неразрывности. Истинное, сакральное знание оказывается утраченным, уступает место профаническим толкованиям и домыслам, первоначальный опыт начинает представляться чем-то мифическим. Наконец, третья стадия – забвение: символ умирает, сохраняя лишь археологическую, этнографическую ценность» [7, с. 11].

Символ является конечной точкой жизни слова, однако процесс его формирования может продолжаться достаточно долго, тем самым демонстрируя его укорененность в национальной картине мира. Такое слово, являясь выразителем жизни этноса в целом, способно жить вечно. В этом отношении оно предстает как уникальный и универсальный феномен. Описывая слово в плане фиксации этимона (первосмысла. – Г. З., Е. Р.), реальных и сакральных смыслов, формирования первичного образа, четкого в своих границах понятия, В. И. Даль и И. И. Срезневский вплотную подходят к осознанию сущности, под которой современная когнитивная лингвистика понимает концепт. Современное понимание символа во многом отражает специфику «свернутой точки потенциальных смыслов» [8, с. 19], «архетипа мысли» [9, с. 68], «внутренней формы слова» [8, с. 54], отражающих, по существу, смысловое наполнение современного термина

Концентрируя, с одной стороны, книжную культуру, сформировавшуюся в древнерусской литературе, а с другой – живую речевую стихию, включающую народную диалектную первооснову, данные лексикографические источники определяют целостное мировидение. Их использование при описании языковой картины мира, как мы полагаем, является необходимым условием исследования ментальности. В противном случае речь может идти только о характеристике предельно сжатого периода бытования слова. Если же мы изучаем ментальность через языковые единицы, то просто необходимо объективно подходить к анализу конкретного материала. Скрупулезный анализ слова во всех его формах в этом плане необходим. К сожалению, современные исследования, посвященные ментальности,

пренебрегают этой основополагающей составляющей трудоемкой аналитической работы, коей, по нашему убеждению, и является исследование глубин национального характера

Исследуя слово-символ / концепт в истинном его понимании, исследователи-концептологи опираются в основном на ассоциативные связи. Они, конечно, показательны в плане выражения ментальной сущности той или иной категории, но основное их свойство – мерцательный характер смыслов – не всегда продуктивно и убедительно отражает фундаментальные черты национального характера. Мы, естественно, рассуждаем с позиции современного языкового сознания. В этой связи наш арсенал средств, раскрывающий сокровенные свойства русской души, относительно скуден. Когда же речь идет о древнерусском языке и соответствующей языковой картине мира, то реконструировать ее можно достаточно условно. Можно ли в этом случае говорить об ассоциативных связях, неизвестно. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения. Как мы полагаем, слово в древнерусском языке, целостное по своей природе, вмещающее и понятие, и образ, и символ, не нуждалось в ассоциативных связях. Именно ассоциация – дань современной языковой картине мира, предмет многочисленных исследований на стыке лингвистики, философии, социологии и психологии. Древнее же слово, многогранное и органичное, создает целый иерархически организованный семантический массив.

Так, например, само *слово*, определяемое как символ в словарях В. И. Даля и И. И. Срезневского, реализует достаточно широкие в плане выражения философские бытийные смыслы. Сама по себе лексема несет ментальную информацию. Именно даром слова, по признанию авторов, отличается человек от других существ, населяющих мир. Осознание данного факта воплощалось в древней формуле, согласно которой «душа безбуковна мертва являет въ чловецех» (Св. Григорий Нисский). Являясь началом начал сакрального, слово выражало суть Божественного созидания. Широко известно, что «Словом Господним небеса утвердились» (Пс. 32, 6).

Особое пространственное понимание семантики слова накладывает свой отпечаток. Мировидение, безусловно, определяет движение его смыслов, однако и слово, в свою очередь, направляет развитие мысли. Особенно показательна в этом отношении лексема *дом*, символизирующая, с одной стороны, свое реально-физическое пространство, с другой – разрастающееся сакральное пространство: дом – город – страна – мир. На утилитарно-физические значения указывает Словарь В. И. Даля: «Домъ м. строение для житья; въ городъ, жилое строенье; хоромы; въ деревнь, изба со всеми ухажями и хозяйствомъ. Крестьянскій домъ, изба; юж. хата, княжескій и вообще большой, вельможескій, палаты, дворець; помѣщичій, въ деревнь, усадьба; малenkій и плохонькій, хижина, лачуга; врытый въ землю, землянка. Умал. домецъ, домикъ, домокъ, домочекъ, домишка, домишечка; увел. домина, домища» (Даль, т. III, с. 465 – 467). При этом широкое синонимическое поле, воплощенное в видовых конкретизаторах, высвечивает чрезвычайно насыщенное ментальное значение дома в языковой картине мира.

Словарь И. И. Срезневского следующим образом представляет семантическую структуру данного слова: «домъ (с XI века) – это «жилище», «хозяйство», «семья», «род», «храм» (Срезневский, т. I, стб. 699 – 702). Эта лексическая единица, с одной стороны, в значении «род» преимущественно отражают языческое, циклическое, то есть раннее мировосприятие; с другой – в значении «семья» фиксируют христианские ценности, в целом не противоречащие древним идеалам. И, естественно, в лексеме

домъ содержатся общечеловеческие смыслы этого обжитого пространства – «жилище» и «хозяйство».

Важно отметить и то, что в Словаре И. И. Срезневского отмечены дериваты *домьць* (*домець*) с семами «размер», «маленький», *домьнии* (прилагательное от *домъ*), *домочадица* в значении «принадлежащая дому, семье» и *домочадыць* в значении «принадлежащая дому, семье» с семами «единение», «общность», «род» (Срезневский, т. I, стб. 699). При этом в памятниках древнерусской литературы наиболее частотным является словосочетание *въ домъ своѣ* (*въ домы своѣ*, *въ своѣ домы*, *въ дому своѣ*) [Срезневский, т. I, стб. 700]. Кроме того, в указанном лексикографическом источнике слово *дом* обозначает и храм, что зафиксировано в словосочетаниях *въ мольбѣньныхъ домьхъ*, *въ домоу святаго Ивана*, *Домъ свѣтъ Софиѣ*, а также топоним *Новгородъ* и др. (Срезневский, т. I, стб. 701). То есть выстраивается уникальный синонимический ряд *дом* – *храм святой Софии* – *Новгород (город)*, в котором исследуемая лексема приобретает особое, сакральное значение, что подтверждается также наличием и толкованием имен собственных – *София* и *Новгород*. Все это свидетельствует о том, что в сознании древнего человека происходило выделение из особого освященного пространства особенного и одновременно наблюдалось разрастание, актуализация части (храма) как целого (города).

Таким же образом происходила и сакрализация страны как дома. Показательно в этом отношении функционирование фразеологического оборота *белый свет*, выступавший в значении «земля со всем существующим на ней; мир, вселенная». Эта языковая единица не определяет границы, не имеет четкого значения, так как соотносит разные по объему пространства и вместе с тем «обозначает земные пределы, которые, в принципе, можно познать и, следовательно, подчинить» (Колесов). Необходимо также отметить, что словосочетание *белый свет*, возникшее в произведениях народного творчества, изначально обозначало только Русь (сравним, например, параллельно существующее словосочетание *Божий мир* с тем же значением и слово *свѣторусье*, то есть «русский мир, земля; белый вольный свет на Руси» (Даль, т. IV, с. 159), зафиксированное в Словаре В. И. Даля).

Современное сознание, переосмыслив многие ключевые понятия древнерусского мировоззрения, по-другому осознает разные сущности. Это в большей мере касается слова как онтологической первоосновы религиозного сознания. Потеряв целый ряд важных смыслов, оно стало ущербным элементом дискретного видения, не отражающим в своем содержании весь объем концепта от первообраза, этимона, до функционирующих в языке реальных и сакральных смыслов. Эта неспособность передавать ключевые, на наш взгляд, значения обуславливает обращение к памятникам русского словесного искусства как хранилищу национальной ментальности.

Окружающий нас мир наполнен жизнью, и каждая деталь в мире человека непостижимым образом одухотворена. Великий русский поэт С. А. Есенин в «Ключах Марии» был уверен в том, что «мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы» [10, с. 192]. Это наше качество, наша идеология. Вот почему без изучения этих смыслов, раскрывающих очень важную, ментально значимую информацию, невозможно сохранить язык как важный феномен национального Бытия. Современная наука должна опираться на те источники, которые пропагандируют, как мы полагаем, национальную идею. Только в этом случае мы сохраним свой язык и возродим свою великую страну.

Литература и примечания

1. Флоренский П. А. Имена : сочинение / П. А. Флоренский. – М. : Эксмо, 2006. – 896 с. **2. Федоров Н. Ф.** Философия общего дела : в 2 т. Т. 1 / Н. Ф. Федоров. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 699 с. **3. Энциклопедический словарь-справочник.** Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 480 с. **4. Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Наука, 1964 – 1973. **5. Виноградов В. В.** О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума» / В. В. Виноградов // Рус. речь. – Пг., 1923. – Вып. 1. – С. 195 – 293. **6. Колесов В. В.** Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 448 с. **7. Энциклопедия** символов, знаков, эмблем. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 608 с. **8. Колесов В. В.** Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с. **9. Колесов В. В.** Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург, ун-та, 2000. – 326 с. **10. Есенин С. А.** Ключи Марии / С. А. Есенин // Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин. – М. : Наука ; Голос, 1995 – 2002. – Т. 5 : Проза. – 1997. – С. 186 – 213.

¹ **Звёздова Г. В.** Уникальный универсализм слова как отражение целостности миробития: историографический аспект / Г. В. Звёздова С. В. Тетеркина // Язык и ментальность. – СПб. : СПбГУ, 2011.

У статті ставиться питання про символ як одиницю сутнісного плану, що актуалізує ментальну інформацію в указаних лексикографічних джерелах. Філософія слова, що відображується в них, як у книжній, так і в діалектній формі єдина у вираженні ментальної інформації. Ця цілісність постає як необхідна умова розгляду національного характеру.

Ключові слова: символ, слово, поняття, концепт, сема.

В статье ставится вопрос о символе как единице сущностного плана актуализирующей ментальную информацию в указанных лексикографических источниках. Отображаемая в них философия слова как в книжной, так и в диалектной форме єдина в выражении ментальной информации. Данная целостность представляется необходимым условием рассмотрения национального характера.

Ключевые слова: символ, слово, понятие, концепт, сема.

In the article a question about the symbol as a unit of essence plan, which actualizes mental information in the indicated lexicographic sources is set. The philosophy of word represented in both book and dialectal forms is single in expression of mental information This integrity appears as the necessary condition of consideration of national character.

Keywords: character, word, meaning, concept, sema.

Стаття надійшла до редакції 11.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

С. Н. Землякова

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ И СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ СИНОНИМОВ

Современный этап развития лингвистики характеризуется утверждением антропоцентрического подхода к изучению языка в русле которого учитывается взаимосвязь процессов номинации с речевыми интенциями говорящих, т. е. прагматическими факторами (Дж. Лич, Э. С. Азнаурова, Т. В. Булыгина, Ю. С. Степанов, И. П. Сусов). Такая направленность лингвистических исследований делает особенно актуальным изучение прагматического аспекта значения слова как центральной единицы языковой системы.

Несмотря на наличие фундаментальных разработок в области прагматики слова (Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов, Г. Н. Скляревская и др.), мнения исследователей сходны в том, что понятие «прагматика» не имеет однозначного толкования, не определено достаточно строго. Прагматика в концепции Ю. Д. Апресяна понимается достаточно широко: к ней относится «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, к содержанию сообщения, к адресату, к самому себе» [Цит. по: 1, с. 28]. При этом отмечаются три особенности прагматической информации: 1) периферийность средств ее выражения по сравнению со средствами выражения семантической (денотативно-сигнификативной) информации; 2) её распределенность между различными языковыми средствами, т. е. нелокализуемость с какой-то одной единицей языка; 3) ее сплетенность с семантической (денотативно-сигнификативной) информацией [2, с. 6].

К прагматической информации относится: общая оценка, оценка по параметрам количества, желательности, по параметру истинности и по параметру иллюкутивной функции; указание на статус собеседника в социальной, возрастной или иной иерархии.

Языковая прагматическая информация как компонент семантической структуры слова также включается в синонимическую оппозицию. М. В. Никитин отмечает, что целесообразно различать между синонимией как процессом переключения семантических пластов (в этом случае точнее говорить о синонимизации) и синонимией как результатом, данностью этого процесса. В последнем случае синонимы должны быть определены как кореферентные (узуальные иokkaциональные) обозначения с общим когнитивным и различным прагматическим значением» [3, с. 452]. По мнению В. Н. Телия, отношения между прагматическим и семантическим значением носит гетерогенный характер [1, с. 28]. Сравним особенности лексикографирования семантического и прагматического значений в Словаре В. И. Даля, в АСС и НОСС на примере синонимического ряда прилагательных с доминантным словом *умный*.

В АСС дается такой синонимический ряд: 1. Умный, мудрый, разумный, толковый (разг.), неглупый, далекий (разг.), башковитый (прост.), мозговитый (прост.), головастый (прост.), умственный (прост.) [6, с. 617].

В НОСС – Умный 1, неглупый 1, смысленый 1, мудрый 1, глубокий 3,

проницательный 1, книжн. прозорливый 1 (устар.) [5, с. 450].

Слово умный в Словаре В. И. Даля подается в словарной статье существительного ум: Умный человек, кому Бог дал ясный, проницательный ум, понимающий, постигающий не всякому доступное; // рассудительный, разумный, смысленный; понимающий и заключающий здраво, прямо, верно [4, с. 495].

Оценочное прилагательное *умный* у В. И. Даля имеет два значения. Первое – это определение качества, объективно присущего человеку. Обладатель этого качества особенный, все его действия есть результат проявления выдающихся интеллектуальных способностей вне субъективной оценки. Второе значение – характеристика человека, имеющего хорошую деловую хватку. А вот примеры, иллюстрирующие эти значения, показывают, что в речи у слова проявлялось более сложное строение содержания.

В АСС *умный* – это обладающий здравым умом. В этом словаре отмечено значение, в котором закреплена только положительная оценка человека, как и у В. И. Даля.

В Словаре В. И. Даля иллюстрируются семантически существенные признаки слова: *Глупый осудит, а умный рассудит. Глупый умного, пьяница трезвого не любят.* Но приводятся примеры, в которых демонстрируется способность слова в речи менять знак оценки на противоположный, к тому же у слова проявляется способность выражать ироническое отношение к адресату: *Да умный человек не может быть не плутом/ Грибоедов. Умен как поп Семен: книги продал, а карты купил.*

В НОСС в *Преамбуле* отмечено, что это прагматическое значение носит уже языковой характер: *Сегодня ты был необыкновенно умным.* Также в НОСС выделено еще одно узуально закреплённое прагматическое значение лексемы *умный*, которое проявляется в полемическом контексте, где нужно подчеркнуть недостаток ума собеседника: – *Вы грамотная умная девушка; в очередях врут черт знает что, а вы повторяете* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [5, с. 451]: В Словаре В. И. Даля приводится такой пример: *Умный поп тебя крестил, да жаль, что не утопил!*

У В. И. Даля приводятся примеры, в которых признак *умный* подается как отрицательный: *Бес всех умнее, а злой дух. Много на свете умного, да хорошего мало.*

В. И. Даль отметил в иллюстративной зоне, что свойство умный оценивается как положительное даже в тех ситуациях, когда это свойство может быть использовано во вред окружающим: *Дай Бог с умным потерять, не дай Бог с дураком найти!* Это свойство отмечено в зоне 3 (значение) НОСС, при этом дополнительно указывается, что этическая оценка субъекта свойства может быть как положительной, так и отрицательной: – *Немцы побеждены, – сказали гады. – Мы побеждены, – сказали умные гады* (М. Булгаков, Белая гвардия).

С анализа прилагательных, описанных в Словаре В. И. Даля, по нашему мнению, начались многие исследования семасиологического, а затем и лексикографического плана, посвященных комплексному описанию синонимических рядов прилагательных, включая узуально закреплённую прагматическую информацию.

Литература

1. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – С. 5 – 35. 2. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового

словаря / Ю. Д. Апресян // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. – М. : АН СССР, 1987. – С. 6 – 10. **3. Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 757 с. **4. Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1980. – Т. 4. – М. : Рус. яз., 1980. – 683 с. **5. Новый** объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – Вып. 1. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 552 с. **6. Словарь** синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Наука, 1970 – 1971. – Т. 2. – М. : Наука, 1971. – 856 с.

Цю роботу присвячено аналізу особливостей лексикографування узуально закріплених прагматичних значень прикметників-синонімів.

Ключові слова: прагматика, синонім, лексикографування, оцінка.

Данная работа посвящена анализу особенностей лексикографирования узуально закреплённых прагматических значений прилагательных-синонимов.

Ключевые слова: прагматика, синоним, лексикографирование, оценка.

This work is devoted to analyzing of lexicographing peculiarities of commonly used pragmatic meanings of adjectives-synonyms.

Keywords: pragmatics, synonym, lexicographing, assessment.

Стаття надійшла до редакції 10.11.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Рудницька Н.М.

УДК 811.161.1

Г. Ф. Ковалев

РОЛЬ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ В ОНОМАСТИЧЕСКИХ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В. И. Даль родился 10 ноября 1801 г. в г. Лугани (сейчас Луганск). Показательно, что родился он в один день с реформатором церкви Мартином Лютером и поэтом Шиллером. Предки Даля происходили из Дании, родины Ганса Христиана Андерсена. Родственники Даля и до сих пор живут в Дании.

Наконец, четыре тома «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863 – 1866), словаря, создать который не под силу и академическому институту. А ведь это был титанический труд одного человека, правда, у В. И. Даля была масса корреспондентов по всей великой России, однако все равно не верится, просто не верится, что все это собрал и научно классифицировал, описал один-единственный человек. Не верится, да ведь так оно и было! Народ российский обязан считать деятельность этого самозабвенного труженика на ниве языка русского не менее как подвигом.

В полемическом пылу, отрицая роль отечественных писателей, но абсолютно справедливо в отношении гения-собираателя, В. В. Розанов писал: «„Почвенное” собрал у нас только Даль, в „Пословицах русского народа”, в „Толковом словаре великорусского языка”» [7, с. 200]. Народ российский обязан считать деятельность этого самозабвенного труженика на ниве языка русского не менее как подвигом. У Владимира Ивановича перед глазами были прекрасные примеры: замечательный словарь сербского языка Вука Караджича (Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским рјечма. У Бечу, 1818), польского языка С. Б. Линде (Linde S. B. Słownik języka polskiego. Lwów, 18.54 – 1860, t. 1 – 6). Но и сам В. И. Даль подал прекрасный пример братьям-славянам. Именно вслед за ним такие же уникальные национальные словари были созданы белорусом И. И. Носовичем (Словарь белорусского наречия. СПб., 1870), болгариним Николаем Геровым (Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. Пловдив, 1895 – 1904, т. 1 – 5), украинцем Борисом Гринченко (Словарь украинского языка / под ред. Б. Д. Гринченко. Киев, 1907 – 1909, т. 1 – 4).

Словарь В. И. Даля в советское время считали областным, диалектным. И это отчасти справедливо, поскольку в словаре собраны жемчужины русской речи со всех краев и окраин России, но это еще не вся правда и далеко не весь Словарь Даля. Так стали оценивать Словарь В. И. Даля после характеристики, данной ему В. И. Лениным в письме к наркому просвещения А. В. Луначарскому (18 янв. 1920 г.): «Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел» (Правда, 1940, 21 янв.).

Но именно здесь необходимо более доверять самому Далю – ведь он-то назвал свой словарь не областным, а Толковым словарем ЖИВОГО великорусского языка. Вот в чем главнейшая суть далевского словаря: он дает срез современного ему живого русского языка. Поэтому здесь мы найдем и диалектные, и просторечные, и книжные слова; и лексику коренную русскую, и лексику, заимствованную из самых разных языков (в основном тюркских, а также европейские слова-термины). А то, что основным в словаре все-таки стало областное крестьянское слово, – так это только потому, что основным населением России первой половины XIX века было безграмотное и бесфамильное крестьянство, не сбросившее еще оковы крепостного права.

Владимир Иванович никогда не был ханжой. Он прекрасно и правильно, практически как лингвист, понимал ценность каждого русского слова, поэтому его Словарь, кроме всех стилистических слоев русского языка, включал и сниженную лексику, и даже... русский мат.

Громадное место у Даля уделено этнографическим реалиям. По статьям Словаря Даля (а зачастую и только по ним) можно восстановить воочию мир российского крестьянина, купца, ремесленника и даже изгоя общества, попавшего в юридическую немилость. Поэтому, оглядываясь на определение, данное В. Г. Белинским «Евгению Онегину» А. С. Пушкина – «Энциклопедия русской жизни», Словарь В. И. Даля вполне можно было бы назвать «Энциклопедией русской речи XIX века».

Не зря писал В. И. Макаров – прекрасный знаток творчества В. И. Даля: «Даже при необходимости проиллюстрировать то или иное слово современного общенародного языка, в том числе литературного, журналисты нередко обращаются не к Словарю С. И. Ожегова или Большому академическому словарю в 17 томах, а к словарю В. И. Даля. Иногда в этом их оплошность, но значительно чаще – красноречивая закономерность: у Даля широта и глубина разработки значений слов в общекультурном национальном контексте поразительны» [6, с. 7].

Ономастические единицы, включенные в словарь В. И. Даля, уникальны для отечественной, тем более современной лексикографии, обычно игнорирующей всякие проявления ономастики в своих словарных статьях. Правда, антропонимов и этнонимов в чистом виде в далевском Словаре тоже практически нет.

Среди онимов, помещенных и растолкованных в Словаре В. И. Даля, прежде всего следует отметить сложные единицы, включающие антропонимические элементы. Это хрононимы, отражающие народный календарь (напр., день Авдотьи-малиновки, Авдотьи-плющихи, Агафьи-коровятницы, Агафона-огуменника, Аграфены-купальницы, Аксины-полухлебницы или -полузимницы, Акулины-гречушницы, Алексея-теплого или Алексея-с-гор-вода, Иван долгий и др.), и народные фитонимы (Авраамово дерево, Адамово дерево, Адамова борода, Адамова кость, Иван-трава, Иван-чай и др.).

Много и плодотворно В. И. Даль потрудился и над катойконимами, правда, гораздо больше он их приводит в своем собрании «Пословиц русского народа» («И пензенцы в Москве свою ворону узнали», «Новгородцы такали, такали, да Новгород и протакали», «Верейцы – сочевники», «Дмитровцы – лягушечники, болотники», «Рузцы – дровосеки», «Тверитяне вприглядку с сахаром чай пьют. Цуканы», «Кимряки – сычужники» и т. п.).

Наличествующие в Словаре этнонимы чаще подаются в переносном значении (*немец, немка* – ‘немой, немая’) и реже в прямом (*абаз*).

Конечно же, много данных, касающихся мифологических элементов. Так, большая статья посвящена имени Иван и его мифологизму в фольклоре и в быту.

Особое внимание В. И. Даль уделил народной астронимии. Прежде всего это названия Плеяд, Полярной звезды, Большой Медведицы, Венеры, Млечного Пути в народных говорах. Созвездие Плеяды, состоящее из шести хорошо видимых и одной слабо видимой звёзд, в русском языке чаще всего называется родным словом *Стожары*. Популяризатор астрономии М. М. Дагаев полагал, что это название «означает „множество огней” (сто – много; жар – огонь)» [2, с. 39]. Конечно же, это типичнейший образец так называемой народной этимологии. В. В. Иванов и В. Н. Топоров без каких-либо ссылок на источник производят *Стожары* от *Волостожары*. Правильное понимание этого названия обнаруживается в Словаре В. И. Даля. Оно обозначает шесты вокруг *стога* сена, воткнутые для укрепления или ограждения. Польский языковед и этнограф К. Мошиньский попытался объяснить название *Волостожары* через перенесение этого названия с названия Полярной звезды: «Однако с т. зр. на то, что в некоторых местах России народ и посегодняя знает её (Полярную звезду. – Г. К.) и называет *стожаром*, понимая как шест, вокруг которого ходит вол, напрашивается: не носила ли она когда-то название *volostožarъ* ‘столб для привязи волов’, и не то ли название, изменивши семантику, дало начало многочисленным вариантам одного из древних имён Плеяд (рус. *волосожар*, *стожары*, болг. *стожарі* и т. д.)». Именно это созвездие играло серьезную роль для определения времени в ночные часы. Некоторые учёные даже полагают, что это основное созвездие в русской народной астрономической системе.

В народных говорах русского языка насчитывается около 40 названий этого созвездия. В воронежских говорах *Стожары* называются по-разному: иногда *Стожары* («Я дю'жа люблю' э'ту сазве'здию – Стажа'ры», с. Красное, Таловский р-н), но гораздо чаще *Висожа'ры*, *Восожа'ры*, *Высожа'рь* и *Волосожа'ры*. У В. И. Даля мы находим: «Стожары, созвездие плеяд, Волосожары, утиное гнездо;

местами зовут так медведицу, юж. воз, причислив к ней полярную звезду, которая и представляет стожар, кол, вокруг которого ходит лось или лошадь на приколе. „Коли звездисто и стожар (созвездие Плеяд) горит – иди смело на медведя”. См. Сожар».

В русских говорах наблюдается более 50 различных названий Большой Медведицы. По ходу Большой Медведицы на небе в ночное время легко высчитывать время. Видимо, благодаря именно данной функции это созвездие, как и Плеяды (Стожары), в говорах Воронежской области иногда называют *Висожарами* или *Восожарами*: Большая Медведица у Даля подана в народной номинации: «Коромысло – созвездие Большой Медведицы, по которому крестьяне узнают полночь, говоря: коромысел докачался: на юге воз, на вост. конь на приколе, на сев. лось».

В русских народных говорах Млечный путь имеет более двух десятков названий. В воронежских говорах он чаще всего называется *Батева Дорога* (*Ба'тева* и *Бате'ва*, *Бата'ва*, *Бате'ева*, *Ба'тъева*, *Баде'ева*, *Ба'дева*, *Баде'ва* и *Бакеева*). В с. Затон Бутурлиновского р-на о Млечном пути говорят так: «*Ба'тева даро'га - я'ркая, хуч звёздушки ишыта'й*». В с. Русская Гвоздёвка Семилукского р-на Млечный путь описывают почти так же: «*Бате'ва даро'га на не'бу – звёзды в ря'душык пратину'лись, ча'стыи звёзды на э'тай даро'шки*». А в д. Третьяки Борисоглебского р-на, да и во многих других районах Воронежской области это название объясняют следующим образом: «*Звёзды, е'сли как даро'га, – е'та Ба'тева Даро'га. Ра'ныи салда'ты хад'ли на е'нтай даро'ги*». В Словаре В. И. Даля это название приведено как *Батыева дорога*, то есть дорога, по которой проходили воины Батыя: «Батыева дорога, (Бакеева дорога) тмб, тул. моисеева дорога, моисеев или млечный путь».

В 1845 г. в доме В. И. Даля открывается Русское Географическое общество. Владимир Иванович не только предоставил свою квартиру в качестве штаба этого объединения выдающихся российских ученых, но и сам был учредителем и активным его членом.

А вот несколько образцов жизненной пригодности Словаря В. И. Даля в наше время.

Для В. В. Набокова в вынужденной эмиграции Словарь В. И. Даля оказался нитью, связующей его с Родиной. Вот что он писал в воспоминаниях «Другие берега»: «Однажды, на рыночной площади посреди Кембриджа, я нашел на книжном лотке среди подержанных Гомеров и Горацийев «Толковый словарь» Даля в четырех томах. Я приобрел его за полкроны и читал его, по несколько страниц ежевечерне, отмечая прелестные слова и выражения...»

Вера Инбер писала сразу после снятия ленинградской блокады: «Вчера полдня упивалась словарем Даля. Читала букву «Ш». Это мне нужно для шума деревьев. Но я убеждаюсь, что Даля надо читать ежедневно и что наш поэтический словарь, за исключением одного, быть может, Пастернака, очень убог» [3, с. 156].

Писатель из Екатеринбурга В. Крапивин: «Даль был по образованию моряком, и в его словарь попало много морской терминологии. А я много пишу о море, о морских приключениях, и все эти слова для меня очень важны» (Деловой вторник, 2001, 3 апр., с. 4).

Известный российский прозаик А. Битов рассуждает о происхождении собственной фамилии: «... с фамилией много было всего связано, про одну только фамилию можно рассказать новеллу... Фамилия ясная, простая, но ни одного однофамильца за всю жизнь не встретил ...»

А в году так в 57-м, когда я еще писал стихи, руководитель нашего

литобъединения в Горном институте, – был такой хороший ленинградский поэт Глеб Семенов, – позвал как-то литературного генерала, Бориса Абрамовича Слуцкого, слушать молодых... И вот он их слушал и только спрашивал: «Фамилия у тебя как?» – «Британишский». – «Надо брать псевдоним! Фамилия?» – «Кушнер». – «Надо брать псевдоним!» А в конце говорит: «А этот молодой человек симпатичный – чего тут сидит молчит?» – «Да я только начал писать, вообще-то...» – «А фамилия как?» – «Битов», – а он говорит: «Вот это фамилия!..»

Были у меня всякие тщеславные старинные дядюшки, которые даже подумывали о том, что фамилию эту надо писать с двумя «ф» на конце... Тем не менее, дразнилки в школе после войны все были по фамилиям, и я был Битый, Биток (то есть котлета) и так далее. Потом, когда начал сочинять какие-то первые стишки, подумывал, не взять ли материнскую красивую фамилию – Кедров... Затем раздобыл как-то словарь Даля и сразу посмотрел, конечно, слово «бить», и нашел замечательную этимологию... Дело в том, что проследить далеко генеалогию Битовых я не могу, но корни уходят куда-то на Север, в поморские края. Знаю, что прадед имел лесосплав и пропил его на Олонце, потом они спустились в Череповец... и вот я далее читаю, что «битать» – это водить лодку, а «битовня» – это снасть! Ну, думаю, – все, морская фамилия, значит! Красивая романтика, и всякое такое, но дело в том, что Даль, этот датчанин-швед, был западный довольно человек, все записывал, что положено по букве, ничего не пропускал, – так вот он в скобках напротив этого толкования написал: «крайне сомнительно!»

Все-таки я думаю, кого-то когда-то побили... Но не исключено и редуцирование восточных фамилий – обрезанная, как «Боков» от „Набоков”» [1, с. 5].

А вот воспоминания прекрасного поэта-переводчика С. Липкина о лингвистическом конфликте между Э. Багрицким, С. Есениным и... В. И. Далем: «Однажды (пересказываю Багрицкого), когда он (Э. Багрицкий. – Г. К.) сидел в кабинете редактора, вошел туда Есенин. Воронский представил ему Багрицкого, сказал: «Вот, собираем литературные силы, товарищ приехал из Одессы, мы его напечатали», – и показал Есенину свежий номер журнала Есенин прочел стихотворение, небрежно заметил: «Здесь нехорошо „земля рассоло’дела”, нужно „рассолоде’ла”». Багрицкий возразил – мол, его ударение правильное. «Зачем спорить, – решил помирить поэтов Воронский, – заглянем в Даля». По словам Багрицкого, Даль подтвердил его правоту. «Что он понимает в русском языке, этот жид», – будто бы сказал Есенин о Дале.

Выслушав рассказ Багрицкого, я пошел в нашу Публичную библиотеку на Херсонской, взял четвертый том Даля, – впервые взял в руки словарь. Прав оказался Есенин. «Разсолоде’ть» – утверждает обрусевший датчанин» [5, с. 266].

А. Е. Крученых вспоминал, что словарь В. И. Даля помог ему «узнать» слово *лампопо*: «Маяковский записывал слова, когда выступал. У него есть такие странные слова, что мы даже не знаем, откуда они. Например, в одном журнале («Бов» или «Крысодав», не помню) были к рисункам четверостишия. <...> Там есть такая строка: «Успокойтесь жизнь малина лампопо». Что такое «лампопо»? Есть «Лимпопо» у Чуковского, это река в Африке, а «лампопо», оказывается, есть в словаре Даля. Я как-то разговаривал с Л. А. Кассилем. Он сказал, что написал вещь, где одна лисица говорила, что растерзала дичь «по-по-лам, по-по-лам, лам-по-по, лам-по-по». «Я думал, – сказал Кассиль, – что это я сочинил, а оказывается, это есть у Маяковского и в словаре Даля...» У Даля сказано, что это перестановка слова по-по-лам, лам-по-по. При игре в карты оно означает, что взятки взяли пополам, или оно означает легкий

напиток: пополам лимонад и еще какая-нибудь вода. «Из малины – лампопо». С Маяковским осторожно надо быть» [4, с. 230].

И, наконец, последний, казусный случай. Писатель Э. Успенский задумал судиться из-за названия магазина, в котором использовано слово, придуманное, как полагает маститый автор, именно им самим – *Чебурашка*. Адвокат Э. Успенского заявил по телевидению о «праве собственности писателя на это слово». Многие стали недоумевать, что же он, таким образом и весь русский словарь себе присвоит? Так, Ю. Вронский, чтобы дойти до истины, обратился к Словарю В. И. Даля: «Чебурахать», «чебурахнуть», «чебурахнуться» – глаголы, означающие бросание или падение чего-либо или кого-либо. Глагол «чебурахнуться» особенно часто звучит в речи детей, потому что дети падают чаще взрослых. Он удачно использован в сказочке Горького «Про воробышку». Есть и существительное «Чебурашка». Это «ванька-встанька, куколка, которая, как ни кинь ее, сама встает на ноги». Такая вот лингвистическая «собственность»... А как легко было избежать конфуза – всего лишь заглянуть в словарь!» (Лит. газ., 1999, № 33 – 34, с. 9).

Да и вообще, когда обращаешься к этимологическим словарям русского языка, убеждаешься, насколько они недалеко ушли от Даля в исторической семантизации – как правило, авторы словарных статей стараются лишь привести побольше примеров из Даля, а ты уже сам разбирайся, как это соотносится с древнейшими формами.

Изю всего этого мы видим, что Словарь В. И. Даля не только не устарел – с каждым годом он становится все более необходимым, востребованным. И мы вовсе не возвращаемся к нему, а движемся за ним вперед!

Литература

1. Битов А. XXI век уже наступил / А. Битов // Лит. газ. – 1996. – № 51. **2. Дагаев М. М.** Наблюдения звездного неба / М. М. Дагаев. – М. : Наука, 1983. – 176 с. **3. Инбер В. М.** Страницы дней перебирая... / В. М. Инбер. – М. : Сов. писатель, 1977. – 382 с. **4. Крученых А. Е.** Память теперь многое разворачивает: Из литературного наследия Крученых / А. Е. Крученых. – Berkeley, 1999. **5. Липкин С. И.** Квадрига / С. И. Липкин. – М. : Аграф, 1997. – 640 с. **6. Макаров В. И.** В. И. Даль и восточнославянская диалектология / В. И. Макаров // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2001. – № 2. – С. 6 – 17. **7. Розанов В. В.** О писательстве и писателях / В. В. Розанов. – М. : Республика, 1995. – 734 с.

У статті розглянуто роль Словника В. І. Даля в сучасних ономастичних та етимологічних дослідженнях.

Ключові слова: ономастика, онім, ономастичні одиниці, етимологія.

В статье рассматривается роль Словаря В. И. Даля в современных ономастических и этимологических исследованиях.

Ключевые слова: ономастика, оним, ономастические единицы, этимология.

In article are considered a role of the Dictionary of V. I. Dal in modern onomastic and etymological researches.

Keywords: onomastic, onomastic units, etymology.

Стаття надійшла до редакції 11.09.2013 р.

Принято до друку 25.09.2013 р.
Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 811.161.1

О.В. Ланская

К ИСТОРИИ СЛОВА *СОБОРНОСТЬ*

Слово *соборность* вызывает особый интерес у исследователей, принадлежащих к разным научным направлениям. Трактуются данная лексическая единица по-разному историками и философами, литературоведами и лингвистами.

Выработанное А. С. Хомяковым понятие «соборность» долгое время не имело развёрнутого философского осмысления, по-разному использовалось в связи с изменяющейся общественно-политической обстановкой. Само слово *соборность*, обозначающее данное понятие, не было зафиксировано в лексикографических источниках (см. «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Голковский словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского и др.).

По мнению философа В. И. Иванова, «имя „соборность” почти не передаваемо на иноземных наречиях» [1, с. 101], в то же время для русских «звучит в нём что-то искони и непосредственно понятное, родное и заветное, хотя нет ни типического явления в жизни, прямо и всецело ему соответствующего, ни равного ему по содержанию единого логического понятия» [1, с. 101]. В связи с этим история слова *соборность*, которое сделалось «живым нервом русского общественного и культурного сознания» [2], его значение вызывают особый интерес. Вновь напомним о том, что данная лексическая единица имеет разные толкования, что определено, в первую очередь, историей развития философской мысли в России в середине XIX – начале XX века.

Чтобы эксплицировать лексическое значение данного слова, обратимся к его этимологии, к значениям, зафиксированным в семантической доминанте *-бр-, -бор-, -бир-, -бер-*, исследованию семантических признаков калькированных слов, а также сочетаемости слов в определённых контекстах. Проведение экспликации значения слова возможно и «на основе системного соотношения семантики слов внутри лексико-семантической группы» [3, с. 24], исследования синонимов и антонимов, входящих в ряд противопоставлений, высвечивающих смысл слова *соборность*, например: *соборность – единение; единение – разъединение*. Значение слова *соборность* восходит также и к значениям таких однокоренных слов, как существительное *собор* и глагол *собрать (собраться)*. По-латыни слово *собор* – это *consilium*, отсюда *consile*, то есть «путь, по которому вместе приходят к одной цели» [4, с. 600].

Само существительное *соборность* с пометой *устаревшее* по своему значению связано с прилагательным *соборный*, которое в МАС имеет следующее толкование: «1. Прилагательное к собор (в 1 и 2 значениях). *Соборное постановление. Соборные грамоты.* 2. Прилагательное к собор (в 3 значении). *Соборный колокол. Соборный протоиерей*» [5, т. IV, с. 171].

Слово же *собор* заимствовано из церковнославянского; ср. др.-русск *съборъ* (*сборъ*, Лаврентьевск. летоп.), ст.-слав. *съборъ συναγωγή*) <...> первоначально «собрание (духовенства)», в конечном счете – калька греч. *συναγωγή* [6, т. 3, с. 704]. По И. И. Срезневскому, «синедрионъ; собраніе духовныхъ властей для разсужденія о дѣлахъ вѣры и церкви; собраніе духовныхъ лицъ при патріархѣ; церковная община при духовенствѣ; духовенство, входящее въ составъ церковной общины; духовенство соборной церкви; собраніе духовенства всего города; совмѣстное празднованіе памяти нѣсколькихъ святыхъ; общественное богослуженіе; торжественная литургія съ совершеніемъ обряда чина православія; молитва; сборникъ, собраніе статей» [7, т. 3, стб. 647 – 649].

Зафиксировано в Словаре И. И. Срезневского и прилагательное *съборныйи* (*соборныйи*) в значении «имѣющей отношеніе ко всѣмъ» [7, т. III, стб. 650]. При этом значение «единение» представлено в словосочетании *слово соборное*: «Се слово *соборное* есть всякому челоуѣчеству» [7, т. III, стб. 650], а также в существительном *съборство* (*соборство*) в значении «соборные правила» [7, т. III, стб. 651], глаголе *събрати* (*събрати*, *собрати*) в значении «созвать, соединить, собрать» [Там же, стб. 652].

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» слово *собор* (*сборъ*, *соборъ*) – это «соединение, сочетание»; «собрание, сонм, общество»; «содружество»; «группа единомышленников»; «партия, группировка»; «состав, штаб»; «поселение, лагерь»; «церковь (как сообщество верующих во Христа)»; «собрание верующих для совместной молитвы, общее богослужение»; «День празднования памяти святого»; «помещения для молитвенных собраний», «церковь, храм» [8, с. 77 – 78]. Наречия *сборнъ* и *соборнъ* толкуются как «вместе, совокупно, всем собранием, (с) собором (духовенства)» [Там же, с. 82]. Прилагательные *сборный* и *соборный* – как «составляющий общину, общество» [Там же, с. 83 – 84]. Существуют словосочетания *сборная недѣля* в значении «первое воскресенье великого поста» [Там же, с. 86] и *Соборное уложение 1649* в значении «свод законов Русского государства».

В большом количестве словосочетания с прилагательным *соборный* представлены в статье В. О. Ключевского «Состав представительства на земских соборах Древней Руси». В основном, это словосочетания с семами 'закон', 'документы', 'представители сообщества': «Не находя в *соборной грамоте* прямых ответов на эти вопросы и видя рядом с дворянами и детьми боярскими, неизвестно кого представляющими, помещиков луцких и торопецких, некоторые исследователи признали состав собора ненормальным, неполным». [9, с. 296 – 297]; «прямо обозначено в *соборном акте*» [Там же, с. 297]; «Гости, гостиная и суконная сотни полнятся всеми городами и слободами – лучшими людьми» – так писали в 1649 г. сотские и старосты московских торговых сотен и слобод в своей мирской челобитной. Признаки такого же *сборного состава* заметны и в высшем столичном купечестве XVI в., судя по прозваниям, которыми обозначены в акте собора 1566 г. некоторые из торговых людей москвичей, в числе *соборных представителей* московского купечества находились два переяславца, один угличанин и один костромитин» [Там же, с. 310]; «отзвук замиравшего *соборного предания*»; «о составе *соборного представительства*» [Там же, с. 293]; «составитель *соборного перечня*» [Там же, с. 299].

При этом значение «имеющее отношение ко всем» в определении *вселенский* иногда выступало в качестве синонима к определению *земский*: «Из церковного языка

заимствован эпитет *вселенский*, который иногда прилагался к земскому собору» [Там же, с. 340]. В свою очередь, определение вселенский имеет синоним *Освящённый*. По сведениям В. О. Ключевского, то, что члены вселенского собора были одновременно и членами земского собора, «указывает на некоторую генетическую связь земского собора с Освящённым, нити которого живо чувствовались в древней Руси» [Там же, с. 340].

То есть в XI – XVII вв. существительное *собор* имело семы 'принадлежность церкви', 'собрание', 'собрание должностных лиц', 'собрание духовенства', 'здание', 'храм', 'учреждение', 'место', 'молитва', 'служба', 'совет, обсуждение сообща сложных вопросов жизни', 'память', 'вера', 'праздник', 'почитание святых', 'литература', 'время', 'общество', 'сословия', 'совместное действие', 'единение', 'закон' и др.

По В. И. Даля, слова *собор* в значении «собрание, засѣданье чиновъ, отъ земли или отъ духовенства, для совѣту и рѣшенья важныхъ дѣлъ» [10, т. IV, с. 142], *соборно* в значении «вообще, сообща, общими силами, содѣйствіемъ, согласіемъ» [Там же] и *соборный* относятся к глаголу *сбирать* в значении «соединять, совокуплять, приобщать одно къ одному; скоплять» [Там же, с. 141]. То есть значение слова *собор* эксплицирует через значения «церковь» и «все проживающие в данном месте», через однородные члены *отъ земли или отъ духовенства* значения «отечество» и «духовность».

Далее значение слова *соборъ* раскрывается в словаре через сочетаемость, наличие ряда определений, например: *собор поместный*, *сбор чёрный* (изъ однихъ монаховъ» [Там же, с. 142]), *Вселенский собор*, *соборная баня*, или *народная, торговая, общая* [Там же]. Существуют соборы *киевский* и *московский*, называемые так по городам, где они собирались, *временные* в зависимости от продолжительности, по народностям, по именам стран и т. д. [См.: Христианство, т. 2, с. 600].

Одновременно значение данной лексической единицы в Словаре В. И. Даля раскрывается в предложениях *Соборъ всея земли русской* с семами 'государство', 'народ', 'Россия', 'история России', 'родина' и *Соборомъ и чорта поборешь* с семами 'свет', 'тьма', 'Бог', 'нечистая сила', 'борьба добра со злом'; наречием *соборно* в значении «сообща, общими силами, содѣйствіемъ, согласіемъ» [10, т. IV, с. 142].

Слово же *соборность* в Словаре В. И. Даля не зафиксировано.

В «Словаре языка Пушкина» слово *собор* имеет не только семы 'множество', 'пространство', 'время', 'единение', 'одновременность' («*Большое количество лиц, собравшихся в одном месте, собрание людей*» [11, т. 4, с. 257]), но и 'история', 'учреждение', 'государственное устройство' («*В Московской Руси XVI – XVII вв. сословно-представительское учреждение, собиравшееся неперiodически для обсуждения важнейших государственных дел*» [Там же, с. 258]). В Словаре А. Г. Преображенского слова *соборъ*, *соборовать*, *сбирать*, *сборъ*, *сборище* восходят к глаголу *братъ* [12, т. 1, с. 42 – 43], так же как и *беремя*, *бремя* в значении «тяжесть» [Там же, с. 44].

В древнерусском языке *беремя* – это «связка», «охапка», «тяжесть», ср. греч. φέρμα «ноша», «плод в чреве матери» <...> и.-е. корень *bher- – «нести» [13, т. 1, с. 111]. Слово *беремя* соотносится также, по М. Фасмеру, с др.-инд. bhāriman – ср. р. «несение, сохранение», др.-лат. offerumentum, далее греч. ἐφορήσω «вынесу», др.-инд. bharitram «рука, плечо» <...> др.-инд. bharma ср. р. «сохранение, забота» [6, т. 1, с. 155]. То есть этимологический анализ позволяет сделать вывод, что слово *соборность* через номинации *бремя*, *братъ*, *собор* имплицитно содержит семы 'сохранение', 'несение',

'забота', 'ответственность', 'тяжесть', 'тело', 'ноша', 'рождение' и 'родство'; имеет реально-физические и сакральные смыслы.

В МАС существительное *собор* имеет следующее толкование: «1. В дореволюционной России: собрание должностных или выборных лиц для рассмотрения и разрешения вопросов организации и управления. 2. Собрание высшего христианского духовенства 3. Главный христианский храм города или монастыря, где совершает богослужение высшее духовное лицо (патриарх, епископ, архимандрит)» [5, т. IV, с. 171]. Зафиксированы в словаре и прилагательное *соборный*, однокоренные слова *собрание*, *собрать* в значении «сосредоточить в одном месте (многое, многих)», *собраться* в значениях «сойтись, съехаться, сосредоточиться в одном месте», «расположиться близко друг к другу, сблизиться, составив, образовав что-либо единое», «напрячь и возбудить к действию весь имеющийся запас чего-либо (сил, мыслей и т. п.)» [Там же, с. 171 – 172].

В БАС существительное *соборность* имеет помету *устаревшее* и обозначает «свойство соборного (в 1-м значении); общность, объединенность» [14, т. 14, стб. 39]. Прилагательное *соборный* в первом значении также имеет помету *устаревшее* и толкуется как «совершаемый всеми вместе; всеобщий, совместный» [Там же]. Представлены в данном словаре и наречия *соборне* и *соборно* в значении «все вместе, сообща» [Там же, стб. 40], которые также относят к устаревшим.

В «Словаре устаревших слов русского языка По произведениям русских писателей XVIII – XX вв.» представлены два основных значения слова *собор*: «1. Собрание большого числа людей в одном месте. 2. В старой России: собрание выборных или должностных лиц для решения вопросов организации, управления и т. п. На *Соборе* должна быт быть предложена составленная им [Новодворовым] программа. II Толстой. Воскресение» [15, с. 637], – и одно значение слова *соборный*: «совершаемый всеми вместе, всеобщий, совместный» [Там же].

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова представлено словообразовательное гнездо, в которое входит существительное *соборность*: «собор, собор-ищ-е, собор-янин, собор-н(ый), соборн-о, соборн-е, соборн-ость» [16, т. 2, с. 624].

Таким образом, рассмотрев толкования слова *соборность* в разных лексикографических источниках, приходим к выводу, что данная лексическая единица через слово *собор*, восходя к реально-бытовым и сакральным смыслам, отражает языковую картину мира во всём её многообразии, а также внутренний мир человека, всю его духовную сущность.

В то же время следует отметить, что лексикографические источники в силу особой природы слова *соборность* не полностью отражают значения, присущие данной лексической единице. Это связано с тем, что в работах выдающихся мыслителей термин «соборность» «становится не только элементом церковного учения, но и важнейшим онтологическим, гносеологическим и историософическим элементом русской философии» [17, с. 58]. Вследствие этого значение исследуемой номинации интерпретируется по-разному, и слово *соборность* приобретает следующие семы: «любовь» (наряду с семами «вера», «церковь») (А. С. Хомяков), «община» (К. С. Аксаков), «всеединство» (В. С. Соловьёв), «соборная природа сознания», «нравственность» (С. Н. Трубецкой), «внутреннее, органическое единство, которое «лежит в основе всякого человеческого общения, всякого общественного объединения людей» (С. Л. Франк) [18, с. 956], а также «брачно-семейное единство»,

«религиозная жизнь», «общность судьбы и жизни всякого объединённого множества людей», «сверхвременное единство, выражающее сверхвременность, присущую сознанию и душевной жизни отдельного человека» (по С. Л. Франку) [Там же]. Слово *соборность* приобретает такие семы, как 'дом' и 'семья' (В. В. Розанов), а также «человек, его соизмеримость в мире людей с пространством и временем» (П. А. Флоренский): «Живя, мы соборujemy сами с собой - и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемый воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр. Подобно мы собираемься в семью, в род, в народ и т. д., соборуюсь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [19, с. 315]. В данной лексической единице отражены также семы 'творческая свобода' и 'свободное согласие': «Соборность есть такое соединение, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей целокупной творческой свободы, которая делает каждую изглаголаннм, новым и для всех нужным словом. В каждой Слово приняло плоть и обитает со всеми, и во всех звучит разнo, но слово каждой находит отзвук во всех, и все – одно свободное согласие, ибо все – одно Слово» [1, с. 101].

По В. В. Колесову, соборность есть *инвариант личностных качеств вида*, не индивидуально отдельного; это идея, данная как видимый отсвет вещи – в буквальном смысле слова *вид*. Соборность есть единство во множестве по „дару благодати”, единство идеи, сопрягающей множество „вещи”» [20, с. 475].

Понимание соборности связано также с представлением о соотношении таких понятий, как «единство» и «свобода». «Собор – это место взаимного признания единства и свободы. А для того чтобы это признание состоялось, нужна любовь. Ризома любви. Одно дело множество лиц в их отдельности. И другое дело – собор. Первых объединяет цель или интерес, вторых – почва. Или традиция, то есть душа, если она одна на всех» [21, с. 73].

Слово *единство*, по-видимому, является синонимом слова *соборность* и входит в один синонимический ряд со словами *цельность, целостность, целость, слитность, нераздельность, неразрывность, неделимость, нерасчленимость, общность* [22, с. 134]. При этом следует учесть, что слово *соборность* предполагает особое толкование слова *единение*, значение которого основано на выявлении внутренней общности (единства духовных сил) во внешних его проявлениях, а также особой природы этого явления. В Словаре В. И. Даля слово *единенье* толкуется как «согласіе и единство, единомысліе» [10, т. I, с. 515].

В МАС *единение* – это «тесная связь, союз; сплочённость» [5, т. I, с. 461]. В БАС зафиксировано слово *единство*, которое толкуется как: «1. Сочетание в одном целом; неделимость, неразрывность. 2. Цельность, отсутствие дробления, сплочённость» [14, т. 3, стлб. 1243].

В СССРЯ слово *единство* имеет три значения: «1. Цельность, сплочённость. 2. Неразрывность, неотделимость. 3. Совпадение, полное сходство» [23, с. 151]. Зафиксирована в данном словаре сочетаемость, отражающая единение на уровне представлений, воззрений на мир, а также *единение* на основе этого действия: «**Единство чего** взглядов, мнений, мыслей, интересов, действий, целей, идеалов...» [Там же]. Прилагательное *единый* толкуется как «цельный, нераздельный, общий, одинаковый» [Там же]. То есть слово *единение* содержит такие семы, как 'общность', 'согласие', 'единомыслие', 'договорённость', 'единодушие', 'солидарность', 'коллектив',

'равенство', 'идентичность', 'тождественность', 'организация', 'содружество', 'группа', 'слияние', 'интеграция', а также 'мир' [22, с. 134, 302].

Таким образом, перечисленные значения слов *соборность* и *единение*, отражая реально-физический и духовно-сакральные смыслы, выявляют особую природу языковой картины мира, её сущность, заключающуюся в многообразии лексических единиц, отражающих разнообразные воззрения на мир, воззрения, в которых зафиксировано стремление выявить то общее, что соотносится с представлением человека о сообществе, построенном по законам любви, добра и справедливости.

Литература

1. **Иванов В. И.** Родное и вселенское / В. И. Иванов. – М. : Республика, 1994. – 428 с.
2. **Сопровский А.** Privacy и соборность [Электронный ресурс] / А. Сопровский. – Режим доступа : <http://www.vavilon.ru/texts/soprovskyl-5.html>
3. **Колесов В. В.** Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : ЮНА 2002.
4. **Барсов Н. И.** Соборы церковные / Н. И. Барсов // Христианство : энцикл. словарь : в 3 т. / ред. кол. : С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М. : Большая Рос. энцикл., 1995.
5. **Словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985 – 1988.
6. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : ООО «Изд-во Астрель»: «Изд-во АСТ», 2004.
7. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка : в 4 т. / И. И. Срезневский. – М., 1958.
8. **Словарь русского языка XI – XVII вв.** Вып. 23 (Съ – сдылека) / Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1996.
9. **Ключевский В. О.** Состав представительства на земских соборах Древней Руси // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. – Т. VIII : статьи / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1990. – С. 277 – 374.
10. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006.
11. **Словарь языка Пушкина** : в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – М. : Азбуковник, 2000.
12. **Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1959.
13. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М., 2001.
14. **Словарь современного русского литературного языка.** – М. – Л., 1948 – 1965.
15. **Рогожникова Р. П.** Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII – XX вв. / Р. П. Рогожникова, Т. С. Карская. – М. : Дрофа, 2005.
16. **Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985.
17. **Шапошников Л. Е.** Философия соборности: Очерки русского самосознания / Л. Е. Шапошников. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996.
18. **Миненков Г. Я.** Соборность / Г. Я. Миненков // Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ, Минск : Харвест, Совр. литератор, 2001.
19. **Флоренский П. А.** У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Имена : соч. / П. А. Флоренский. – М. : Эксмо, 2006.
20. **Колесов В. В.** Русская ментальность в языке и тексте. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007.
21. **Гиренок Ф.** Патология русского ума. Картография дословности / Ф. Гиренок. – М. : Аграф, 1998.
22. **Александрова З. Е.** Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М., 1969.
23. **Словарь сочетаемости слов русского языка** / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М., 1983.

У статті аналізується історія та етимологія слова *соборність*. Автор приділяє

особливу увагу духовно-сакральним смислам, виявляючи особливу природу мовної картини світу, її сутність, що полягає в різноманітті лексичних одиниць.

Ключові слова: соборність, єднання, свобода, духовно-сакральні смисли, картина світу.

В статье анализируются история и этимология слова *соборность*. Автор уделяет особое внимание духовно-сакральным смыслам, выявляя особую природу языковой картины мира, её сущность, заключающуюся в многообразии лексических единиц.

Ключевые слова: соборность, единение, свобода, духовно-сакральные смыслы, картина мира.

In article the history and word etymology *sobomost* are analyzed. An author spares the special attention spiritual-sakral senses, exposing the special nature of linguistic picture of the world, its essence, consisting in the variety of lexical units.

Keywords: sobomost, a unification, freedom, spiritual-sakral senses, world picture.

Стаття надійшла до редакції 11.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 811.161.1

Н. А. Лантух

КОНЦЕПТЫ ДОБРО И ДОМ В СЛОВАРЕ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

Описание ценностно значимых концептов национальных языков – глобальная задача современной лингвистики и смежных с нею наук. Пристальное внимание исследователей направлено на изучение ядра языкового сознания народа, куда входят ограниченное количество доминантных единиц, которые представляют особый интерес для изучения образа мира данного народа.

В данной статье ставится задача описания концептов *добро* и *дом* в Словаре В. И. Даля, которые, по нашему мнению, являются доминантами русского ментального пространства. О значимости данных понятий в системе русских ценностей писали многие русские философы и писатели, исследователи языка и культуры. Но, как правило, эта проблема затрагивалась вскользь, в связи с решением других проблем, или исследовалась в системе иных научных парадигм. Ранее нами также предпринимались попытки описания одноимённых фрагментов русской языковой картины мира [1; 2]. Необходимость более подробного описания концептов *добро* и *дом* на материале Словаря Даля связана с их высоким статусом в русском языковом сознании, в русской культуре в целом.

Рассматривая разные этапы развития русской цивилизации, можно обнаружить наличие этнокультурной константы, неизменно главенствующей в разные эпохи в русском ментальном пространстве, – категории «Добро».

Исследователями отмечается нравственный характер верований дохристианской Руси, главное содержание которых – культ добра и культ предков. И это нравственное

ядро прежних верований, а именно мысль о приоритете добра в жизни, о неизбежности победы добра в борьбе со злом, – органически слилось с христианством, ибо во многом было созвучно ему. Крещение Руси соединило две родственные парадигмы ценностей, два близких по духу мироощущения. «На Руси православное христианство стало добротолубием, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро» [3, с. 23]. О. А. Платонов считает, что жизнеутверждающий оптимизм русских в победу добра усилил нравственные начала православия, придав ему более конкретный характер практического добротолубия [Там же].

И эта глубокая вера в торжество добра, правды, справедливости, являясь ключевым, архетипическим компонентом древнерусской цивилизации [4, с. 125], закрепились в русском национальном сознании, став его этнокультурной доминантой.

Являясь важнейшей национальной категорией русского духовного пространства, понятие «добро» имеет в русском языке богатое вербальное выражение: добро, доброта, добродетель, добродушие, доброжелатель, добронравие, добросердечие, добросовестность, добрососедство, добряк, сердечность, сердоболие, мягкосердечие, благожелательность и др.

Лексема добро в словаре В. И. Даля получает конкретное и разностороннее толкование в контексте множества фразеологизмов и пословиц: Добро – вещественно, всё доброе, имущество или достаток, стяжание, добришко, особ, подвижность. / В духовном значении: благо, что честно и полезно, всё, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу [5]. Как видим, добро неизбежно противопоставляется худу и злу, определяется с помощью антагонистических понятий.

К сожалению, устарели или вовсе вышли из употребления многие добрые, позитивно окрашенные русские слова, отмеченные в словаре В. И. Даля. Так, например: Добросовестие – добрая совесть, праводушие, честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках. Добросоветие – разумные, добрые советы. Доброумый, доброумный, доброум, доброумка – кто не пускается в дурную жизнь, в безрассудные предприятия, а живёт скромно и разумно, добрый и рассудительный человек. Добровать – жить в добре, в обилии, покое, холе и довольстве. Добруй, поколе добруется. Добрословить – говорить о ком-то добро, хвалить, противоп. злословить. Добродетельство – деланье добра, благотворение, добротворство. Добродетельствовать – делать добро, благотворить, благодетельствовать. Добродеяние – добродетельная жизнь и дела; благотворение, благоддеяние. Добродейство – доброжелательство, покровительство. Добродеять – делать добро: он мне добродеет, доброжелательствует, покровительствует, благодетельствует. Добродей м., добродейка ж. – добродетельный человек, по добру живущий [5].

И таких слов десятки. Можно только предположить, что утратил русский народ с исчезновением этих энергетически и духовно ёмких исконных русских слов. Утешает то, что слов с подобным смысловым содержанием остаётся в нашем языке ещё очень много.

Семантический компонент «добро» – «доброта» входит в смысловую структуру многих русских понятий. Д. С. Лихачёв, говоря о слове «мудрость», отмечал: «Мудрость – это ум, соединённый с добротой. Ум без доброты – хитрость... Мудрость... надёжна и открыта. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье,

приносит счастье надёжное, долголетнее и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости» [6, с. 13]. Сращивание понятий «красота», «добро» и «мудрость» в слове «благолепие» как выражение русского мирозерцания С. Булгаков определил как «видение умной красоты духовного мира» [7, с. 397]. Понятия «добро», «правда», «истина» необходимы для передачи значения русской лексемы *совесть*.

Совесть – нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирождённая правда, в различной степени развития [5]. В самом толковании слова «совесть», представленном в Словаре В. И. Даля, содержатся нравственные императивы: «внутреннее сознание добра», «чувство, побуждающее к истине и добру», «любовь к добру и истине», «прирождённая правда». Как видим, в русских представлениях о совести *Добро* является важнейшей категорией, вмещающей в себя и внутреннее осознание добра, и побуждение к добру. Жить по совести – главное нравственное требование русского человека к себе и другим, критерий ценности личности.

Как и всякое абстрактное имя, заключающее в себе метафизическое понятие, слово *Добро* относится к мифологемам – продуктам воображения, ассоциативным по своей природе. Ассоциативный образ имени *Добро* проявляется в несвободной сочетаемости этого слова в составе различных фразеологических единиц. Теме добра посвящены сотни пословиц и поговорок, в которых раскрываются русские представления о добре, его связи с другими ценностно значимыми понятиями, выражены нравственные императивы.

Добрый человек в добре проживёт век. Добро не лихо: бродит в мире тихо. В ком добра нет, в том и правды мало. Доброта без разума пуста. Не ищи красоты, ищи доброты. Добро не умрёт, а зло пропадёт. Добрые умирают, да дела их не пропадают. Кто добро творит, того зло не вредит. Тьма свету не любит – злой доброго не терпит. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Добрым путём Бог правит. Доброму Бог помогает. Кто добро творит, тому Бог оплатит [5].

Добро по миру не рекой течёт, а семьёй живёт. Добро помни, а зло забывай. Доброе братство лучше богатства. Доброе дело говорится смело. Доброе дело два века живёт. Доброе дело питает и разум и тело. Доброе дело само себя хвалит. Добрый человек придёт, словно свет принесёт [8].

Анализ фразеологической парадигмы слова «добро» выявил характерные черты русского концепта *добро*, устойчивые национальные ассоциации и образы, связанные с представлением о добре. В русских пословицах запечатлён самобытный образ русского Добра, которое немислимо без представлений о Боге - «Вера в Бога как в Добро и путь к Богу через Добро принизывают русское национальное сознание» [3, с. 27]; проникнут оптимистической верой в его неуничтожимое вечное бытие. Русское Добро – это вневременная сущность, земная ипостась Бога, воплощение правды и справедливости, защита от зла, гарант физического и нравственного здоровья. Добро выше красоты и богатства. Русское Добро тихое, скромное, сострадательное, жертвенное, разумное, благодарное, светоносное. Оно рождается в семье и начинается с малых дел. В пословицах отражается деятельный характер русского Добра, оно утверждается как высшая нравственная ценность и смысл жизни, неразрывно связано с понятиями «правда», «скромность», «милосердие», «сострадание», «жалость».

На сострадательный, активный, деятельный, альтруистский характер русской доброты указывает и В. В. Розанов, отделяя её от бесстрастной добродетели. «Доброта болеет. Доброта делает. Доброта не оглядывается. Доброта не ищет «себя» и «своего» в поступке: она видит внутри поступка своего только лицо того, кому нужен поступок. Доброта не творит милостыни, доброта творит братское дело. Мы все братья, и богатые, и нищие, и знатные, и простые. Ибо завтра богатый может потерять богатство и знатный очутиться в тюрьме» [9, с. 420].

Жалость – одна из наиболее ценностно значимых реалий русского мира одно из воплощений добра. С жалости начинается доброта, а часто и любовь русского человека. Жалость – первый импульс к осуществлению добра, форма универсальной любви к миру, ко всему живому. *Жаль, жалость, жалоба – состраданье, соболезнованье, сочувство при чужой беде; печаль, грусть, скорбь, сокрушение* [5]. В русских деревнях вместо *люблю* говорят *жалюю, жалко (кого)*. По мнению Ю. С. Степанова *жалеть* – глагол того же спряжения, что древнерусский *любѣти*, но передаёт не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе: *жалеть* от того же корня, что *жалить* [10, с. 281].

В Словаре В. И. Даля приводится слово жалить в значении жалеть с пометой «старое»: жалить на что, по чём (стар.), жалковать кого, по ком (тамб.) – жалеть кого, о ком; скорбеть, сожалеть, болеть сердцем, сокрушаться о чём, печалиться / щадить, беречь, не давать в обиду; расходовать скупно / жалить кого (пск.) – приводить в жалость, или разжалобить [5].

В пословицах и многочисленных фразеологизмах закреплён национальный стереотип поведения русских, сострадательное отношение к людям: Не жалей того, кто скачет: жалей того, кто плачет. Человек жалюю живёт. Встретил с радостью, а проводил с жалостью. Ради милого и себя не жаль. Жаль берёт, жалость одолевает, не предавайся жали, быть в жали [Там же].

Русская жалость не унижает того, на кого она направлена, это живое, тёплое чувство сострадания и любви. Д. С. Лихачёв писал: «Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, Вселенной» [6, с. 23].

Жалость, как и активная излучающая доброта, является одной из высших ценностей русского народа. Н. А. Бердяев, говоря о человечности, отмечал, что человеческий человек есть человек любящий и жалеющий и что в этом мире нет начала выше жалости. Он также считал, что основным различием между людьми «хорошими» и людьми «дурными» является различие между людьми любящими и жалеющими и нелюбящими и нежалеющими. Бердяев призывал: «Будьте человеческими, будьте жалостливыми и любящими, и тогда раскроется путь к бессмертию» [11, с. 133 – 134].

Содержание категорий «добро», «доброта», отношение к ним, их статус в системе национальных ценностей является той границей, которая отделяет русскую цивилизацию от западной. Иван Ильин, много лет проживший на Западе, писал, что «средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждёт от человека прежде всего доброты, совести и искренности» [Цит. по: 3, с. 46].

Русское понимание добра не лежит в плоскости холодного рационализма, рассудочного практицизма, не зависит от свойств ума «Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата», «...истинно добрый поступок не может быть глуп, он вне оценок

с точки зрения ума или не ума Тем добро и хорошо» [6, с. 23 – 24].

Добро самоценно. Стремление к нему было и остаётся высшей целью бытия, доброта – важнейшей нравственной категорией и главной ценностью русских людей. В «Письмах о добром и прекрасном», адресованных молодёжи, Д. С. Лихачёв так сформулировал смысл жизни человека самая большая цель в жизни - увеличивать добро в окружающем нас мире [Там же, с. 12].

Исследуя психологические аспекты роста самосознания русских, О. В. Чернова указывает, что в автостереотипах и сельских, и городских русских первые позиции занимает такое качество, как доброта [Цит. по: 12, с. 144]. Исследование П. В. Валынкиным автостереотипов русских, проживающих в Саратовской области, также показало, что наиболее часто приписываемое во всех возрастных группах качество русских – «добрые» [Цит. по: 12, с. 144]. По данным опроса, проведённого З. В. Сикевич среди петербуржцев, автостереотип русского открывается главным качеством русского человека, и этим качеством по-прежнему является доброта и её проявления в отношении к другим – доброжелательность, радушие, душевность, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание (примерно треть всех ответов) [Цит. по : 12, с. 147]. Русское языковое сознание направлено и на себя, и на другого, в котором оно видит прежде всего друга, хорошего человека, значит, *доброго*. Сознание русских – это сознание «другоцентрическое». Русские живут как бы по оси **Я – ОН** и во внутреннем пространстве. Русский – это скорее человек *думающий/говорящий* и всё *оценивающий* [13, с. 160]. И оценка всего осуществляется по шкале *добро – зло*. Между этими антагонистическими абсолютами проходит жизнь человека, к одному из них – к *добр*у – должны быть направлены устремления личности. Человек должен быть добрым – таково миропонимание русских во все времена.

Таким же национально значимым концептом в русской парадигме ценностей является концепт *дом*.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля – это не просто собрание слов и их толкований, это энциклопедия русской народной жизни, русского быта, глубоко национальных по духу воззрений русских людей XIX века, и в этой национальной картине мира красочно представлен концепт *дом*.

Как отмечает Т. В. Цивьян, в словаре модели мира *дом* представляет собой одну из основополагающих семантем, и ее содержание отражает весьма сложные отношения в системе «мир – человек», поскольку дом прежде всего промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира. С одной стороны, дом – принадлежность человека, олицетворение его вещного мира, с другой – дом связывает человека с внешним миром, «являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» [14, с. 68].

Представляя собой самостоятельное замкнутое пространство, ограниченное от внешнего мира и контролируемое человеком, дом противостоит открытости, неограниченности, неопределенности и хаосу чуждого пространства и является средством защиты от его опасностей для человека. В мире человека дом – это точка отсчета, центр мыслимого им пространства. Осваивая мир, человек движется от некой изначальной точки в пространстве, где он родился и вырос, где начинается его жизненный путь, – от своего дома, который в фольклорной традиции есть воплощение внутреннего, своего, родного, исходного и которому противостоит огромный чуждый и опасный мир.

В традиционной картине мира дом являет собой особую систему, в которой совмещаются представления о *внутреннем/внешнем, своем/чужом* и части которой выполняют функции границ не только с миром реальным, видимым, но и с миром невидимым, миром мертвых. К таким границам относятся: порог, дверь, окно, углы, подпол, чердак, печь, печная труба. Эти элементы дома выполняют одну из важнейших функций человеческого жилища – обеспечивают вход/выход и укрытие от внешнего мира, визуальную и сакральную связь с окружающим миром. Если окна, дверь, порог – элементы дома, «открывающие» его, то стены, крыша, углы «закрывают», скрепляют его как в физическом, так и в мистическом смысле.

В основе народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то созданном, постоянном, общем для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома. Словарь Даля подтверждает это значение: «*Дом – родной кров; разумеется, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами*». Дом – это благо, реализация добра, поскольку у Даля «*Добро – вещественно, всё доброе, имущество или достаток, стяжание, добришко, особ, движимость*». Категория добра входит в характеристику дома: «*Доброжилая изба – не ветхая, удобная для житья*» [5].

Высокий статус дома в системе русских ценностей иллюстрируется пословицами из словаря В. И. Даля: «Дом вести – не лапти плести», «Дома и солома съедома», «Худу быть, кто не умеет домом жить», «Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить», «В гостях хорошо, а дома лучше» [Там же].

В семантической структуре дома одним из важнейших элементов является *дверь*, которая служит средством регламентированной связи с внешним миром, обеспечивает замкнутость жилищного пространства и безопасность находящихся внутри. В фольклорном мире закрытую изнутри дверь невозможно открыть снаружи [14, с. 69]. Читаем у Владимира Даля: «*Не всякому верь, запирай крепче дверь!*» [5].

Дверь, укрепленная берегами, нарисованным крестом, как правило, является непреодолимым препятствием для нечистой силы, ей противостоят окно и печная труба, которые служат *входом/выходом* для существ сверхъестественного мира. «*Заступи чёрту дверь, а он в окно*» [Там же].

Регламентирующую функцию двери дублируют связанные с ней элементы – замок и порог, которые также заключают в себе сакральный смысл.

В триедином граничном комплексе – «замок, дверь, порог» – наибольшим сакральным статусом обладает порог как концентрированное выражение границы домашнего пространства. Порог – символическая граница между домом и внешним миром, непроходимое препятствие для нечистой силы. Это не только граница между миром живых и миром мертвых, но и место обитания душ предков, охраняющих жилище. В соответствии с такими представлениями кое-где на Украине до XIX в. сохранялся обычай закапывать у порога умерших некрещеных младенцев, чтобы каждый, кто переступает порог, «крестил» их [15, с. 319]. С порогом связано множество суеверий, которые основаны на мистической функции разграничения миров. «*В притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут*» [5].

В. И. Даль так описывает русские житейские правила, связанные с порогом: «Гостя встречай за порогом и пускай наперед себя через порог. Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. В притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут... на пороге не стоят. Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать – будет ссора» [Там же].

Многие из этих запретов сохраняются и в современной жизни, что отмечает в своей книге Иван Панкеев. «Нельзя парню на пороге сидеть – никто за него замуж не пойдет» [16, с. 23]. «Здороваться и прощаться на пороге – к ссоре» [Там же, с. 55].

Подметая в доме, мусор надо мести не к порогу, а от порога, чтобы не вымести из дома богатство, благополучие, удачу, поскольку мусор олицетворяет собой свое, родное, хорошее [Там же, с. 46].

Помимо порога, двери и окна, манифестирующих входы-выходы из «своего» пространства в чужое, в сакральной топографии дома важное место занимают углы и печь. Особо почитаемым местом в доме является красный угол, а также расположенная от него по диагонали печь. Но части дома, которые претендуют на роль его сакрального центра, в топографическом отношении занимают периферийное положение, что соответствует традиционным русским представлениям о сакральной топографии мира, расположенности сакрального центра на периферии освоенного пространства.

В народных верованиях, языке и фольклоре угол символизирует весь дом, при этом «свой угол» последовательно противопоставляется «чужому», соотносимо со смертью, горем, запустением, бедностью [15, с. 379]. Даль так иллюстрирует значимость своего угла для русского человека: *«Свой уголок всего краше. Свой уголок – свой простор. Свой уголок – хоть боком пролезть, а всё лучше. Глупый ищет место, а умного и в углу знать»*, а также о красном угле: *«В передний угол посоха не ставят. Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают. Передний угол, или матица, трещит к худу»* [5].

Особым объектом в доме, символизирующим сакральный центр дома и в то же время представляющим границу между «этим» миром и «тем», является печь. Б. А. Успенский отмечает, что к печи у русских людей особое отношение, по ряду признаков напоминающее отношение к иконам. Он приводит в качестве примера слова Афанасьева о том, что «очаг требует от людей целомудрия; соединение полов должно быть скрыто от него: дело, физически или нравственно не чистое, наносит ему оскорбление» [17, с. 185].

При печи нельзя выругаться – *«Сказав бы, да печь у хати!»*, подобно тому как нельзя браниться при иконах Б. А. Успенский отмечает функциональное и идеологическое сходство некоторых фразеологизмов, регламентирующих поведение человека при наличии поблизости печи или иконы. «Выражение «для твоей речи не выносить печи», которым останавливают нескромного рассказчика, находит соответствие в выражении «Хоть святых вон выноси», которое имеет в виду ругань или какое-либо бесчинство в присутствии икон» [Там же, с. 185]. Святость печи подтверждается и тем фактом, что по старообрядческому обычаю иконы держали за печью или рядом с печью, что её упоминают в клятвах как гарант истинности слов. В. И. Даль приводит такое выражение: *«Коли вру, так дай Бог хоть печкой подавиться!»* [5].

В Словаре В. И. Даля печи посвящена большая статья в соответствии с тем местом, которое занимает печь в системе традиционных национальных ценностей. Отмечая символическую роль печи во внутреннем пространстве дома, следует подчеркнуть следующие её особенности, отраженные в фольклоре: совмещение черт центра и границы; воплощение идеи дома в аспекте его полноты и благополучия; осуществление контактной функции между «этим» и «тем» светом; олицетворение рождающего женского лона; манифестация идеи загробного мира, самого царства

смерти; реализация функции оберега дома. Разные символические значения печи актуализировались в зависимости от обрядового контекста.

В Словаре Даля печь ассоциируется с матерью («Печь нам мать родная»), с красным летом («На печи всё лето красное»), доброй речью («Сиж у печи да слушаю людские речи. Добрая-то речь, что в избе есть печь»), со счастьем («Счастье придёт и на печи найдёт»), с началом, объединяющем род («У них и печки, и лавочки, все вместе (дружны)»), с моральным долгом по отношению к старшим («Корми деда на печи, и сам будешь там»). Также слово «печь» обозначает и количество припасов, идущих за один раз в печь: печь хлеба, печь кирпича, две печи горшков [Там же].

Таким образом, дом – это не просто жилище человека, в традиционном русском сознании дом – это закодированная система сакральных границ и центров, воплощающая в себе представления о мире и организующая часть этого мира – домашнее пространство – в соответствии с потребностями человека в безопасном и надёжном жилище. Современный русский дом сохранил в большой степени те же функциональные части, которые были у традиционного жилища, следовательно, имеет те же границы, которые почитались нашими предками как сакральные и выполняли именно сакральные функции.

Современные экспериментальные исследования языкового сознания, материалы Ассоциативного тезауруса современного русского языка в так называемых обратных словарях показывают, что «дом» является вторым по важности понятием (после «человек») для образа мира современных русских [13, с. 146]. Данные экспериментальных и лингвистических исследований подтверждают устойчивость основных значений понятий «добро» и «дом» и их доминантное положение в структуре русского языкового сознания от эпохи Даля до наших дней.

Литература

1. **Лантух Н. А.** Фрагмент русской языковой картины мира «дом» в Словаре В. И. Даля / Н. А. Лантух // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования : сб. науч. работ. – Киев : Киев, ун-т, 2002. – С. 336 – 341.
2. **Лантух Н. А.** Добро как этнокультурная доминанта русской цивилизации / Н. А. Лантух // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – СПб., 2003. – С. 243 – 250.
3. **Платонов О. А.** Русская цивилизация / О. А. Платонов. – М. : Роман-газета, 1995.
4. **Кондаков И. В.** Культура России / И. В. Кондаков. – Ч. 1 : Русская культура: краткий очерк и теории. – М. : Книжный дом «Университет», 2000. – 360 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978.
6. **Лихачёв Д. С.** Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачёв. – Симферополь : Таврия, 1990. – 134, [2] с.
7. **Культурология** / под ред. проф. Г. Драча. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1995. – 576 с.
8. **Русские** пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
9. **Розанов В. В.** Опавшие листья: лирико-философские записки / В. В. Розанов. – М. : Современник, 1992. – 542 с.
10. **Степанов Ю. С.** Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
11. **Из истории** мировой гуманистической мысли / под ред. А. Ф. Малышевского. – М. : Просвещение, 1995. – 431 с.
12. **Уфимцева Н. В.** Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. – Изд. 2-е. – М., 2000. – С. 135 – 170.
13. **Уфимцева Н. В.** Русские: опыт ещё одного самопознания /

Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2000. – С. 139 – 162. **14. Цивьян Т. В.** Дом в фольклорной модели мира (На материале балканских загадок) / Т. В. Цивьян // Семиотика культуры : труды по знаковым системам. Вып. X. – Тарту, 1978. – С. 65 – 85. **15. Славянская** мифология: энцикл. словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с. **16. Панкеев И. А.** Тайны русских суеверий / И. А. Панкеев. – М. : Яуза, 1997. – 199 с. **17. Успенский Б. А.** Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.

У статті розглянуто концепта *добро* і *дім* у Словнику Володимира Даля та в російській мовній свідомості, проаналізовано їхній взаємозв'язок і домінуюче положення в російському ментальному просторі, у системі російських цінностей.

Ключові слова: концепт, домінує, мовна свідомість, ментальний простір, ієрархія цінностей.

В статье рассматриваются концепты *добро* и *дом* в Словаре Владимира Даля и в русском языковом сознании, анализируются их взаимосвязь и доминантное положение в русском ментальном пространстве, в системе русских ценностей.

Ключевые слова: концепт, доминанта, языковое сознание, ментальное пространство, иерархия ценностей.

The author considers the concepts of *good* and *home* in Vladimir Dal Dictionary and the Russian linguistic consciousness and presents an analysis of their correlation and dominant position in the Russian mental space and value system.

Keywords: concept, dominant, linguistic consciousness, mental space, value hierarchy.

Стаття надійшла до редакції 05.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Унукович В. В.

УДК 82-14

І. О. Ніколаєнко

АВТОРСЬКІ НЕОЛОГІЗМИ В ПОЕЗІЯХ ВАСИЛЯ СТАРУНА

Наше сьогодні має дивовижну здатність перегукуватися з найдавнішими часами. Інколи навіть здається, що настала пора Відродження давньогрецького феномена, звичайно, у наймодернішій транскрипції. Особливо, читаючи таких поетів, як В. Голобородько, В. Герасим'юк, І. Малкович, І. Римарук, В. Осадчий, Ю. Андрухович, В. Старун, О. Гордон.

Цікаві думки мав Платон, який уважав, що філософ наближається до поета Саме це можна сказати про названих поетів, які розкривають невичерпну глибину, яку ми, сучасники, не спроможні збагнути одразу. Чи мусить поезія бути простою, як табличка множення? Чи має вона бути схожою на довідник, у якому все розкладено й класифіковано? Поет з Луганщини Василь Старун – член Національної спілки письменників України та Асоціації українських письменників – намагається відповісти

на ці, скоріше риторичні, питання книгами своїх поезій. В. Старун видав сім книг: „Абетка світла”, „Сміх ополонок”, „Столітній знак”, „Голос і наголос”, „Калігули”, „За некийвським часом”, „Мареограф”, „ Душа змії”. Такі вірші не загубляться в жодному контексті. Вони виділяються й привертають увагу, як камінь на рівній дорозі, і якщо їх не оминати, а зважитися й відкотити з путі, можна виявити під ними справжній скарб. Прочитавши їх, одразу відчувається перехід на інший, якісно вищий рівень шляху пізнання поезії. В. Старун не належить до тих поетів, які зумисне укладають будову вірша, нагромаджуючи слово на слово, незважаючи ні на його вагу, ні на звучання, повністю ігноруючи взаємодію слів, мотивуючи це тим, що вони так чують або ж так бачать, Уся ця конструкція втрачає смисл, перетворюючись на руїну не лише для читача, але й для автора, щойно він міняє кут зору.

Щодо віршів В. Старуна, то не можна не помітити, попри густе смислове навантаження та складність форм, що автор творить їх, керуючись внутрішніми законами, які відкриваються з точки зору Слова та Поезії. В. Старун належить до герметичних поетів. Герметичність є свідченням вимогливості до поетичного слова і водночас карою”, – зауважує літературознавець Є. Баран [1, с. 103].

Характерну рису тієї ж таки манери зауважив інший критик П. Коробчук: „В. Старун вирізняється з-поміж практично всіх вітчизняних поетів оригінальною ритмомелодикою – структурним енжамбеманом...” [Там само, с. 102]. Ідеться про такий засіб у віршуванні, коли кінець речення, розпочатого в одному рядку, переноситься на початок нового, тим самим утворюється пауза, яка посилює загальносмислову вагу окремих слів, надає поетичній мові схвильованості й напруги. Неповторність Старунової поетики цим не вичерпується. В особі В. Старуна маємо поета, який збагатив українську мову власними неологізмами. Цей аспект – авторські неологізми В. Старуна – і є *метою* нашої статті.

Про В. Старуна є окремі публікації В. Слалчука, П. Коробчука, Т. Південної, М. Мірошниченка, Л. Працюк, В. Рябого, В. Моренця. Йому присвячували свої вірші П. Коробчук та поетеса Л. Горбенко. Але всі ці дослідження стосуються, в основному, його поетичної форми, оригінальної ритмомелодики, рідкісних поетичних фігур, паліндро много жанру або зорової поезії. Є окремі публікації про неологізми у творчості В. Старуна та малюнкові тексти, покликані видобути із забуття первісне, архетипне мовомислення – так наші пращури на бивнях і кістках мамонтів передавали нащадкам різьблені зображення предметів, подій, і так трипільці свої знання увінчували на гончарських виробач. В. Старун перший в українській літературі запроваджує піктограму в українську зорову поезію як окремий жанр.

В українській мові авторські неологізми творяться окремими письменниками відповідно до законів українського словотворення. І хоч переважна більшість цих новотворів залишається в індивідуальному обігу автора й характеризує його творчу манеру, вони виконують у мові важливі стилістичні функції. Ці форми є важливим засобом естетичного впливу на читача, і більшість з них, навіть не потрапивши до загальномовного словника, давно відомі всім читачам. І нехай навіть ці авторські неологізми залишаються назавжди тільки їхніми словами, хай навіть вони не надходять до активного фонду української сучасної мови, – але там, де їх ужито, вони живуть і довго житимуть своїм повним художньо-естетичним життям. Подобаючись хоча б певному колу читачів, авторські неологізми тим самим виправдовують своє народження та існування.

Творцями неологізмів були поети різних часів і епох: Т. Шевченко,

М. Рильський, А. Малишко, І. Драч, Л. Костенко, Б. Олійник, Д. Павличко, В. Симоненко, В. Стус, В. Старун, В. Голобородько та ін. У цілому, словесне поетичне новаторство є засобом оновлення мови, її поетизації.

Шоста книга поета „За некиївським часом” побачила світ у видавництві „Світлиця” (м. Луганськ) 2008 року. Високу оцінку цій поетичній збірці дав П. Коробчук, член Асоціації українських письменників та Національної спілки письменників України, який відзначив, що наш луганець з повним правом може претендувати на місце в десятці найкращих сучасних поетів України. Він же присвятив В. Старуну вірш, який по-філософськи висвітлює і зміст самої збірки, і її суголосне звучання порівняно з сьогоднішнім, і порівняно з нелегкою долею поета такого напрямку, як В. Старун:

у всесвіті мікроскопічним трава
холодна немов гіпотетика...
але палахкоче але зігрива
години світлинна абетка [2, с. 5].

Ось це слово „світлинна” (до речі, теж авторський неологізм П. Коробчука) найбільше, найглибше розкриває весь зміст збірки „За некиївським часом”.

У збірці В. Старун не просто вживає нові слова, а відкриває нову топофілографію, користуючись при цьому й місцевими надбаннями, і творячи на їх основі свої неологізми: *стражда* – від страждати, *звогніти* – від згоріти, *блук* – від блукати, *хвиління* – від хвилюватися, *творба* – від творити, *бавища* – від бавитись, *перекотикуюлястий* – від перекотиполе (за формою), *мороспливання* – мороский дош (с. 5, 6, 8, 9). *Торопінь* – той, хто поспішає, торопиться, *поетар* – поет, *невідомець* – незнайомиць, *світуни* – світлячки, *гольцем* – голий, *доходжалих* – до чогось доходять, *овид небес* – небокрай, *піст крейдяних лілій* – метафора (с. 10, 12 – 18); птахи сьогодні *вищокали* небо (с. 39); сніг *анабазису* (лат.) не пристає до тіла (с. 48); *лякне* (гнеться) трава [17, с. 51]; співають *осанну оазі* (величальна пісня чомусь живому) (с. 52); *шурган* (різновид бурі) пройшовся (с. 56) та ін.

Отже, у збірці В. Старуна „За некиївським часом” досить інтенсивно вживаються індивідуально-авторські неологізми. Їх варто розглядати в складній за формою творчості В. Старуна як складне явище системного й асистемного (ненормативність, функціональна й експресивна зумовленість, створення для ситуативних потреб) характеру. Більшість з авторських неологізмів цієї книги – це позанормативні периферійні лексичні елементи. Вони вжиті автором переважно зі стилістичною метою. По-друге, ужиті для увиразнення якоїсь ситуації, інколи – образу, фрагмента.

Ці авторські неологізми вживаються в книзі переважно з настановою на номінацію, а не експресію. Це і є „світлинна” поезія. Коли вчитатися в неї, вникнути в її звукопис, то одразу стає зрозумілим, як глибоко автор намагається осмислити час – життя і життя – час. Може, тому автор і назвав цю книгу „За некиївським часом”, оскільки створена вона не за загальними законами поетичних норм, а за внутрішніми законами самого автора, законами, що відкриваються з точки зору Слова й Поезії.

Ще можна виділити в поезії В. Старуна й чіткі „неологізми-афоризми”:

Рубіжне – то не рубіж (с. 51);
сніг замітати –
справа марудна (с. 63);
днем породілі
буде хай четвер

і повний місяць (с. 63);
писати листа
на крилі голуба (с. 68);
колиска в
блукальцях давно (с. 89);
наше місто
чужі душі
тримає в полоні (с. 90);
щось в цьому
світі не
так – не в такт (с. 92);
українські поети
стають чорноземом (с. 107).

У 2005 році видавництво „Просвіта” імені Тараса Шевченка спільно з Міністерством культури та мистецтв України видало книгу В. Старуна „Калігули”. У творчому доробку поета – це п’ята книга. Український поет і перекладач М. Мірошніченко зауважив, що в цій книзі В. Старун захоплює багатством граматичних структур, здебільшого сповнених глибинного змісту: від суспільно-історичного тла ретроспекції футуристичних візій до образно-світоглядної конкретики, географічно-побутової деталі [3]. Характерну рису тієї ж таки манери відзначив і критик Євген Баран, і вже згадуваний раніше П. Коробчук [4]. Названі критики завважили на такі характерні риси, як неповторність Старунової поезики, використання дуже рідкісних художніх засобів.

У „Калігулах” це анадиплопіс – поетична фігура за якої мовна одиниця наприкінці рядка (слово або вираз) повторюється на початку наступного. У давніх персотаджиків еллінський анадиплопіс звався „муссадар” і мав шість різновидів. Так ось, два різновиди його використав уперше в українській поезії В. Старун. Наводимо приклад анадиплопісу, заснованого на графічних омонімах:

ще човгає
призахідність крізь кому,
кому ти заздриш –
комплексу гебрей?

(„*дерева втоптані у вогнище...*”) [5, с. 121].

У „Калігулах” В. Старун користується й таким жанром, як вірш-паліндром. Як відомо, він може бути художнім засобом, коли вифрагментовується в межах віршованого рядка і поетичним жанром, коли згадана дзеркально-симетрична повторюваність літер проймає весь текст. Як художній засіб, паліндром застосовувався й раніше. Варто згадати Шевченкову „Причинну”:

„Ходімо гріться! - Закричали. –
Зійшло вже сонце!” (Голі скрізь;
З осоки коси, бо дівчата).

Неважко помітити обернено-симетричні буквосполучення „сок-кос”. Або візьмемо рядок „Ото потоп буде” з містерії „Великий льох”. Тут неможливо не помітити двочитальність фрагмента „ото пото...” У книжці „Калігули” В. Старун теж користується паліндромним жанром, наприклад:

оливи горлових
Піскових бур-рубель

Свідомості

(„канцелярист проти людей”) (с. 127).

Як бачимо, у Старуна в збірці „Калігули” паліндром виступає як жанр. Поет використав і такий жанр, як піктограма. Виконані ним власноруч і не позбавлені вербальності (певних слів чи уривків слів, літер) малюнкові тексти покликані видобути з буття первісне, архетипне мовомислення.

На звукописьмо чи звукове інструментування обіперті й такі поезії „Капітул”, де В. Старун вдається до фонетичної пантоанафори, за якої всі слова в межах тексту розпочинаються однією й тією ж літерою.

осідає
осінь
осами
октав (с. 194).

шемрає
шолудивий
шанс (с. 206).

щириця
щекавиці
щипче
щось (с. 206).

якраз
ярмарок
ялинкових
ямалів (с. 203).

Несподіванка Слова – вона для поета Старуна іноді більше значить, аніж саме значення слова. Раз-пораз трапляються в нього діалектизми слобожанського походження, рідковживані слова й неологізми: анабастичний сніг (чужий); вчорашній *фастак* (ліки); *оннегер* (композитор); *фонтанують* (піднімаються в небо) одночасно птиці; миглі *видуб* (місце, де спиляно дуби); *реінкарнава* (відновлення, оживлення); *вишурбає* трал (вирве); мокрої *калами* (чим пишуть); *верцадло* (люстерко); *вишиви* на сорочці білій (вишивки); метелики в паперових *зблудьках* (оригамі); наспіх *звалашені* (скупчені) та ін.

У „Калігулах” чимало „неологізмів-фразеологізмів”. Можна виокремити такі:

коли важко – схиляєш
голову до землі
коли легко
– оминаєш
зорі (с. 159).
ізціли себе сам –
станеш лікарем
мовчи – будеш філософом (с. 88).
порожній вірш
пожива для
короїдів (с. 89).
краплі дзьобають поріг (с. 68).
згадати солов'я
під листопад (с. 84).

слова крізь
вушко голки
пролетять (с. 114).

Найновіша збірка Василя Старуна „Душа змії” [6] ще пахне друкарською фарбою, нічия рука не торкалася ще її сторінок. Скільки в ній незвіданого, таємного й таємничого світу, відчувається потяг самого автора до невідомого. Вийшла друком у Івано-Франківську.

У ній, як і в інших творах поета, яскраво відчутно творчу манеру В. Старуна – метафорично-асоціативну, герметично-розкішну. Поезії цієї збірки дещо ускладнені несподіванкою поетичного слова, поетичної форми, збагачені авторськими неологізмами. Але чим більше читаєш ці незвичайні рядки, то більше відкривається такий багатий і незвіданий світ поезії, світ, який у Василя Старуна виходить за межі буденного, свідомого матеріального – і торкається вершин вічності.

Авторські неологізми в книзі „Душа змії” не штучно вплетені в поетичні рядки, вони несуть у собі відмінне смислове навантаження, певний експресивний заряд, надаючи поетичному мовленню автора загадковості, неповторюваності, невимушеності. Як і в попередніх збірках, В. Старун творить свої неологізми за законами українського словотворення. Майже всі вони залишаються в індивідуальному обігу автора і, в основному, характеризують його творчу манеру. Більшість з цих авторських новотворів, навіть не потрапивши до загальномовного словника, уже є засобом естетичного впливу на читача:

і не віно попереду ждуть
пшаницю (ходу) в поті чола (с. 105).

У своїй новій збірці В. Старун використовує авторські метафоричні структури, що наближаються до метафоричних зворотів:

у застиглих воронцях
заплутується бджола
з іншого грому (с. 10).

А ось вислови, що наближуються до філософського узагальнення:

вишиваємо хрестиком –
хлопчику мій –
каже жінка не –
бачена в суворих
дощах Слобожанщини:
та малюнок для вишивання
ще не готовий (с. 21).

світ завершує біганину
навколо себе (с. 23).

на кожній землі горить
стовп життя (с. 34).

все в пісок опада:
і крапля – теж (с. 38).

чим далі в ліс -
тим більше суєти (с. 45).

У своїй новій збірці „Душа змії” поет рідко, але вживає слова старослов’янського походження: *ошуї* (праворуч) (с. 155); *одернуй* (ліворуч) (с. 155); *в околії* (болт.) забутого танку (с. 159); *вражда дублонів* (старосл. монети) (с. 162).

Дослідивши новотвори в новій книзі В. Старуна „Душа змії”, стає зрозуміло, що поетичний словник автора постійно розширюється й оновлюється, хоча зауважимо: індивідуально-авторські неологізми поета живуть лише в його власних творах для увиразнення якоїсь ситуації, образу, фрагмента Основна сфера функціонування цих новотворів – художній та розмовний стилі. Якщо класифікувати словотворчі засоби новотворів В. Старуна то можна дійти висновку: поет утворює віддієслівні форми іменників найчастіше безсуфіксним та суфіксальним способами, наприклад, безсуфіксним способом утворено слова: *пересип* <— пересипатись; *перелюб* <— перелюбити; *поскриб* <— поскребти; *виціл* <— вицілити; *шемрїт* <— шемрати. За допомогою суфіксального способу автор творить такі слова: *любїнь*, *творба*, *пїшаниця*, *бидловиння*, *хитавиці*, *огни'во*, *галузкий*, *видноці* та ін.

Отже, проаналізувавши використання новотворень у найновіших поетичних збірках В. Старуна – „За некийвським часом”, „Калїгули” та „Душа змії”, ми можемо твердити, що митець надзвичайно широко використовує авторські неологізми, які органічно вплетені в тканину його творів. Переважна більшість витворених письменником слів належить до вузьких оказіоналізмів, які збагачують мовні засоби експресивно-образного плану, в основному це похідні слова, які є номінативними мовленнєвими одиницями з емоційно-експресивним забарвленням. У його поезіях вони характеризуються специфічними структурними особливостями й функціями, як-от: словотвірна похідність, функціональна одноразовість, номінативна факультативність, індивідуальна незалежність.

Найбільш продуктивними способами творення індивідуально-авторських неологізмів для поетичної мови В. Старуна є способи афіксації та словоскладання (композиція). Причому центральне місце займає афіксація. Зокрема у системі творення іменників-неологізмів переважає суфіксація та безсуфіксний спосіб, а прикметників та дієслів – конфіксація.

Простеживши сферу вживання неологізмів В. Старуна, доходимо висновку, що вони, зазвичай, не функціонують поза межами твору, у який уведені, й у зв'язку з цим з бігом часу не втратять відтінку новизни. Отже, вони належать до пасивного складу лексики.

Чим же зумовлена поява неологізмів у творчості В. Старуна? По-перше, розвитком самого суспільства По-друге, намаганням поета глибше пізнати й точніше позначити ті чи інші явища навколишнього світу, духовного життя людини. По-третє, у багатстві образного світу автора У прагненні виразити свою поетичну неповторність, несподіванку слова своє авторське „Я”.

І це автору вдалося. Його улюблені неологізми (простежена повторюваність у кожній збірці по кілька разів): *світуни*, *хвиління*, *дзумкочуть*, *спорадичних*, *ворїння тощо*.

Його „фразеологізми-неологізми”, безперечно, є засобом не лише естетичного впливу на читача.

Блискуче виразив думку про неповторність поезії й поетичного світу В. Старуна П. Коробчук:

дарма що пригодоньки – у постолах
дарма що пїтьма - полинова –
долає дистанцію – ііуртовий шлях –
стереометрія слова [2, с. 5].

Можна цитувати ще й ще Старунові вірші, можна шукати аналогії з використанням різного мовознавчого інструментарію, але це не наблизить до поета А

можна просто відкрити навмання сторінку, прочитати вірш, який в уяві виростає й стає індивідуальним стилем буття.

Старун є поетичним мінімалістом. Пише короткі вірші, постійно експериментуючи зі змістом, формою, словом. Цей старунівський вірш особливий, його не сплутаєш з іншими: у творі стільки асоціацій, що сам вірш інколи набуває віртуального обрису. І все ж треба розуміти, що Василь Старун є унікальним явищем нашого сьогодення.

Література

1. Неживий О. І. Жайвори над Луганщиною / О. І. Неживий, А. Ю. Медведенко. – Луганськ : Світлиця, 2004. – 330 с. **2. Старун В. В.** За некиївським часом / В. В. Старун. – Луганськ : Світлиця, 2008. – 152 с. **3. Мірошніченко М.** Поезія двостороннього струмування мови / М. Мірошніченко // Німчич. – 2007. – С. 162. **4. Медведенко А.** Від серця до серця / А. Медведенко // Літературне буття Лугашчини. – Луганськ : Світлиця, 2007. – 491 с. **5. Старун В. В.** Калігули / В. В. Старун. – К. : Просвіта 2005. – 221 с. **6. Старун В. В.** Душа змії / В. В. Старун. – Івано-Франківськ : Тіповіт, 2009. – 192 с.

Статтю присвячено аналізу авторських неологізмів на прикладі поетичної творчості В. Старуна. Акцент зроблено на умовах появи неологізмів, розглянуто сферу їхнього вживання поетом.

Ключові слова: авторський неологізм, асоціація, експеримент зі словом, авторське «Я», активний / пасивний склад лексики.

Стаття посвящена аналізу авторських неологізмів на прикладі поетичного творчства В. Старуна. Акцент сделан на условиях появления неологізмів, рассмотрена сфера их употребления поэтом.

Ключевые слова: авторский неологізм, ассоциация, эксперимент, со словом, авторское «Я», активный / пассивный состав лексики.

The article is devoted the analysis of author neologisms on the example of poetic creation V. Starun. An accent is done subject to conditions appearance of neologisms, the sphere of their use is considered by a poet.

Keywords: author neologism, association, experiment, with a word, author «Ya», active / passive composition of vocabulary.

Стаття надійшла до редакції 06.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Будівський П. О.

А. Е. Павленко

ГРЕЧЕСКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

По сложившейся традиции, территориальные диалекты русского языка в России большим авторитетом не пользуются, и их не принято считать важной частью культурного наследия. Прямо или косвенно, они осуждаются обществом как отступление от нормы и приравниваются к просторечию. Не вдаваясь в теорию диалектологии, напомним лишь, что исторически все говоры или диалекты, т. е. территориальные языковые варианты, равны. Не стань Москва столицей, мы вполне могли бы сейчас говорить на совсем другом литературном русском языке – например, с оканьем или цоканьем, – а московский говор мог бы оказаться среди тех вариантов речи, от которых преподаватели-русисты стараются отучить школьников.

В России, как и в некоторых других странах с высоким уровнем централизации, общество игнорирует диалекты, и даже многие из тех, кого принято называть деятелями культуры, относятся к диалектам безразлично или отрицательно. Диалекты русского языка практически никак не представлены в театре, СМИ или рекламе. Конечно, этот пласт народной речи изучают филологи. Обращаются к нему и некоторые литераторы. Однако это, скорее, удел узкого круга интеллектуалов. У нас не найдешь такого изобилия публикаций о диалектах и на диалектах, как в странах Западной Европы – Великобритании, Германии, Италии и др. Конечно, традиционные формы речи подверглись у нас большому разрушению из-за массовых переселений, войн, репрессий и прочих исторических перипетий. Как и языки, диалекты могут приходить в упадок и могут умирать, однако на любом этапе своего развития они заслуживают изучения и популяризации (естественно, не в ущерб литературному языку). Игнорируя их, мы неизбежно обедняем нашу культуру и в очередной раз оказываемся «иванами, не помнящими родства».

Диалектология, изучающая территориальные варианты языка, сталкивается с многочисленными любопытными явлениями, обусловленными языковыми контактами. Одно из них – смешение диалектов городского населения. Такое смешение наблюдается, например, в языке группы жителей, составляющих в данном городе этническое и языковое меньшинство. При этом язык меньшинства приобретает черты родного языка большинства жителей города. Однако бывает и наоборот, когда некоторые черты языка городского меньшинства влияют на язык большинства населения. В рамках подобных процессов социальные диалекты (социолекты) могут переплетаться с диалектами территориальными и оказывать на них существенное влияние. Примером такого развития является таганрогский говор XIX – первой половины XX в.

Город Таганрог относительно молод – после его восстановления в период правления Екатерины II прошло всего 240 лет. Но за это время местный говор успел сформироваться и под влиянием разных обстоятельств претерпеть серьезные метаморфозы. Тех, кто знаком с историей Таганрога, не удивит предположение о том, что на местный разговорный русский повлияла речь многочисленной и влиятельной

греческой общины. Цифры говорят сами за себя. Согласно переписи 1872 г., среди 1807 купцов, проживавших в то время в городе, русских и украинцев было 334, греков – 481, евреев – 242, немцев – 30 и т. д. Эти данные позволяют судить об участии таганрогских греков в экономической и общественной жизни города и округа относительно других местных этнических групп. Не будем подробно останавливаться здесь на истории греческого переселения в северное Приазовье в екатерининские времена – этой теме посвящены многочисленные исследования, включая раздел в «Истории города Таганрога» П. П. Филевского, изданной к двухсотлетию юбилею города в 1898 г. Напомним лишь, что начало этому процессу положили победа России над Турцией в 1774 г. и ознаменовавший ее Кучук-Кайнарджийский мирный договор, а также последовавший за этими событиями рескрипт Екатерины II от 28 марта 1775 г., предписывавший главнокомандующему графу А. Г. Орлову, создать условия для переселения союзников России - греков и албанцев – в отвоеванные южнорусские владения [См.: 1, с. 92 – 93]. Необходимо также отметить, что население Таганрога и округа пополнялось за счет греков - выходцев из Эгейского архипелага и континентальной Греции, являвшихся, естественно, носителями греческого языка, тогда как соседний Мариуполь, возник прежде всего как поселение крымских греков, говоривших в большинстве своем на крымско-татарском языке [Там же, с. 107]. В связи с этим языковая ситуация в Таганроге и Мариуполе, несомненно, с самого начала должна была иметь существенные отличия.

Необычные явления в речи русского населения Таганрога отмечал выдающийся российский языковед А. А. Шахматов. В своем известном учебнике «Введение в курс истории русского языка», вышедшем в Петрограде в 1916 г., он пишет: «Всякие изменения в языке имеют своим источником явления индивидуальной языковой жизни... господствующие элементы, даже отдельные личности, к ним принадлежащие, вызывают подражание, иногда и сознательное... Для иллюстрации этого положения я сошлюсь на некоторые *диалектические* явления в русском языке. На юге России в городах Азовского побережья распространено, преимущественно среди женщин, произношение *с* вместо *ц* (*сарь* вместо *царь*); по сообщению исследователей – это результат подражания греческому населению, играющему значительную роль в экономической жизни населения юга» [2, с. 83].

А. А. Шахматов не одинок в своих наблюдениях. Донской этнограф и краевед Е. П. Савельев еще в 1908 г. отмечал сходные явления в речи низовых казаков, в которой «...замечаются остатки какого-то особенного древнего говора, это говор, известный под названием «черкасского». Фонетические особенности этого говора заключаются в следующем: шипящие звуки *ж*, *ч*, *ш* и *щ* в нем заменяются свистящими *з*, *ц*, *с* и *сц*: *Миса* – *Миша*, *криса* – *крыша*, *уз* - *уж*, *невозможно зить* – *невозможно жить*... и т. д. Говор этот с друга ми особенностями, как-то: *ми*, *ви*, *оны*, *помол* – *помыль*, *накрал* – *накрыл*, сохраняется в настоящее время преимущественно среди женщин, не получивших современного школьного образования...» [3, с. 11]. Е. П. Савельев ссылается на другого автора, В. Ф. Соловьева, который полагал, что «...на образование черкасского говора имело влияние и сношение казаков с греками, которые, как известно, многих наших шипящих звуков совсем не выговаривают, заменяя их свистящими, а также не выговаривают и нашего твердого *ы*, заменяя его *и*, и при разговоре как бы «сюсюкают» [Цит. по: 3, с. 11].

Особенности говора обрусевших греков нашли свое отражение в русской литературе XIX – начала XX в. Здесь, конечно, нельзя не упомянуть колоритного

персонажа чеховской одноактной пьесы «Свадьба» – грека Харлампия Спиридоновича Дымбу – с его характерным акцентом. Вспомним эти строки:

Жигалов (Дымбе). А тигры у вас в Греции есть?

Дымба. Есть.

Жигалов. А львы?

Дымба. И львы есть. Это в России ниЦего нету, а в Греции все есть.

Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ниЦего нету.

По-видимому, именно ломаный русский местных греков, подобный «дымбовскому», вызвал упомянутые изменения в речи коренного русскоязычного населения. Е. П. Савельев добавляет, что это «характерное смешение шипящих звуков со свистящими, т. е. «сюсюканье», и теперь довольно рельефно сказывается в говоре жителей на всем северном и восточном побережьях Черного и Азовского морей» [Там же]. Действительно, в области консонантизма в говорах местного славянского населения наиболее заметными были следующие изменения, которые сформировались под влиянием речи греков Приазовья и получили широкое распространение:

1) некоторые согласные, обычно твердые во всех прочих вариантах русского языка, в говорах северного Приазовья подверглись палатализации. Примерами могут служить слова *пышка* [pʲiʃka] – [pʲiʃka]; *рынок* [rʲinak] – [rʲinak]; *рыба* [rʲiba] – [rʲiba] и др.;

2) фрикативный постальвеолярный [ʃ] *перешел во фрикативный зубной* [s]: *крыша* [krʲiʃa] – [krʲisa]; *Машиа* [maʃa] – [masa] и др.;

3) в ряде случаев сибиланты подвергались палатализации: *касса* [kasʃa] – [kasʲa] и др.

Некоторые коренные таганрожцы старшего и среднего возраста, несомненно, помнят, как их родители, дедушки и бабушки смягчали начальный согласный в упомянутых выше словах. Сейчас эти особенности таганрогского говора в прошлом, и молодое поколение о них может даже не знать. Однако было бы жалко предать забвению эту примечательную страницу в истории нашего языка.

Для того чтобы определить, как именно развивались эти языковые процессы в Таганроге и в других близлежащих населенных пунктах, каковы были их масштабы и результаты, нами был разработан проект, получивший рабочее название «Влияние речи греческого меньшинства на русские говоры северного Приазовья». Исходные положения теории и методологии, а также некоторые предварительные результаты обобщены нами в докладе, который был включен в программу IV-й Международной конференции по современной греческой диалектологии и теории языка, организованной совместно университетами г. Патры (Греция), штата Огайо (США) и г. Гент (Бельгия). Конференция проходила с 11 по 14 июня 2009 года на о. Хиос (Греция).

На основе имеющихся данных можно подытожить основные фонетические особенности русского языка таганрогских греков, оказавшие влияние на говор местного славянского населения:

1) постальвеолярная аффриката /tʃ/ перешла в альвеолярную аффрикату /tʃ/;

2) альвеолярная аффриката /tʃ/ перешла в альвеолярный глухой фрикативный /s/;

3) постальвеолярный звонкий фрикативный /z/ перешел в альвеолярный звонкий фрикативный /z/;

4) постальвеолярный глухой фрикативный /ʃ/ перешел в альвеолярный глухой фрикативный /s/;

5) в ряде контекстов наблюдалась палатализация согласных;

б) кроме того, закрытый гласный среднего ряда /i/, которому предшествует твердый согласный, был заменен закрытым гласным переднего ряда /i/, после мягкого согласного.

Собранные свидетельства показывают, что на определенном этапе славянское, преимущественно городское, население, особенно женская его часть, начало имитировать вышеупомянутые фонетические особенности речи местных греков, имевшей в обществе высокий престиж. Что касается языковой вариативности по половому признаку, то мысль о том, что особую роль в распространении вышеупомянутых особенностей могла сыграть женская часть населения, подтверждается объективными результатами изучения конкретных сообществ. Так, это вполне согласуется с выводами классика американской социолингвистики У. Лабова, который еще в своих пионерских полевых исследованиях речи Нью-Йорка в 60-е гг. XX в. установил, что речь мужчин и женщин в одном и том же коллективе может существенно различаться, причем у женщин она в целом оказываются ближе к наиболее престижному варианту [Цит. по: 5, с. 116]. Эти выводы нашли свое подтверждение и в работах английского исследователя П. Традгилла, изучавшего социальную вариативность речи жителей города Нориджа, проводившихся в начале 70-х гг. Традгилл установил, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, склонны к использованию некоторых морфонологических особенностей, ассоциирующихся с наиболее престижными вариантами речи. Этот факт свидетельствует о том, что именно женщины могут становиться инициаторами и проводниками так называемых языковых «изменений сверху» (термин У. Лабова) [Цит. по: 5, с. 114].

Приобретенные русскими городскими говорами в результате языковых контактов новые фонетические черты широко распространились по всему северному побережью Азовского моря, а также проникли в города и станицы юга Области Войска Донского. По-видимому, сравнительно быстро – в течение нескольких десятилетий – упомянутые употребления превратились в характерные структурные особенности некоторых говоров славянского населения, т. е. более не являлись осознанной или неосознанной имитацией.

С суждениями о том, что рассматриваемые черты являются прямым или косвенным результатом древних языковых контактов, имевших место еще во времена древнегреческой колонизации, согласиться, конечно, нельзя [Ср.: 3, с. 14 – 13]. Такое предположение представляется лишенным всяких оснований, поскольку на протяжении многих веков в северном Приазовье языковая преемственность неоднократно нарушалась в результате массовых переселений, чередовавшихся с длительными периодами запустения и безлюдья.

В дальнейшем предполагается провести ретроспективное исследование языковой ситуации в городе Таганроге и прилегающем регионе, чтобы уточнить параметры социалемы (языкового коллектива) упомянутого «греко-русского» говора и его влияния на речь славянского населения. Главная трудность в осуществлении данного проекта заключается в том, что упомянутые выше языковые особенности за послевоенный период, практически, полностью отмерли, и мы в своей работе можем полагаться лишь на такие источники, как материалы переписей населения, свидетельства старожилов, мемуарная литература, художественная проза и др.

Исследование проводится в ключе диахронической социолингвистики, занимающейся изучением динамики соотношения «язык – социалема – социум», а

также диалектологии. В процессе изучения языковых контактов особое внимание мы уделяем вопросам вариативности по возрастному, половому и профессионально-сословному признакам. Большой интерес представляет, также, уточнение временных параметров формирования и закрепления данных фонетических особенностей в говорах славянского населения.

Литература

1. **Филевский П. П.** История города Таганрога (репринтное издание) / П. П. Филевский. – Таганрог : Сфинкс, 1996. – 392 с. 2. **Шахматов А. А.** Введение в курс истории русского языка / А. А. Шахматов. – Ч. I. – Петроград : Типогр. «Научное дело», 1916. – 146 с. 3. **Савельев Е. П.** Типы донских казаков и особенности их говора Е. П. Савельев. – Новочеркасск : Обл. Войска Дон. типогр., 1908. – 15 с. 4. **Соловьев В. Ф.** Особенности говора донских казаков / В. Ф. Соловьев. – СПб. : Типогр. Импер. Акад. наук, 1900. – 52 с. (Сб. Отделения русского языка и словесности ИАН, т. LXVIII, № 2). 5. **Aitchison J.** Linguistics. An introduction / J. Aitchison. – 2nd ed. – London : Hodder and Stoughton, 2005. – 245 p. 6. **Labov W.** The social stratification of English in New York City/W. Labov // Urban dialect series. – Vol. 1. – Washington, C. : Center for Applied Linguistics, 1966. – 266 p. 7. **Trudgill P.** The social differentiation of English in Norwich / P. Trudgill // Cambridge Studies in Linguistics 13. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – P. x; 211.

На формування говірки м. Таганрога й деяких інших населених пунктів північного Приазов'я істотний вплив у XIX ст. справила мова впливової грецької меншості. Слов'янське населення міста, особливо жіноча його частина, на певному етапі стало імітувати деякі характерні фонетичні особливості мови місцевих греків, що мала в суспільстві високий престиж. Ці придбані межі поширилися по всьому північному узбережжю Азовського моря, а також проникли в міста й станиці півдня Обл. Війська Донського. Запозичені фонетичні межі порівняно швидко перетворилися на структурні особливості говору слов'янського населення й більш не були усвідомленою або неусвідомленою імітацією. Той факт, що саме жінки можуть ставати ініціаторами й провідниками так званих мовних «змін зверху», підтверджується даними низки сучасних досліджень.

Ключові слова: діяхронічна соціолінгвістика, мовні контакти, меншість, престижний мовний варіант, фонетичні зміни.

На формирование говора г. Таганрога и некоторых других населенных пунктов северного Приазовья существенное влияние в XIX в. оказала речь влиятельного греческого меньшинства. Славянское население города, особенно женская его часть, на определенном этапе стало имитировать некоторые характерные фонетические особенности речи местных греков, имевшей в обществе высокий престиж. Эти приобретенные черты распространились по всему северному побережью Азовского моря, а также проникли в города и станицы юга Обл. Войска Донского. Заимствованные фонетические черты сравнительно быстро превратились в структурные особенности говора славянского населения и более не являлись осознанной или неосознанной имитацией. Тот факт, что именно женщины могут становиться инициаторами и проводниками так называемых языковых «изменений сверху», подтверждается данными ряда современных исследований.

Ключевые слова: диахроническая социолингвистика, языковые контакты, меньшинство, престижный языковой вариант, фонетические изменения.

This paper focuses on the outcome of the Greek-Russian language contact in the port-town of Tapnrog and the adjacent district evolving in the course of approximately 150 years, i.e. from the late XVIIIth c. to the early XX* c. Some phonetic features characteristic of the former local Russian accent can be attributed to imitation of the distorted Russian speech of the Greek population, which used to dominate the economic life of the area for about a century. In the case of the Northern Azov coast varieties of Russian we deal with an example of mixed urban dialect constituted by the idiom of a quantitative majority (Slavs) on the one hand and that of a minority (local Greeks) on the other.

Keywords: diachronic sociolinguistics, language contact, minority, prestigious variety, phonetic changes.

Стаття надійшла до редакції 11.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 811.161.1

М. А. Петриченко

ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ И ПСИХОЛОГИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Больше других к высшему из благ стремится то общение, которое является наиболее важным и обнимает собой все остальное общение. Это общение называется государством.

Аристотель, «Политика»

Для наименования управленческой деятельности по налаживанию конструктивных отношений в обществе и его сферах в русском языке официально используются словосочетания общественные связи, общественные отношения, являющиеся переводом английского public relations. В профессиональной и разговорной речи активно употребляются также производные от этого «американца» – пиар, пиарить, пиариться, пиармен, пиарщик, пиар-индустрия, пиар-деятельность, цветной пиар (черный, белый, серый, зеленый, розовый, голубой, коричневый и др.) и т. п. Разветвленное словообразовательное гнездо указывает на востребованность общественных связей, разнообразие их содержания, функций, технологий и на оценку – к сожалению, преимущественно отрицательную. Актуальным поэтому представляется обращение внимания на специфику и психологические условия благоприятного осуществления пиар-деятельности.

В общественных связях (ОС) реализуется важнейшее завоевание демократического общества – свобода слова, презумпция открытости информации. Общественные связи охватывают своей деятельностью все общественные структуры –

семью, церковь, бизнес, профсоюзы, политические партии, Фонды, Движения, образование, науку, медицину, культуру, СМИ, управленческий аппарат и др., настраивая их на согласование друг с другом всех за и против общественного мнения, на долговременное сотрудничество.

Сэм Блек философию пиара называет очень простой. В центре ее находится мысль о том, что любому субъекту с общественной поддержкой и пониманием легче достичь успеха в своей деятельности, чем в случае общественной оппозиции или безразличия. Общественные связи – это не реклама с ее нацеленностью на прибыль и не пропаганда с ее жестко контролируемым – сверху вниз – потоком информации. Ключевыми словами общественных связей являются: репутация, восприятие, понимание, доверие, взаимопонимание, гармония, честность, открытость, полная информированность. Общественные связи ориентированы на перспективу, на развитие долгосрочных конструктивных отношений. Повышение с их помощью репутации Организации как социально ответственной всего лишь на один процент повышает успешность всей деятельности этой Организации на три процента.

При создании конструктивных отношений ОС ориентируются на определенные целевые аудитории, то есть социальные группы, сегменты общества, потребности и интересы которых напрямую соотнесены или – что очень важно – могут быть соотнесены с Организацией, представляемой специалистом по ОС. Так, для бизнеса целевыми аудиториями являются: потребители – потребительские отношения; структуры власти – правительственные отношения; инвесторы – инвесторские отношения; банки – финансовые отношения; внутренний персонал – корпоративные отношения; поставщики, конкуренты – промышленные отношения; средства массовой или специальной информации – отношения с прессой, радио, телевидением; международная общественность – международные отношения и др. Понятие социальная ответственность предполагает также установление Организацией социальных связей – отношения благотворительные, экологические, культурные, защита прав человека и др. Целевые аудитории не изолированы друг от друга, а их мнения являются составной частью общественного мнения – сплава различных потребностей, желаний, оценок, планов, представлений, понятий, советов, поддержек, протестов и других многообразных субъектов общества. Поэтому чем с большим числом целевых аудиторий налажены у Организации конструктивные отношения, тем успешнее реализует она свои планы. Таким образом, ОС Организации мотивируют новое поведение общества по отношению к ней (например, увеличивают спрос на продукт, привлекают инвесторов), усиливают его позитивное отношение. Однако пиар-воздействие всегда целенаправленно не только потому, что сфокусировано на целевых аудиториях, но и потому, что охватывает собой все составляющие общественного сознания (иррациональную, эмпирическую, рациональную). Частные виды этого убеждающего воздействия носят название «акция» – одноразовое мероприятие или «кампания» – объединение ряда акций одной стратегической целью (набор персонала, поиск инвестора, спонсоринг и др.). Например, отделы по связям с общественностью в правительственных структурах организуют такие акции, как встречи с учеными (СМИ, ветеранами, зарубежными деятелями, студентами, металлургами и др.), круглые столы, публичные дебаты, пресс-конференции, брифинги, публикация статей, социологических исследований; публичные слушания по социально значимым вопросам; празднование государственных, национальных и религиозных праздников; посещение лечебных заведений, промышленных

предприятий и др. Специалисты считают, что впервые правительственная пиар-кампания была проведена в США для подготовки населения страны к вступлению в первую мировую войну. Инициатором этой кампании был президент В. Вильсон. В свою очередь лоббируя, то есть надавливая на законодателей с целью ускорения (торможения) принятия какого-либо важного для отдельного субъекта общества решения, закона, используют такие акции: открытые обращения к законодателям; встречи с ними в официальной и неофициальной (выставки, приемы, обеды и др.) обстановке; организация митингов солидарности, протестных выступлений; публикации в печати; видеоматериалы на ТВ; обращение коллективов и др. (Шантаж, угрозы, прямой подкуп, организации похищений, убийств и др. слагаемые черного пиара в данной статье не рассматриваются). ОС являются частью всей деятельности управления и выполняет все функции управления. Однако основными аспектами пиар-деятельности являются:

1. Поисковая, суть которой в сборе точной информации о и для постоянно меняющихся целевых аудиторий. Специалист по ОС использует при этом открытые данные социологических исследований, материалы СМИ, различных других Организаций, критически осмысляя их и дополняя самостоятельно полученными сведениями.

2. Диагностическая, направленная на осмысление причин отсутствия взаимопонимания между целевой аудиторией и Организацией. По нашему мнению, именно с правильно поставленного журналистом А. Л. Ли диагноза о причинах постоянных забастовок рабочих империи Д. Рокфеллера – отсутствие паблик рилейшенз – и началось развитие этого вида управленческой деятельности.

3. Прогностическая, состоящая в определении конкретных позитивных изменений в результате проведенной акции, кампании (например, увеличение потока клиентов, отмежевание от социально безответственных партнеров, опровержение слухов, покупка нужных материалов и др.).

4. Организационная, направленная на поддержание, сохранение и развитие конструктивных связей между Организацией и ее целевыми аудиториями, на разработку программ и смет акций, кампаний. Так, для налаживания отношений со СМИ Организация: регулярно готовит новые материалы о своих спецсобытиях, планах; в кризисных ситуациях оперативно сообщает данные, к ним относящиеся, в том числе сведения об ответственных за преодоление ситуации, их телефоны и пр.; проводит пресс-конференции, брифинги, круглые столы; отвечает на запросы прессы; следит за материалами СМИ, оценивает их и при необходимости опровергает, уточняет и др. Организация общественных связей для внутренней аудитории заключается в разработке дресс-кода и других атрибутов корпоративной культуры; в выпуске внутренних газет, журналов, проведении корпоративов, празднований юбилеев, свадеб и др.; в создании телефонов доверия; в посещении сотрудников на их рабочих местах и др. Объединяющим поисковую, диагностическую, прогностическую, организационную и другие стороны деятельности специалиста по ОС является общение. В ходе презентации нового продукта, ведения переговоров, круглых столов, во время пресс-конференции, выслушивания оценок спонсора, выступлений перед новой целевой аудиторией, при составлении программы акций и прочих профессиональных действий специалист по ОС прежде всего общается. Общение как особый вид деятельности характеризуется наличием разнообразных функций: информационной, побуждающей, координирующей, организационной, регуляторной,

аффективной, прагматической, влияния, манипулирования и др. Все эти функции сводятся к трем основным – коммуникативной, т. е. обмена информацией между субъектами общения; перцептивной – восприятия субъектами общения друг друга и установления соответствующего стиля общения и интерактивной, организующей взаимодействие общающихся, обмен их действиями, поступками. Сложность общения как специфически человеческого вида деятельности объясняет наличие длинного ряда теорий, затрагивающих отдельные аспекты общения. Это – теория речевых актов, прагматика, теория речевой деятельности, теория коммуникации, программирования взаимодействия, конфликтогенности, социолингвистическая теория и др. Большая часть из них опирается на достижения в анализе феномена общения лингвистов и психологов. Итак, общение как часть профессиональных действий специалиста по ОС осуществляется для достижения профессиональных целей - понять позицию другого человека, развеять слухи, уточнить данные, убедить стать инвестором, привлечь покупателей и др. В процессе общения используется три знаковые системы: вербальная словесная; невербальная - жесты, мимика, интонация, положение тела и вспомогательная - таблицы, схемы, картины, стиль одежды, прически и др. Экспериментально доказано, что невербальные и вспомогательные средства общения способны передать 93% процента всей предлагаемой при общении информации, а вербальные — оставшиеся 7%. Отмечается также, что человек запоминает из того, что читал, – 10%, слышал – 20%, видел – 30%; слышал и видел – 50%, сам рассказал – 70%, сам делал – 90%. Из этого следует важность и необходимость целенаправленного использования разнообразных невербальных средств для эффективного **общения**. В Словаре В. И. Даля жест вообще определяется как немой язык, обнаруживающий движение чувств, мыслей. Неслучайно в каждом языке есть значительный пласт так называемых соматических речений, которые указывают на эмоции, чувства, мысли и другие психические состояния человека, проецируя их на жесты, мимику, телодвижения. Например: нахмурить брови – рассердиться, погроzić пальцем – угрожать; прижать к сердцу руки – попросить и др. Вообще же русская жестикация, мимика и поза субъектов общения во многом определяются ситуацией, отношениями говорящих и их социальным статусом. Как правило, чем выше стоит человек на социальной лестнице, чем он воспитаннее, тем более сдержан его жест. Психологи также отмечают, что при несовпадении вербальной и невербальной информации, предлагаемой одним тем же собеседником, следует больше доверять невербальной, напрямую связанной с нашим подсознанием. Например, если собеседник уверяет вас в своей открытости, искренности, то его слова сопровождаются приветливой улыбкой, он встанет из-за стола, пойдет вам навстречу, поздоровается за руку.

Решаемые в процессе общения профессиональные задачи общественных связей направлены из настоящего в будущее – на долговременное сотрудничество, продолжение доверительных, честных и искренних отношений, на проявление взаимного понимания и уважения целей, интересов партнеров и, наконец, на содействие друг другу в решении разнообразных проблем. Консенсус с точки зрения психологии имеет все признаки психологического контакта. Его создание начинается с демонстрации репутации своей социальной ответственности. Если же таковой пока у Организации нет, так как она только начинает завоевывать доверие общества, следует обратиться к самопрезентации – заранее побеспокоиться, чтобы в целевые аудитории была доведена информация как об Организации, так и о личности, качествах специалиста по ОС, его отношении к обществу, об уровне его квалификации,

успешности проводимых им мероприятий. Особенно важно включать в свои размышления об особенностях проведения акции вопросы психологи общения. Важным компонентом общей психологичности первой встречи, кроме продуманности сценария общения, является забота о необходимости произвести благоприятное впечатление на собеседников. Известно, что у людей очень быстро создается мнение о человеке, с которым знакомятся и что встречают чаще всего по одежке. В дальнейшем это впечатление может сохраниться или измениться. Но в любом случае одежда не должна быть кричащей, останавливающей на себе внимание. ПР-специалист обязательно помнит о том, как ценятся в процессе общения вежливость, тактичность поведения, знания делового этикета. Психологическому контакту также способствует демонстрация общности взглядов, оценок, потребностей, мотивов действий сторон. Психологический расчет этих действий заключается в обязывании аудитории быть также открытой, проявлять признание достоинств собеседника. Демонстрация готовности к открытому обсуждению проблемы, к правдивому изложению информации важна для закрепления взаимной искренности, доброжелательности. ПР-специалист, актуализируя мотив сотрудничества, учитывает психологию целевой аудитории. Для одной из них важно стремление к материальному благополучию, для другой – к справедливости, для третьей – желание действовать во благо экономии средств и др. Психологическому контакту, без сомнения, способствует речь, учитывающая законы логики – последовательность, непротиворечивость, доказательность, определенность изложения. Влияют на эффективность выступления также чистота речи, богатство ее словарного запаса, разнообразие синтаксических конструкций. Напомним, что технологией прозрачного, чистого пиара является только технология убеждений, отрицающее манипулирование сознанием. Важнейшей категорией пиара является обстановка. Она характеризуется местом, временем, наличием представителей СМИ, наглядности др. обстоятельствами проведения акции. Психологичность общения предполагает обращение пристального внимания на указанные составные обстановки общения. Встреча в удобный для аудитории или собеседника час, демонстрация наглядности, музыкальное сопровождение акции способствуют более полному, образному и точному восприятию информации, достижению цели общения. Если собеседникам важно подчеркнуть присущие им статусно-ролевые отношения, то на них укажут такие атрибуты обстановки, как расположение во главе стола, у двери, стоя, сидя, уменьшение или увеличение дистанции общения и под. В ходе общения могут возникнуть и различные сбои, приводящие в невыполнению задач конкретной пиар-акции. В свете данных психологии они квалифицируются как помехи, барьеры, неудачи. Обычно их подразделяют на: семантические, связанные с незнанием смысла слов, несоответствием значения кодируемой и декодируемой информации и под.; инструментальные, отражающие помехи в каналах связи, например, поломку микрофона; организационные, проявляющиеся в недостаточной продуманности сметы или программы мероприятий, и психологические. Одной из главных психологических неудач общения является неумение слушать. Специалист по ОС, чаще всего являющийся инициатором общения, должен как никто другой уметь слушать, постоянно оценивать услышанное, чтобы понять собеседника, определить объем имеющихся у него сведений по решаемому вопросу, степень его заинтересованности в проблеме, его мотивы, потребности, цели, эмоции. К основным правилам эффективного слушания относятся:

1. Поддержание речевой активности собеседника. При этом как исходное в беседе справедливо считается обращение к партнеру по имени-отчеству, а также использование уточняющих вопросов, просьб, стимулирующих говорение собеседника, резюмирование сказанного и оценочная реакция на услышанное. Психологичность таких приемов общения в том, что они не позволяют отклониться в сторону и дают возможность избежать смысловых помех. О заинтересованности собеседником говорит также поворот корпуса тела в его сторону, внимательный, дружелюбный взгляд, кивание головой и пр. соответствующие мимика, жесты. Но не следует задавать слишком много вопросов, так как ими можно подавить инициативу собеседника

2. Сдерживание эмоций. Бурное проявление слушающим особенностей своего характера, темперамента, психического состояния в данный момент (радость, гнев и др.), критика собеседника приводят к нежелательным последствиям в разговоре. Важно также не притворяться, не надевать маску бесстрастности, если что-то является действительно задевающим или, напротив, неинтересным. Притворство будет не в пользу декларируемой открытости.

3. Не отвлекаться во время слушания на посторонние предметы, телефонные звонки, встречи с другими собеседниками, чтобы не сбить говорящего, позволить ему довести свою мысль в полном объеме. Но если прерывание беседы все-таки имело место, следует обязательно восстановить течение разговора. Записывание содержания рассказа собеседника только подчеркнет для него значимость встречи.

4. Отказаться от демонстрации своего превосходства – лучшего знания проблемы, опытности в решении подобных задач, умении четко выражать свои мысли и пр. Напротив, необходимо создать возможность для собеседника продемонстрировать его собственную значительность – как оригинальной личности, оптового покупателя, ответственного поставщика, умелого координатора и т. д. Признавая, что ваше общение с собеседником – ситуативно-ролевое, все-таки следует проявить внимание к его личным делам – здоровью родителей, учебе детей и под. Психологи советуют также не забывать о комплименте, его, кстати, делают не только дамам.

5. Проявление заинтересованности в продолжении беседы. ОС всегда должны иметь перспективу своего развития, ведь они нацелены на плодотворное долгосрочное сотрудничество. Можно предложить следующую встречу, попросить собеседника изложить свои мысли о развитии ваших отношений, однако лучше не связывать ни себя, ни своего собеседника обещаниями и советами.

Кроме барьеров слушания отмечается наличие и других психологических барьеров, в том числе:

1. Стереотип восприятия, то есть чье-то стереотипно отрицательное отношение к определенной информации, к носителям какой-либо идеологии, политической партии и др. Например, социологи отмечают, что при голосовании на выборах наш электорат ориентируется на оппозицию, а западный – на выбор лучшего из лучших. Для преодоления стереотипа восприятия психологи предлагают следующие действия: проанализировать истоки критического отношения; познакомиться с противоположной точкой зрения; представить недостаток, который критикуется, как легко преодолеваемый; начать использовать продукт без предубеждений, проверив его качество на практике и др. Для преодоления несогласия собеседника и убеждения его в чем-либо часто используется правило накопления согласия, известное еще

современникам Сократа. По этому правилу, проблемный вопрос надо разбить на ряд таких, на которые собеседник естественным образом отвечает согласием. Нейтральные вопросы постепенно заменяются все более спорными, но психологически человеку после ряда «да» уже трудно сказать «нет».

2. Недоверчивое отношение одного из субъектов общения ко всему новому. Так, еще 10 лет назад аудитория за 30 признавала рынок и все, что с ним связано, а аудитория за 50 – отвергала. Для преодоления такого барьера следует, например, продемонстрировать наличие в данной информации базовой, хорошо известной. При налаживании психологического контакта необходимо преодоление также барьера скуки, вызванного, например отсутствием в сообщении актуальной новизны. Поэтому презентуя, например, новый продукт следует обязательно указать потребителю на какие-то важные для настоящего времени качества этого продукта. В данный момент это сведения о лабораторных исследованиях продукта, сроке хранения, наличии или отсутствии ГМО, пищевых добавок. 3. Психологическим барьером может стать и продолжительность выступления. Оптимальное время проведения акции, конечно же, зависит от ее типа и решаемых проблем. Но если одно выступление длится более часа, то слушающие не в состоянии активно воспринимать всю поступающую к ним информацию. Если выступающий нацелен на диалог с целевой аудиторией, то еще до начала своего сообщения он должен сказать об этом. В целом, краткие, но содержательные выступления говорят о высоком профессионализме оратора, что по достоинству оценивается слушателями.

По данным Международного комитета ассоциации агентств публик рилейшнз, в настоящее время без специалистов в области ОС не обходится ни одна уважающая себя Организация. Идеальными среди пиар-специалистов считаются те, которые умеют идеально говорить, слушать, писать и читать, то есть общаться со своими целевыми аудиториями – ровесниками, начальниками, подчиненными, прессой, клиентами, спонсорами... К сожалению, число идеальных пиарменов невелико, чем, в частности, можно и пояснить то ироничное отношение к ОС, о котором говорилось в начале данной статьи. Поэтому чрезвычайно важным для развития управления общественными отношениями является полное описание психологических и других неудач общения и определение методов их преодоления.

Литература

1. **Андреева Г. М.** Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 384 с. 2. **Буакри Ф. А.** Паблик рилейшнз или стратегия доверия / Ф. А. Буакри. – М. : Новости, 2001. – 178 с. 3. **Бибик В. М.** Средства массовой информации посткоммунистической Украины / В. М. Бибик, О. И. Сидоренко. – Киев : МАУП, 1996. – 124 с. 4. **Блек С.** Паблик рилейшнз. Что это такое / С. Блек. – М. : Новости, 1990. – 240 с. 5. **Інформаційна відкритість української влади.** – К. : НІСД, 2002. – 59 с. 6. **Материалы** Круглого стола руководителей ПР-отделов ведущих российских компаний и независимых экспертов, проводимого журналом ИнфоБизнес (Электронная версия). 7. **Это ПР.** Реалии публик рилейшнз : пер. с англ. – М. : Юнити, 2002. – 240 с. 8. **Яковлев С. А.** Коммуникативная стратегия современности / С. А. Яковлев. – Харьков, 2007. – 240 с.

Статтю присвячено розгляду специфіки публік рилейшенз. Описано низку умов ефективного спілкування фахівця із зв'язків з громадськістю.

Ключові слова: відносини заради загального добробуту; дослідження, акція, спілкування, оцінка, психологічність.

Статья посвящена рассмотрению специфики публичных отношений. Описывается ряд условий эффективного общения специалиста по общественным связям.

Ключевые слова: отношения ради всеобщего блага, исследование, акция, общение, оценка, психологичность.

The article highlights the specifics of public relations. The line conditions of effective specialist communication according social bonds.

Keywords: relations for the general good; research; communication; action; evaluation; psychological.

Стаття надійшла до редакції 06.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Будівський П. О.

УДК 811.161.1 '36-112+811.161.1'374

Е. А. Половинко

ИЗУЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ

В последнее время в лингвистических исследованиях по дериватологии отмечается усиленное внимание к проблеме разноаспектного описания словообразовательного гнезда - одной из форм организации словообразовательного материала русского языка. При этом гнезда рассматриваются, как правило, на современном срезе языка, т. е. в плане синхронии, поэтому проблему исторического описания конкретных словообразовательных гнезд можно отнести к таким, которые только ждут своего решения. Проанализировав последние лингвистические исследования и публикации, можно сказать, что диахроническому изучению словообразовательных гнезд уделяется значительно меньше внимания, и причина данного положения вещей видится нам в сложности предмета описания и недостатке документов, лексикографических источников, в полной мере отражающих состояние языка в тот или иной исторический период. При этом основным, по мнению В. Н. Немченко, исходным моментом в изучении вопросов словообразования следует считать исторический, диахронический аспект, без учета которого невозможно синхроническое изучение словообразовательного уровня языка [1]. А. Н. Тихонов высказался по этому поводу следующим образом: «Адекватное описание слова как определенного структурного целого в системе современного языка требует привлечения диахронических данных к синхронному словообразованию» [2, с. 110]. Следует отметить, однако, что диахроническое исследование словообразовательных гнезд, их структуры, путей их развития от древности до современности требует от филолога не только высокой научной квалификации и лингвистической эрудиции, но и умения, а главное, возможности работать со словарями разных типов. Одним из

крупнейших и уникальных лексикографических источников, имеющих принципиальное значение для лингвистических исследований, в том числе и по исторической дериватологии, можно по праву считать «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [3].

Объектом настоящего исследования выбрано словообразовательное гнездо глагола жить, богатое производными и сложное по структуре. Исследование такой единицы не может ограничиваться обращением к этимологическим словарям. Изучение процессов изменения формально-семантического устройства гнезда, исследование специфики развития гнезда с семантически близкими исходными словами, выявление максимально полного состава словообразовательного гнезда на протяжении всего периода его существования требует обращения к лексикографическим источникам, которые представляют слова разных временных периодов и разных сфер употребления.

Цели данной работы: 1) на примере изучения структурно-семантических особенностей словообразовательного гнезда жить в диахроническом аспекте продемонстрировать роль лексикографических источников, относящихся к разным периодам развития лингвистической и лексикографической мысли, и в частности «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, для исследований по словообразованию и лингвистики в целом; 2) представить общий алгоритм исследования словообразовательного гнезда в его эволюционном развитии.

Исходное слово описываемого гнезда – глагол жить – относится к древнейшему пласту русской лексики, восходящему к индоевропейским корням, и имеется почти во всех славянских языках. По происхождению глагол древнее славянское слово, современная его форма восходит к праславянскому **ziti*, из индоевропейского **gueiti* – «жить» с изменением на славянской почве в **gi* в *ж* [4, с. 131]. Индоевропейский корень **gueiǵ-*: **giǵ* иногда распространялся звуком *v* < *u* (*жизвить, живой*) [5, т. 1, с. 304].

На современном этапе развития языка глагол *жить* сохраняет свое первоначальное значение «существовать, быть живым». Но на протяжении по крайней мере десяти веков слово является многозначным. Так, Словарь русского языка XI – XVII вв. фиксирует девять значений глагола жить: 1. Существовать, быть живым // Поддерживать свое существование чем-либо, питаться 2. Жить, обитать, пребывать где-либо. 3. Пребывать в каком-либо состоянии; вести какой-либо образ жизни // Быть в каких-либо отношениях с кем-либо. 4. Находиться, располагаться, быть где-либо, у кого-либо. // Помещаться. // Принадлежать кому-либо, работая на него. 5. Быть кем-либо, заниматься чем-либо. 6. Иметься, быть в наличии. // Водиться. 7. Бывать, случаться, происходить. 8. Проживать совместно (о муже и жене). Находиться в любовной связи. 9. Заживать (о ранах) [6, вып. 5, с. 116].

Обратившись к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, можно проследить некоторые изменения в семантике глагола, а именно: 1) сохраняются значения «существовать, быть живым», «пребывать где, обитать, иметь жилище», «вести род жизни», «есть, бывает, случается», «служить кому»; 2) значение «проживать совместно (о муже и жене)», «находиться в любовной связи» словарь не фиксирует, но о его наличии свидетельствуют примеры, приведенные в статье: *Он живет с нею* «они в связях», *С кем живешь, тем и слывешь*; *Живет не живет, а проживать проживает*, значение «иметься, быть в наличии», а также «заживать (о ранах)» к этому времени уже утратились. При этом развились другие значения: 1) глагол в основном

значении «существовать» стал сочетаться не только со словами, называющими людей и животных, но и приобрел оттеночное значение «расти, не вянуть, не усыхать» (о растении); 2) на основе частного значения к первоначальному, основному «поддерживать свое существование чем-либо, питаться»; 3) развилось значение «содержать себя, добывать пропитание, кормиться». Кроме того, словарь В. И. Даля приводит специфические значения, которыми обладает глагол *жить* в некоторых диалектах. Например, в Архангельской области *жить* выступал синонимом глаголов *не спать, бодрствовать* (*Хозяева не живут* «спят, еще не вставали»), а также глагол могли употреблять в значении «бродить»: *Пиво живет, зажило* [3, т. 1, с. 493].

На основании словарных изысканий мы реконструировали объемное словообразовательное гнездо глагола *жить* в древнерусском языке, установили пути развития словообразовательных цепочек, возникших на базе разных лексико-семантических вариантов этого глагола, который уже в древности был многозначным, проследили изменения семантической структуры глагола, постепенно приведшие к деэтимологизации большого количества производных от него слов. Анализ лексического массива на материале Словаря русского языка XI – XVII веков [6] и Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского [7] позволил выстроить словообразовательное гнездо соответствующего временного периода. В ходе нашего исследования были также привлечены данные исторических и этимологических словарей [4; 5]. Было выявлено 285 лексических единиц, которые функционировали в древнерусском языке и по происхождению являлись производными от глагола *жити*. Проанализировав семантику и грамматические особенности каждого слова, мы выстроили словообразовательное гнездо, представленное 205 словообразовательными цепочками. Объем данной статьи не позволяет продемонстрировать, каким образом, на наш взгляд, выглядело словообразовательное гнездо в древнерусском языке, поэтому мы опишем отдельные цепочки.

Одним из наиболее продуктивных производных глагола *жити* оказалось существительное *жизнь*, образованное в древний период с помощью суффикса *-зн-ь*, указывающего на значение состояния (*ср.: болезнь, боязнь*) [4, с. 131]. В Словаре русского языка XI – XVII веков фиксируются три значения слова: 1. Физиологическое существование всего живого. //Бытие, существование вселенной. //Век человека, жизнь (от рождения до смерти). 2. Образ жизни. 3. Имущество, состояние, совокупность жизненных благ [6, вып. 5, с. 109]. Однако уже в Словаре В. И. Даля последнее значение дается с пометой ‘устаревшее’: «животы, нажитое, пожитки» [3, т. 1, с. 541]. На современном этапе оно утрачено.

В первом значении В. И. Даль разделяет употребление слова *жизнь*: «в обширном смысле» *жизнь* обусловлена только питанием и усвоением пищи, и в этом значении она дана двум царствам природы: животному и растительному; «в тесном смысле» она требует произвольного движения и чувств, принадлежа одним животным; и «в высшем значении», как бытие, она относится к душе или к смерти плоти [Там же]. В словарях современного русского языка эти оттенки фиксируются как отдельные значения.

В первую словообразовательную цепочку со вторым звеном *жизнь* мы включили отсубстантивное прилагательное *жизньный*, образованное с помощью суффикса *-ьн-*, и существительное *жизньникъ* «сотоварищ, близкий человек» [6, вып. 5, с. 109] со значением суффикса *-ик(ь)* «лицо, носитель признака». Кроме того, от прилагательного *жизньный* с помощью суффикса *-ѣ* образовано наречие *жизньнѣ*. Основываясь на данных словарей, можно отметить и другие производные от существительного *жизнь*,

функционировавшие в древнерусском языке. В общем виде данный отрезок исследуемого нами словообразовательного гнезда в древнерусском языке можно, на наш взгляд, представить следующим образом:

жити

жи-зн(ь)
жизн-ьн(ьн)
жизньн-ик-ъ
жизньн--ѣ
жизн(ьн)
жизн-ост-ъ
жизн-ова-ти
жизн-о-дав-ыць
жизн-о-да-тел-ь
жизн-о-начал-ьн-ьн
благ-о-жизн-иј(е)
 благожизн-енн-ьн
добр-о-жизн-иј-е
зъл-о-жизн-иј-е
по-жизн-и-ти

Также реконструированное нами древнерусское словообразовательное гнездо включает цепочки, где вторыми звеньями являются слова житися, животи, жить «жизнь», житье, житие, жительство, житель, жилой, жило, жилець, живомыи, живучки, живущии, живь, живывати, жирь «еда, пастбище», жирь «богатство, довольство», жирь «масляное вещество», жирь «жилье», жито, вжитися, вживати, возжити, выжити, дожити, зажити, зажитися, зажитие, заживьныи, изжита, нажити, нажитися, недожити, ожити, ожитися, обжитися, отжити «прожить полностью», отжити «выжить, выздороветь», отживчивыи, пережити, пожити, прожити.

Для того чтобы дать представление об эволюционном развитии данного гнезда, об изменениях в семантических и словообразовательных связях слов, мы обратились к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, где представлен живой народный язык с его областными видоизменениями, включая лексику письменной и устной речи XIX века, терминологию и фразеологию различных профессий и ремесел. Словарь В. И. Даля позволяет установить пути развития разных звеньев словообразовательного гнезда от древнерусского периода до настоящего времени. Благодаря тому, что данный лексикографический источник составлен по алфавитно-гнездовому принципу, легко раскрываются словообразовательные связи. Хотя ученые и отмечали не раз, что гнездовая система проведена недостаточно аккуратно, но следует признать, что включение автором слов даже собственного производства вместо некоторых заимствований раскрывает потенциал, заложенный в языке, показывает гибкость, выразительность и безграничные словообразовательные возможности русского языка.

В словаре отдельными статьями, кроме самого глагола – мотивирующей основы – *жить*, приведены слова *живой, живот, живучий, жизнь, жила, жилец жир, жирать, жито*, а также такие приставочные производные, как *безживотный, безжильный, заживать, заживлять, зажиливать, зажирать, зажировать, зажиток, пажса, поживать, пожизненный, пожиливать, пожирать*. Количество производных, указанных в каждой из этих статей, превышает количество выявленных нами на материале словарей

предыдущего языкового периода. Только в словарной статье *жизнь* отмечено 19 производных от данного существительного, а именно: *жизненок* (*ярс.*), *жизточка* (*об.*) *милый, любезный, желанный, жалобный, жизнь моя; жизненный* к жизни относящийся, ей служащий, *жизненность* сила жизни в ком или в чем, живые или жизненные силы; *жизнедеятельность* «силы, животворящие плоть, прах, сила орудная, животная и растительная»; *жизнедатель, жизнеподатель, жизнодавец* «кто дает жизнь, животворит», *жизне(о)дательный* животворящий, *жизнеописание* подробный рассказ о жизни какого-либо человека, биография; *жизнеописатель, жизнеписатель* «описывающий чью-либо жизнь, биограф; *жизнеописательный* «содержащий в себе описание жизни или к сему делу относящийся»; *жизно(е)любивый человек* или *жизнолюбец*, кто любит жизнь, боится утратить ее, животолюбивый; кто любит пожить и мирски наслаждаться; *жизно(е)носный, живо(то)носный*. [*Жизнерадостный* «радующийся жизни, весело смотрящий на нее, наслаждающийся ею, -ость радостное, бодрое отношение к жизни, желание и умение замечать лишь светлые стороны жизни и любить ее за них]. *Жизне(о)творный, животворный. Жизнеточный, -точивый, животочный* [3, т. 1, с. 490]. Примечательно, что некоторые единицы приведены сразу в нескольких вариантах – более древних и более современных

Произведенный нами анализ фактического материала позволяет утверждать, что древнерусское словообразовательное гнездо *жити* в ходе исторического развития подверглось существенным изменениям в своей структуре, вызванным как различными языковыми процессами, так и внешними факторами. Из 285 установленных нами в древнерусском языке производных глагола *жити* 157 было утрачено. Все слова, вышедшие из употребления, можно разделить на две группы: архаизмы и историзмы. К первым относятся словоформы, чье место в языке заняли другие лексемы. Это такие слова, как *жить* «жизнь», *живомыи* «обитаемый», *живосьныи* «свирепый», *жизность* «плодородие», *безжителиныи* «незаселенный», *зължитие, зължитие* «злополучие», «несчастье» и пр.

Древнерусское словообразовательное гнездо *жити* содержало многочисленные словообразовательные синонимы, образованные в разное время от одних и тех же основ, но с помощью различных аффиксов. Со временем из каждого ряда абсолютно равнозначных по семантике слов сохранился один из компонентов. Так, из синонимических рядов *житель – жителинь – жительникъ, живописць – жиописатель, житница – житенка, обжитися – ожитися* сохранились в языке только первые слова.

Такие слова, как *жирникъ* «род светильника», *житно* «род алкогольного напитка из зерна», *житовабъ* «тот, кто колдует на зерне», *отжитися* «освободиться от зависимости, живя у кого-либо и работая в хозяйстве», *зажитие* «мелкая административно-территориальная единица в составе отдельных княжеств, земель», являются историзмами, так как вышли из употребления не только наименования, но и обозначаемые ими понятия.

Все остальные производные, которые существуют в языке до настоящего времени, представлены в составе 13 современных словообразовательных гнезд с вершинами *жить, живой, живописать, живот* «часть тела», *живот* «домашнее животное; имущество», *живот* «жизнь», *животное, жила* «кровеносный сосуд», *жилить, жир* «маслянистое вещество», *жир* «карта, не имеющая значения при подсчете очков», *жито, пажить* [8]. Наибольшим по числу компонентов является гнездо с вершиной *жить* – 293 слова. Древнерусские слова составляют небольшую группу компонентов данного словообразовательного гнезда, только некоторые из них дошли

до нашего времени, сохранив первоначальную словообразовательную структуру и семантику: существительные *житель* «тот, кто проживает где-либо; обитатель» [9, т. 4, с. 165], *жилище* «помещение, служащее местом для жилья» [Там же, с. 151], прилагательное *жилой* «предназначенный для жилья; обитаемый» [Там же, с. 154], глаголы *нажить* «постепенно накопить, собрать (какое-нибудь имущество), получить какую-нибудь прибыль» [10, с. 381], *ожить* «стать снова живым», а также в переносном значении «стать полным сил, проявиться в прежней силе» [Там же, с. 448] и некоторые другие. Существительное *жизнь* по-прежнему входит в состав словообразовательного гнезда с вершиной *жить*, сохраняя тесную связь с мотивирующей основой. При этом производных от данного субстантива фиксируется 46.

Таким образом, можно вывести общий алгоритм изучения эволюционного развития словообразовательного гнезда: 1) с помощью этимологических и исторических словарей установить происхождение исходного слова; 2) из словарей, отражающих древнерусский период существования языка, произвести выборку всех возможных производных, исторически мотивированных исходным словом, и на основании тщательного изучения структурно-семантических особенностей каждой единицы построить древнее словообразовательное гнездо; 3) на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля описать специфику соответствующего лексического массива, изменения в семантических и словообразовательных отношениях слов и обрисовать словообразовательный потенциал исследуемой группы слов на данном временном этапе; 4) с опорой на данные толковых и словообразовательных лексикографических источников, отражающих современное состояние языка, представить судьбу всех слов, исторически мотивированных исходной лексической единицей.

Литература

1. Немченко В. Н. Современный русский язык: словообразование / В. Н. Немченко. – М. : Высш. шк., 1984. – 255 с. **2. Тихонов А. Н.** Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка / А. Н. Тихонов. – Самарканд : СамГУ, 1971. – 327 с. **3. Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / совм. ред. В. Даля и И. Бодуэна-де-Куртенэ. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. **4. Цыганенко Г. П.** Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. шк., 1989. – 511 с. **5. Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1991. **6. Словарь русского языка XI – XVIII вв.** Вып. 1 – 17, 20, 22. – М. : Наука, 1975 – 1997. **7. Срезневский И. И.** Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. **8. Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1990. **9. Словарь современного русского литературного языка** : в 17 т. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1948 – 1965. **10. Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.

Вивчаються структурно-семантичні особливості словотвірного гнізда з вершиною жити в діяхронічному аспекті. На прикладі опису еволюційного розвитку конкретного словотвірного гнізда від часів давньоруської мови до сьогодення демонструється роль «Тлумачного словника живої великоруської мови» В. І. Даля у

здійсненні таких досліджень. Словник В. І. Даля не лише відбиває реальний стан словотвірної системи першої половини XIX століття, він фіксує зміни, що відбулися після розпаду давньоруської мови та розкриває словотвірний потенціал російської мовної системи.

Ключові слова: синхронія та діахронія, історична дериватологія, лексикографічне джерело, словотвірне гніздо, похідне слово, мотивуюча основа.

Изучаются структурно-семантические особенности словообразовательного гнезда с вершиной жить в диахроническом аспекте. На примере описания эволюционного развития конкретного словообразовательного гнезда со времен древнерусского языка до настоящего времени демонстрируется роль «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля в осуществлении подобных исследований. Словарь В. И. Даля не просто отражает реальное состояние словообразовательной системы первой половины XIX века, он фиксирует изменения, произошедшие после распада древнерусского языка и раскрывает словообразовательный потенциал русской языковой системы.

Ключевые слова: синхрония и диахрония, историческая дериватология лексикографический источник, словообразовательное гнездо, производное слово, мотивирующая основа.

Structural and semantic particularities of word-formative family with the verb to live on the top at a diachronic aspect are studied. Using example of evolutionary development description of a concrete word-formative family since the Old Russian language up to date, the role of «Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language» of Vladimir Dal for realization of such examinations is demonstrated. Dal's dictionary does not only reflect the real state of word-formative system of the first half of XIX century, but it registers changes those were taking place after the breakup of Old Russian language and discovers the word-formative potential of Russian language system.

Keywords: synchronism and diachrony, historical word formation, lexicographical source, word-formative family, derivative, base motivate.

Стаття надійшла до редакції 13.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Петренко О. Д.

УДК 81'374

Н. Н. Свиридова

СВОЕОБРАЗИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Современный этап развития лексикографии можно определить как этап теоретической перспективы, на котором ставятся вопросы о разработке принципиально новых типов словарей. Перспективным направлением в лексикографии является разработка антропоцентрической лексикографии, основы

которой были заложены еще В. И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка». По мнению В. В. Морковкина главная задача антропоцентрических словарей – помочь человеку, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, а во-вторых, в эффективном использовании этого языка [1, с. 132]. В. И. Даль на стихийно-эмпирическом уровне доказал, что антропоцентрический подход к языку требует привлечения разнотипных языковых единиц, которые будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определенные аспекты картины мира или знаний о мире. В настоящее время антропоцентрические словари нацелены на лексикографическое описание слов с учетом проявлений их антропоцентричности как элементов языковой картины мира отражающей особенности национального менталитета национальной культуры, истории и традиций.

Т. И. Вендина считает, что Словарь В. И. Даля можно с полным основанием назвать первым словарем концептов русской культуры, поскольку этот Словарь позволяет читателю проникнуть в тайны «народного духа», мироощущения и мировидения [2, с. 20]. Это достижение В. И. Даля особенно актуально сейчас в рамках антропоцентрического направления, ибо словари рассматриваются как такой же продукт культуры, как и уровень производственных отношений в обществе, развитие философской, политической, религиозной, научно-технической мысли этноса – носителя описываемого в словаре языка Уровень лексикографической практики в той или иной культуре в определенном смысле является показателем уровня ее развитости. В то же время словарь сам предстаёт произведением культуры, достижением науки данного общества в определённый период исторического развития. Хороший словарь входит в историю народа как создание человеческого духа подобно произведениям изобразительного искусства или музыки.

Словарное описание языка с позиций антропоцентрического подхода требует расширения семантики языковых единиц за счет национально-культурных интерпретаций и ассоциаций. Из вышесказанного следует, что в антропоцентрическом словаре особое внимание уделяется раскрытию национально-культурной семантики языковых единиц, которая позволяет проникнуть в культуру носителей языка, а также в фоновые знания, обязательно присутствующие в их сознании.

Интерес к отражению в словарях таких особенностей языковых явлений, в которых достаточно явно выражен национально-культурный компонент и которые, соответственно, способствуют формированию культурно-языковой компетенции пользователя, обусловил тот факт, что в антропоцентрической лексикографии оформилось новое направление – лингвокультурная лексикография (термин В. А. Масловой), занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей [3, с. 28], а в последние годы и лингвокультурологических словарей. В рамках лингвокультурной лексикографии исследуется национально-культурная составляющая семантики языковых единиц; выявляются «зоны» языка, в наибольшей степени насыщенные культурной информацией и, следовательно, чаще всего провоцирующие неудачи при межкультурной коммуникации; разрабатываются конкретные лингводидактические приемы презентации культурно значимой информации.

Теоретическая и практическая основа составления лингвострановедческих словарей была заложена несколько ранее смежной с лингвокультурологией дисциплиной, своего рода ее «предшественницей» – лингвострановедением. Лингвострановедческий словарь включает в себя, прежде всего, лексику с

национально-культурной семантикой – *реалии* (названия присущих только данному народу предметов материальной и духовной культуры) и *имена собственные* (ИС). Важнейшую часть лингвострановедческого описания языковой единицы составляют ассоциации, представленные в языковом сознании носителя языка и культуры.

По мнению Г. Д. Томахина, лингвострановедческий словарь – это не просто симбиоз обычного двуязычного словаря и энциклопедического справочника. Он ставит своей целью дать дополнительную смысловую нагрузку языковым обозначениям реалий страны, являющейся объектом изучения культуры в широком смысле, в том числе и среды существования народа-носителя, его нравов, обычаев, культурно-исторических традиций, особенностей мировосприятия [4, с. 6].

Основная задача лингвострановедческого словаря – раскрыть национально-культурную семантику слова описать его лексический фон, т. е. дать словарное отражение всего комплекса сведений сопряженных с этим словом в массовом быденном сознании и, как правило, неизвестных за пределами данной культуры.

Лингвокультурологические словари в свою очередь включают в себя лексику, которая характеризуется высокой степенью экспрессивности и оценочное – культурными коннотациями, отражающими духовно-нравственные ценности, практический, бытовой жизненный опыт народа. Кроме того, значительную часть лексикографического описания в лингвокультурологических словарях составляют *прецедентные феномены*, под которыми мы вслед за Ю. Н. Карауловым понимаем феномены, хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; актуальные в познавательном и эмоциональном плане; обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [5, с. 216].

За прецедентным феноменом, к которым относятся прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя, всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все аппеляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными.

Мы придерживаемся мнения Т. В. Евсюковой, которая видит задачу лингвокультурной лексикографии в том, чтобы определить принципы формирования лингвокультурологического словаря, статус в лингвокультуре лексики, его составляющей, зависимость разнообразных характеристик словаря от типа культуры, понять, в какой степени словарь способен служить характерологией культуры того или иного типа и т. д. [6, с. 6].

Лексикон лингвокультурологического словаря есть непосредственное выражение языковой картины мира, которая является определенной характерологией культуры в аспекте языка. Характерологическое описание в принципе есть некоторая феноменология. В приложении к языковой картине мира феноменологический взгляд предполагает, что мы смотрим на некоторый язык, как на совокупность общеязыковых и специфических черт, и акцентируем наше внимание на специфических чертах, что и дает в результате характерологическое описание языка.

Поскольку лингвокультурологический словарь рассматривается как часть языковой картины мира, получаемой в характерологическом описании языка, то и описание данного словаря является характерологическим. Памятуя о том, что язык есть важнейшее средство концептуализации реальности, авторы включают в

лингвокультурологический словарь лексику, которая выражает важнейшие концепты, с помощью которых язык «вырисовывает» свойственную только ему картину мира. Иначе говоря, лексика составляющая лингвокультурологический словарь, – это лексика посредством которой осуществляется культурно обусловленная концептуализация реальности, что и будет характерологией культуры того и иного типа. Таким образом, характерологическое описание лингвокультурологического словаря оказывается и характерологией культуры в широком смысле.

Следовательно, современные лингвокультурологические словари нацелены охватить своим описанием лексические единицы, которые содержат в своей семантике культурные коннотации, отражающие различные фрагменты национальной языковой картины мира.

Главное отличие лингвокультурологического подхода от страноведчески ориентированных описаний состоит в том, что последние ставят своей целью описать реалии, которые являются специфическими для той или иной национально-культурной общности, а также выявить репертуар тех единиц, которые восходят к собственно национальным фактам материальной, социальной или духовной культуры. Другими словами, лингвострановедческие концепции ориентированы скорее на исторический план фонового знания, нежели на синхронно-функциональное воплощение культурной «доли значения» в языковую сущность. Лингвокультурологический же анализ заключен в извлечении из образа не только его культурной значимости, но тех представлений и ассоциаций, которые актуальны для современных носителей национальной культуры, которые всплывают в их сознании при обращении к образу и к которым они апеллируют в своей речи. Одно из основных отличий лингвокультурологического словаря от лингвострановедческого состоит в том, что данный тип словаря рассматривается как словарь фиксирующего типа, т. е. в нем описывается не то, что «следует знать», а то, что реально «знает» практически любой социализированный представитель той или иной лингвокультуры. И при этом составители лингвокультурологического словаря не ставят перед собой конкретных воспитательных задач. Таким образом, лингвокультурологический словарь призван выполнять фиксирующую и ориентирующую функцию, в то время как лингвострановедческие словари могут быть названы словарями нормативного типа, которые выполняют при этом социально-регулятивную функцию. Лингвострановедческий словарь ставит своей целью научить читателя правильно понимать реалии, используемые в художественной, публицистической, научной литературе, в языке средств массовой информации и непосредственно живой речи.

Следует отметить, что ономастическая, в частности антропонимическая, лексика, как правило, присутствует в лингвострановедческих словарях - чаще всего в них включаются так называемые «имена-реалии» (известные имена), которые наделены национально-культурной спецификой и противопоставляются остальным ИС-антропонимам. В лингвокультурологические же словари включают прецедентные имена, связанные с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенным качеств, способное регулярно употребляться коннотативно.

Все прецедентные имена характеризуются наличием общенационального инвариантного представления, стоящего за каждым именем. Из всего множества часто весьма противоречивых характеристик, присущих той реалии, на которую указывает прецедентное имя, вычленяется очень ограниченный набор, который и заключается в

инвариантном восприятии прецедентного имени. Иными словами, для прецедентного имени характерна антиномичность общенационального и личного представлений.

Специфика коннотативного употребления прецедентного имени обусловлена прежде всего структурой стоящей за этим именем национально детерминированного минимизированного представления, которое находит свое отражение в инвариантном восприятии прецедентного имени, а не энциклопедической информацией о носителе имени. Данное положение обусловило и специфику лексикографического описания прецедентных имен. Авторы лингвокультурологических словарей стремятся не к описанию некоторой «вещи», которая относится к экстралингвистической реальности и не может быть в полном объеме, исчерпывающе отражена языком, но к описанию определенной ментальной структуры, находящей полное выражение в слове, которое ее именуется.

Традиционно принято считать, в том числе и авторами лингвокультурологических словарей (И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков), что особенностью семантики прецедентных имен в отличие от других ИС является то, что эти имена обладают не только детонацией, но и сигнификацией и коннотацией. Понятийность прецедентных имен позволяет им регулярно употребляться для характеристики того или иного лица, приписывая ему определенный комплекс качеств. Характеризация, осуществляемая с помощью прецедентного имени, практически всегда отличается ярко выраженными аксиологичностью и экспрессивностью.

Согласно данному подходу к семантике ИС национально-культурная специфика наиболее активно проявляется только в ИС с ярко выраженной коннотацией. ИС, в частности ИС-антропонимы, обогащенные всевозможными дополнительными коннотациями эмоционально-экспрессивного плана, как правило, противопоставляются всем остальным ИС и образуют особый разряд коннотативных ИС. Данный факт не мог не оказать влияние на лексикографию. Это объясняется тем, ИС в отдельности являются надежным хранилищем истории, мысли и культуры народа, а собранные вместе и сведенные в словаре определенного типа, превращаются в единый метатекст, способный дать информацию, которую иным способом не получить. Лексикография представляет ИС в совокупности всех их свойств, поэтому словарь оказывается уникальным и незаменимым пособием по ИС, но и важнейшим инструментом научных исследований. В подтверждение данной точки зрения уместно вспомнить слова В. Э. Сталтмане о том, что массивы ИС-антропонимов, «инкорпорированные в словари, интересны и нужны для специалистов, работающих в области ономастики, так как без них не могут быть изучены отдельные классы онимов с их спецификой. Ономастические словари — наиболее удобная и наглядная форма систематизации ономастического материала — необходимы также для теоретической ономастики» [7, с. 155].

Несмотря на то, что число ИС, имеющих различные коннотации и ассоциативно-образное значение/метафорическое значение, относительно невелико, при этом они являются важнейшим языковым источником информации о духовной культуре, т. е. обладают большим культурно-историческим потенциалом. В результате этого создаются словари коннотативных ИС, которые представляют собой собрание ИС-топонимов, антропонимов, хронимов, эргонимов и др. онимов, развивших референтные созначения, органично слившиеся с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана. Также предпринимаются попытки лексикографического

описания ЛИ в составе пословиц, поговорок, фразеологических единиц и художественных текстов (см., напр., Катермина В. В. «Опыт коннотативного словаря русских и английских ЛИ», 1999). Данные лексикографические источники нацелены на раскрытие общеязыковых и культурно-психологических коннотаций ИС в сознании народа (фоновые знания, культурный контекст). При этом в данных работах представлен абсолютно разный подход и взгляд к изучению коннотативных ИС.

Мы придерживаемся мнения о том, что национально-культурная специфика свойственна не только коннотативным ИС. Поскольку мы понимаем коннотацию в широком смысле, то ИС-антропонимы в обиходно-бытовом употреблении также могут приобретать коннотативное значение, которое проявляется в эмоционально-экспрессивной, оценочной или стилистической окраске. Следовательно, не только словари коннотативных ИС, но и антропонимические словари в целом (словари личных имен и фамилий) представляют собой огромный интерес с позиций заложенного в них национально-культурного потенциала. Антропонимические словари систематизируют наши знания о мире и языке. ИС-антропонимы, как уже отмечалось ранее, почти безоговорочно относятся к так называемой фоновой лексике. Соответственно, в антропонимах, зафиксированных в словарях, находят воплощение определенные фрагменты языковой картины мира и уровни языковой системы. Антропонимический словарь, как и словарь другого типа, обязательно отражает философию эпохи, менталитет, совокупность этических представлений народа

В нашем исследовании мы опираемся на точку зрения В. В. Дубичинского, который в своей типологии существующих словарей поставил ономастические (в частности антропонимические) словари на первое место с точки зрения культурного потенциала заложенного в них, тем самым, оттеснив на второе место лингвострановедческие словари, словари безэквивалентной лексики.

Таким образом, одной из основных задач авторов и составителей антропонимических словарей становится не только собственно лингвистическая характеристика ИС-антропонима, но и включение в словарную статью (как в эксплицитной, так и в скрытой, имплицитной форме) максимального количества разнообразных энциклопедических сведений о подаваемом ИС-антропониме. Необходимо обратить внимание на то, что антропонимические словари очень разнообразны по характеру, по структуре словарной статьи и набору ее компонентов. В словарях разных национальных культур преобладают разные аспекты освещения. В связи с этим словари можно поделить на структурные, в которых основной акцент делается на этимологию, исторические элементы языка, и функциональные, в которых освещаются разнообразные трансформации имени в процессе функционирования. Следовательно, перспективным представляется рассмотрение того, как реализуются принципы лингвокультурной лексикографии в антропонимических словарях разных типов.

Литература

1. Морковкин В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию / В. В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 131 – 136. **2. Вендина Т. И.** В. И. Даль: взгляд из настоящего / Т. И. Вендина // Вопр. языкознания. – 2001. – № 3. – С. 13 – 21. **3. Маслова В. А.** Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 208 с. **4. Томахин Г. Д.**

США : Лингвострановедческий словарь / Г. Д. Томахин. – М. : Рус. яз., 1999. – 576 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с. **6. Евсюкова Т. В.** Словарь культуры как проблема лингвокультурологии / Т. В. Евсюкова. – Ростов-н/Д. : Рост. гос. эконом. ун-т (РИНХ), 2001. – 256 с.
7. Сталтмане В. Э. К вопросу о специфике ономастических словарей / В. Э. Сталтмане // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Наука 1988. – С. 154 – 159.

У статті проаналізовано особливості лінгвокультурологічних словників порівняно з лінгвокраїнознавчими, також розглядаються цілі та завдання лінгвокультурної лексикографії. Особливу увагу приділено ролі аніропонімічної лексики в лінгвокультурологічних і лінгвокраїнознавчих словниках. З'ясовано принципи лексикографічного описання ІВ-антропонімів з позицій їхньої національно-культурної своєрідності.

Ключові слова: лінгвокультурна лексикографія, антропоцентричний підхід, конотація, антропонімічний словник, прецеденте ім'я.

В статье анализируются особенности лингвокультурологических словарей по сравнению с лингвострановедческими, также рассматриваются цели и задачи лингвокультурной лексикографии. Особое внимание уделяется роли антропонимической лексики в лингвокультурологических и лингвострановедческих словарях. Определяются принципы лексикографического описания ИС-антропонимов с позиций их национально-культурного своеобразия.

Ключевые слова: лингвокультурная лексикография, антропоцентрический подход, коннотация, антропонимический словарь, прецедентное имя.

The article is devoted to the peculiarities of linguistic-cultural dictionaries in comparison with linguistic-regional ones, the aims and objectives of linguistic-cultural lexicography are also considered. A great attention is paid to the role of anthroponyms in linguistic-cultural and linguistic-regional dictionaries. The principles of lexicographical description of anthroponyms are defined according to their national and cultural characteristics.

Keywords: linguistic-cultural lexicography, anthropo-centered approach, connotation, anthroponomical dictionary, precedent name.

Стаття надійшла до редакції 10.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Рудницька Н.Н.

Т. В. Старецкий

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ

Владимир Даль использовал своё литературное творчество в качестве средства для передачи языковедческих, этнографических, философских и других наблюдений. Художественный мир писателя наполнен картинками из русской жизни, которая отражается в самых разных формах. Это социальные отношения, выраженные посредством драмы, и психологическая эволюция героя, и философское осмысление естественных явлений. Как лексикограф писатель использует речь своих героев и повествователя, всячески иллюстрируя «живость» русского языка, используя её для обучения, развития, развлечения читателя.

Литературное творчество В. Даля в настоящее время изучается разносторонне. Т. Г. Леонова, И. П. Лупанова, К. Г. Тарасов, Н. Л. Юган и др. исследуют сказочный материал с выделением жанровой специфики произведений. М. М. Радецкая, С. И. Равикович, Ю. М. Акутин освещают идейно-нравственную и психологическую стороны повестей. Помимо этого, ряд литературоведов (М. Я. Бессараб, В. А. Парсиева, В. И. Порудоминский, Ю. П. Фесенко, С. В. Путилина, А. В. Морозова, Н. Л. Юган) отмечают плотную связь литературного творчества писателя и собранного им лексико-этнографического материала. Говоря о языковых средствах художественного изображения в произведениях В. Даля, следует отметить особенность их использования в качестве создания комизма повествования.

Языковые средства комизма применяются писателем, начиная с его раннего творчества (1820-е гг.). Смеховой пафос сказок («Об Иване молодом сержанте», «О Емеле-дурачке» и др.), повестей («Бедовик», «Похождения Виольдамура» и др.), рассказов и очерков составляют комизм речи персонажа, авторской речи, языковые метаморфозы в виде макаронизмов, слов-перевёртышей, а также особенности российских наречий и произношения с акцентом. Частота использования указанных средств даёт возможность выделить их на фоне общей картины художественного смеха в творчестве автора и определить цель статьи: определить и охарактеризовать языковые средства комизма в творчестве В. Даля.

В сказочных произведениях 1830-х гг. писатель прибегает к фольклорным и литературным средствам для осмеяния властей в лице их представителей. Помимо обличающего сарказма В. Даль использует приём базарных артистов, описанный П. Богатырёвым [1, с. 466], – вкрапление иноязычной лексики в макароничной форме: «Нет вам пардону!» [2, т. IX, с. 23]. А также – паронимии: губернатор в «валентиновом халате, с парламентёром на шее, <...> выскочил из терема своего в три аванжа (этажа. – Т. С.) на балахон (балкон. – Т. С.) и старался усмотреть в подозрительную (подзорную. – Т. С.) трубу подступающего неприятеля» [Там же, с. 11]. Так, искажение внешней формы слов, увязываясь с образом персонажа, неизменно ведёт к искажению восприятия объекта описания, чем доводит представление о нём до гротескного уровня. В сказке «О Рогволоде и Могучане» используется намеренная ошибка в слове из чужого языка на манер просторечия: «фалетор» вместо «форрейтер» с последующей сноской на правильный вариант слова с оговоркой. Комический эффект в данном случае достигается посредством использования внетекстового пространства

Д. Лихачёв, исследуя тему русского скоморошества, отмечает, что «балагур <...> даёт неверную этимологию или неуместно подчеркивает этимологическое значение слова» [3, с. 21], что придаёт повествованию характерный комически искажённый оттенок. В конце сказки «Емеля-дурачок» автор предлагает своего рода послесловие, в котором в речи сказочника звучит слово «растарация», вместо «ресторация» [2, т. IX, с. 163] (позже в рассказе «Полукаменный дом» (1848) автор употребит слово «растирация», таким способом издеваясь над «чужесловом»).

В повестях В. Даля языковой комизм находит своё продолжение. Например, в этнографической повести «Бикей и Мауляна» (1836), описывая феномен видений, являющихся путникам в пустынях, автор называет разные варианты слова: «<...> у Арабов *сараб*, у Кайсаков *мунар*, у Французов и Русских *мираж*, а у, извините, – простолюдина, *марево*» [Там же, т. VII, с. 288]. Ироническое увязывание неграмотного простолюдина с родным языком – сатира на светскую русскую речь, избыточную «чужесловами» как данью моде на европейский образ жизни.

В повести «Бедовик» (1839) речь повествователя прерывается на размышления: «<...> вновь приезжая барыня, или как её называют, дама, а почему бы не краля?» [4, с. 23]. Иронизируя по поводу заискивания людьми перед вышестоящими по чину, автор подчёркивает простоту, с которой он смотрит на подобного рода явления – строгость названия социального статуса, поставленного в один смысловой ряд с простоватым пониманием слова «дама», подвергается таким способом сомнению. «Краля» в Словаре Даля толкуется как слово, шуточно используемое для названия игральных карт. Краль и краля – «король и королева» [5, т. II, с. 184]. Некоторые слова в речи другого героя – Горюнова относятся к юмористическому средству передачи образа. На вопрос, где он взял эти билеты, Корней переспрашивает: «Которы? Эвти?» В данном случае автор не прибегает к коверканью языка, а передаёт некоторые особенности простонародного говора. На примере виденного протокола В. Даль смеётся над неспособностью построения мысли. «Такой-то противозаконно застрелился, от чего ему от неизвестных причин приключилась смерть <...>» [4, с. 30]. Автор, перечисляя выдержки из документов, делает это без доли удивления, иронизируя лишь по поводу частоты возникновения подобного. «Такой-то, едучи на телеге по косоугору, при излишнем употреблении горячих напитков, спотыкнулся и от нескромности лошади был разбит»; что «такой-то, от тяжких побоев, не видя глазами зрения, впал в беспамятство»; что «в таком-то уезде, статистических сведений не оказалось никаких, о чём и имеет счастье всепочтительнейше донести» – и прочая, и прочая, и прочая <...>» [Там же]. Приводя отрывки из документов, автор смеётся над глупостью и невежеством, развлекая читателя вычурностью синтаксиса.

Комизм речи, основанный на её безграмотном употреблении, использовался В. Далем и ранее. В комедийной пьесе «Медведь в маскараде» (1822) изображены представители высших слоёв общественной пирамиды, язык общения которых создаёт эффект юмористического комизма по причине его несоответствия литературным нормам. Речь членов семьи отставного полковника избыточна искажённой лексикой. Например, обращение жены полковника приёмному сыну, как к «Андрюшиньке», слова самого Андрюши: «О, нет, это не годится ни куда» [6, с. 453]; «Тут всякая прозба – потерянные слова» [Там же, с. 461], а также: «Что такой?» [Там же, с. 466]. Хладовского, зятя полковника, называют «филозофом», при том что он сам произносит это слово подобным образом: «Я всегда старался вести себя, так сказать, как следует истинному филозофу – человеку вникнувшему, разобравшему,

анализировавшему» [Там же, с. 469]. Все герои произносят слово «маскарад» как «маскерад».

В повести «Похождения Виольдамура» (1844) на примере речи Иван Иваныча писатель изображает возможности человеческой безграмотности и представляет её в комическом свете. Речь сатирического героя, помимо того, что несвязна, наполнена бессмысленным употреблением слова «суть». «Акулина Петровна! случай был у нас, матушка, вот таки сущая суть: иду я, то есть, от перевозу, так вот, под забором: хотел по делишкам проведать: а уж маленько смеркалось, признаться, – вдруг, матушка, фырк из-под ног собака; таки вот собака, да и полно. Я гляжу, что за притча! откуда ей взяться тут – собака не суть важность, да взяться ей неоткуда, таки ей Богу неоткуда – гляжу вот – шмыг только из-под ног, и нет её. Я перекрестился, думаю: Ах ты, Господи! – тут ещё человек случился, прохожий какой-то: видно из ливрейных должен быть, – и он тоже смотрит на меня, глядит, и я говорю ему: ведь оборотень? Оборотень, говорит. Ах ты, Создатель, подумаешь... оборотень и есть, ей Богу, матушка, оборотень; вот что!» [7, с. 78 – 79]. Автор, как бы играя с лексикой этого персонажа, говорит о нём в его стиле речи. Например, ничто при работе не могло заставить его потерять из виду «самую суть». А если дело, по его мнению, решалось не по справедливости или без «наружной законности», то говорил: «Экие, подумаешь, смелые на свете люди суть – даже не то что Бога, а никого не боятся!» [Там же, с. 75].

Насмешка над заимствованиями звучит из уст Акулины – няньки Христиана: слово «департаментские» в её исполнении произносится как «липартаментские» [Там же, с. 69]. В рассказе «Нянина молодость», изданном в 1874 г., речь героини-простолюдинки изображает такое же незнание неологизма Рассказывая об Отечественной войне 1812 г., она говорит: «<...> слышно-де, что француз поблизости миродерничает <...>» [8].

В физиологию «Уральский казак» (1841) писатель также внедряет свои языковедческие наблюдения. «Побуждение природы, которое мы, не зная по-русски, взяли из словаря иностранного и назвали инстинктом, слово, впрочем, очень приятное – Маркиан Проклятое, не зная ни по-французски, ни по-немецки, называет *побудкой*. Ему это простительно» [4, с. 105]. Подобная форма авторской иронии уже неоднократно наблюдается в его произведениях. «Прощая» казаку простоту речи, писатель не первый раз указывает на надуманную «сложность» формирующегося литературного языка и на его носителей.

Развивая тему невежественного искажения русской лексики в своём литературном творчестве, писатель излагает мысли по этому поводу в научных статьях («Русский язык», «Полтора слова о нынешнем русском языке», «Недовесок к статье «Полтора слова ...»). В русской литературе, начиная с XVIII в. («Бригадир» Д. Фонвизина, «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Похождения Столбикова...» Г. Квитки, «День опричника» В. Сорокина и др.), также можно часто встретить недоумение и иронию автора по поводу бессмысленности использования искажённой иноязычной лексики вместо родной.

В физиологии «Чухонцы в Питере» (1841), подчёркивая несостоятельность отличить некоторые северные народности от поволжских, а также выделить среди них русских по внешним признакам, В. Даль приводит характерные особенности говора, которые всё ещё служат знаком отличия: «Там, где народ говорит: «это такая благая путь» [9]. Автор физиологии в целях построения комизма использует речевые особенности народов России. «Слабосильные чуваша и черемисы весьма охотно называют себя русскими, принимают русскую стрижку и носят рубашку по русскому обычаю, сознаваясь, однако же, в унижении своём, что из них вышел доселе только «дрянная русская человека, но авось, Бог даст, выйдет и

матёрая» [Там же]. Помимо грамматического несоответствия, слово «авось» на устах «нерусского» звучит вычурно, что дополняет юмористический оттенок речи.

В физиологии «Находчивое поколение» (1843) В. Даль обращается к комизму речи повествователя. В данном случае простонародное слово граничит с иронией: «Два дня спустя наш Петитом сидел уже в огромной бричке, среди мадамы, двух девок и пятерых детей, расстилался в любезностях, смешил и увеселял всех <...>» [10, с. 280]. А позже, Петитом, узнав «<...> от мадамы, что в Петербурге учителей много» [Там же, с. 282]. Образ Петитома раскрывается также посредством его речи. «Один маленький собачка с великий злость / Грыз кость / Маленький собачка отвечал: / Мне хозяин давал. Нравоучение: Следовательно, ничего не должно делать без позволения <...>» [Там же, с. 287]. Речь персонажа комична по причине нарушения русской грамматики, а также на семантическом уровне, который показывает несравнимость европейского и российского юмора

Например, в комедийной пьесе «Невеста в мешке, или Билет в Казань» (1821), где речь татарина Хамета, денщика, искажена акцентом: «Я, сударынь, кадил бул на ричка, тут сгритл мне какуй-то барин с ружьям, он утдал мне, сударынь письма, не приказал никаму сказыть» [7, с. 421]. Речь евреев Лейбы и Рахель также искажена, но уже по принципу смешения наречий: «Мине було треба самому. – Бери и с его пятак, вино тоби ничего не заплатило <...>. А цо, Лейба, чи ты продау свои платки» [Там же, с. 427]». Комизм речи еврея Ицьки в авторской сказке «Про жида и цыгана» (1835) также заключается в смешении нескольких языков и наречий.

В произведениях, вошедших в цикл «Картины из русского быта», также встречаем смех, основанный на языковых средствах.

В сатирическом очерке «О котях и козле» (1839) в речь «кота» вносится словосочетание: «Что дело, то дело, и это *суть резонт*» [11, с. 255]. Автор посредством языкового комизма осмеивает речь русской аристократии, бездумно употребляющей чужие слова («резонт» – слово, употреблённое ни по-русски, ни по-французски), не различая правил родного языка (вспомогательный глагол «суть» употребляется только с существительными во множественном числе и является тождесловом глагола «быть», например, «жили-были (суть) старик со старухой»), Даль наделяет героев «картин» нарочито искажённой речью, народными говорами, которые звучат смешно в силу художественности и простого несоответствия литературным нормам языка. Например, в рассказе «Фокусник» (1857) речь повествователя содержит некоторые детали, которые звучат вычурно. «Мы вошли в первую комнату этой половины: палевые, шелковые обои, с белыми разводами; мебель ореховая, резная, новейшего вкуса» [12]. Очерк «Бесчестье» (1857), помимо главной темы (особенности процесса сватовства), служит средством представления вниманию русских наречий. Например, сосватав дочь, отец говорит: «Ну, дощынька, <...> рядись, женишок есть, <...> ладно, что ли?» – «Цаво ладно?» [11, с. 92]. Прямая речь персонажей далее в рассказе передаётся без изменения («А по что не хошь?»; «запимсы», «вместо запивши», то есть, закрепив уговор застольем), авторская речь для передачи территориальной атмосферы также содержит те же простонародные слова. Например, «<... > кто из своих был туту», «<... > объявив ещё раз, что дощынька нейдёт <...>», «цегвертачок» [Там же, с. 95]. Несмотря на то, что авторское объяснение об особенностях произношения следует сразу за первыми словами этого говора, комичность такой речи основывается на несоответствии литературным нормам языка в рамках звукового строя. Так как в этом стиле написан весь рассказ, то это наделяет реалистическое произведение юмористическим элементом, основанном на несоответствии звуков, что указывает в сторону забавного изображения, а не уродливого. В свою очередь в творчестве В. Даля есть вещи («Савелий Граб ...», «Уральский казак», «Говор», «Колдунья», «Прадедовские ветлы»), которые

призваны именно передать особенности говора, а не рассмешить посредством их. В последнем рассказе наряду с изображением особенностей территориального наречия приводятся примеры разговорного языка «Бачка» вместо батюшка, «баушка» вместо бабушка. Опускание букв создаёт эффект комизма речи, давая визуальное и звуковое представление о произношении такого рода слов. В очерке «Греки» (1861) писатель предлагает особенности говора русских греков, которых часто можно встретить на черноморском побережье. «Мы греки, цесны целовеки, купили рыбы для мы, а он скусал для я» [13]. А также: «ветер не ветрил, мельница не мелил; а сколько есть мука и пшеница, – смотри, пожалуйста, на старый рапорт» [Там же].

Следует учесть, что подобные искажения языка писатель вводит в текст без изменения и вымысла, так как цель здесь не юмор, а передача особенностей акцента. При этом смех – неотъемлем, так как при несоответствии норм говорения и произношения возникает комизм речи.

В рассказе «Адмирал Крон», вошедшем в сборник «Матросские досуги», писатель использует речь как средство для создания юмористической детали в образе героя, который, будучи недовольным чем-либо, говаривал: «Какой это караб! Это стыдно для видно; какой это матрос – кажни человек ничего не знает; это карашо для ничево!» [14, с. 99]. Комизм речи в данном случае основывается на вычурности постановки предложения, на особенностях произношения, переданных посредством «знаменательных» фраз Крона.

В бытовой новелле «Борона» из цикла «Два сорока бывальщинок для крестьян» смеховой пафос включает в себя комизм положения, а также комизм речи персонажей. Их разговор состоит из нескольких повторяющихся фраз, мало чем отличающихся одна от другой. Действие происходит в крестьянской избе, муж делает борону, жена «сидит за куделькой». «Так что ли хозяйка?» – спросил он. – Сам ты знаешь, что так, отвечала она «Так-то так <.,>, да вон-то как» [15]. Сделав борону, «<...> ещё раз пяток приставал к хозяйке, что так ли, да вон-то как будет! А она ему всё то же» [Там же]. В итоге оказалось, что борона не может быть вынесена из дома, а хозяйка, по словам мужа, виновата в том, что отвечала на вопрос неосознанно. На недоумение жены хозяин отвечает: «Нет, врёшь; я тебе и толковал: так-то так, да вон-то как? – а ты всё знай своё: «коли тут так, то и вон так <...>» [Там же]. После этого объяснения хозяйка, по словам автора, понимает, в чём она ошиблась. Комизм речи выражен в максимальной смысловой нагруженности одних и тех же слов. Истинный диалог персонажей происходит не вслух, а на уровне их понимания друг друга. Даже при объяснении «тонкостей» сказанного супруги прибегают к минимальному привлечению слов, отличных от уже произнесённых.

Традиционный для далевского творчества языковой комизм в произведениях нижегородского периода встречается реже (несколько случаев использования). В книгах для народного чтения – эти средства (ирония по поводу заимствований, нарочито упрощённая речь персонажа, несоответствие литературным нормам) сведены до минимума, с целью передачи особенностей образа.

В. Даль как этнолингвист и лингвокультуролог «чувствует» слово, «видит» его, предлагая читателю всевозможные видоизменения лексической единицы. В процессе авторской словесной «игры» возникает эффект комизма, основанного на несоответствии литературным нормам произношения, правописания, синтаксиса. Писатель использует комизм речи одновременно для увеселения и ознакомления с особенностями говора. Сатирический смех над бездумным использованием «чужесловов», над безграмотностью и вычурностью речи создаётся посредством наделения персонажа или повествователя словарным запасом, отражающим эти явления в обиходе. В сказочных произведениях – это скоморох, злорадствующий и потешающийся над бичуемыми типажам с помощью нарочито искажённой лексики, в очерках, рассказах и повестях – это выходцы из простонародья, в силу собственной

«необразованности» произносящие слова-заимствования с ошибками, которые автор им прощает. Также это может быть авторская оговорка с оттенком иронии по поводу использования русского слова, вместо иноязычного. Безграмотная, нагружённая лишними словами речь персонажа служит средством сатиры на чиновника и средством развлечения одновременно.

Элементы говора или наречия дополняют портрет местности из глубин России, одновременно привнося юмористический оттенок в повествование или образ. Речь иностранцев также можно отнести к дополняющему портрет элементу, смешавшему своей одновременной чопорностью и нелепостью.

В целом можно выделить далевский комизм на фоне литературного смеха XIX ст. как опирающийся на языковедческий опыт писателя. Конечно, эта сторона смехового пафоса в творчестве В. Даля не является основным источником комических средств (в его произведениях можно встретить комизм внешности, действия, мысли и др.), кроме того, некоторые писатели (Д. Фонвизин, Н. Гоголь, Г. Квитка) также применяют звуковые особенности чужесловов в русском языке для создания комического тона. Отличием далевского языкового комизма является регулярность его использования и широкий круг средств, что позволяет обособить его комический стиль на фоне остальных литераторов.

В дальнейшем представляется возможным проследить движение литературы в направлении языкового комизма, а также исследовать творчество современных литераторов с целью сопоставления средств создания языковедческого смеха.

Литература

1. **Богатырёв П. Г.** Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырёв. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.
2. **Даль В. И.** Собр. соч. : в 10 т. / В. И. Даль. – СПб.; М.: М. О. Вольф, 1898.
3. **Лихачёв Д. С.** Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
4. **Даль В. И.** Избранные произведения / В. И. Даль; сост. Н. Н. Акоповой; вст. ст. Л. П. Козловой, примеч. П. Петушкова. – М.: Правда, 1983. – 448 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989.
6. **Даль В. И.** Повести и рассказы / В. И. Даль. – М.: Сов. Россия, 1983. – 432 с.
7. **Владимир Даль** в счастливом доме на Пресне : сб. ст. / отв. ред. Г. А. Богданова, чл.-кор. РАН Ю. Л. Воротников; сост. Р. Н. Клеймёнова. – М.: Academia, 2010. – 560 с.
8. **Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ni/dahl/html/pdf/NANM074.pdf>.
9. **Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ru/dahl/html/pdf/СНРПТ.pdf>.
10. **Даль В. И.** Беглянка; Избранная проза / В. И. Даль. – СПб.: Азбука, 2010. – 448 с.
11. **Даль В. И.** Картины из русского быта. Автобиографические записки, В. И. Даль в воспоминаниях современников / В. И. Даль. – М.: Новый ключ, 2002. – 479 с.
12. **Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.pMolog.ru/dahl/html/pdf7FOKUS57.pdf>.
13. **Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ru/dahl/html/pdfi/GREKI61.pdf>.
14. **Даль В. И.** Матросские досуги : рассказы / В. И. Даль; сост., предисл., обраб. для детей и словарь Л. Асанова; худож. Л. Фанин. – М.: Дет. лит., 2010. – 206 с. : ил.
15. **Даль В. И.** Полное собрание сочинений [Электронный ресурс]

/ В. И. Даль. – Сервер Петрозаводского университета (рук. проекта – проф. В. Н. Захаров). – Режим доступа к разделу : <http://www.philolog.ru/dahl/html/pdf/SBORONApdf>

Стаття присвячена вивченню особливостей мовного комізму в літературній творчості В. Даля. Письменник, удаючись до сміхового пафосу, передає в своїх творах мовознавчі спостереження. Лінгвістичний сміх зустрічається в казках, повістях, розповідях і фізіологіях автора.

Ключові слова: мова, комізм, казки, повісті, фізіології.

Статья посвящена изучению особенностей языкового комизма в литературном творчестве В. Даля. Писатель, прибегая к смеховому пафосу, передаёт в своих произведениях языковедческие наблюдения. Лингвистический смех встречается в сказках, повестях, рассказах и физиологиях автора.

Ключевые слова: язык, комизм, сказки, повести, физиологии.

The article is devoted to the study of linguistic features of the comic elements in V. Dal' literary creation. The writer is resorting to the tougher pathos, reports linguistic observation in his works. A linguistic laughter is met in author's fairy-tales, stories, stories and physiologies.

Keywords: language, the comic element, fairy-tales, stories, to physiology.

Стаття надійшла до редакції 05.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Унукович В. В.

УДК 81'23

Л. В. Туленинова

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ

Тот факт, что интерес лингвокультурологов фокусируется на изучении специфического в составе ментальных единиц и направлен на *накопительное* и *систематизирующее* описание конкретных культурных концептов объясняет стремление исследователей произвести их типологизацию и классификацию [1 – 5].

Цели такого рода исследовательской работы, на наш взгляд, можно объединить в три группы:

- практические (упорядочение экспериментальной работы, систематизация полученной в процессе исследований фактической информации, определение и поиск новых направлений исследования);

- теоретические (усовершенствование категориального аппарата лингвоконцептологии, подведение теоретической базы под экспериментально-исследовательскую работу для выявления новых, все более эффективных и продуктивных подходов к изучению объекта данного научного направления за счет расширения и углубления предметной области лингвоконцептов);

- методологические (возможная коррекция старых и развитие новых методов и методик исследований).

Как отмечает С. Г. Воркачев, несмотря на относительное единство лингвоконцептологов в понимании объекта своего научного интереса как «некого

культурного смысла, отмеченного этнической специфичностью и находящего языковое выражение, «видовая пролиферация этого объекта, как представляется, дает повод обратиться к «биологической метафоре»: разновидности концептов в пределах дефиниционной формулировки растут «как трава» – не имея под собой какого-либо последовательного классификационного основания [6, с. 283 – 294], что весьма затрудняет их типологию» [7, с. 8]. Причину такого количества разновидностей концептов он видит в «неоднозначности дефиниционного признака «этнокультурная специфика», который «допускает множество толкований в зависимости от того, распространяется ли эта специфика на семантику концепта или же она затрагивает также и способы его вербализации, как определяется статус «внутренней формы» лексических единиц, «языковляющих» концепт, и включается ли концепт в число формант ментальности в целом или же менталитета как части последней» [8, с. 8].

В. И. Карасик также сомневается в возможности построения «исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов – переживаемых фрагментов опыта». Он выдвигает несколько веских и обоснованных аргументов: - детальная разработанность в языке актуальных для человека областей бытия; - размытость смыслов и нелогичность; - противоречивость обиходного практического сознания; - гораздо большая подвижность концептов, чем значения слов, зафиксированных в словарях [Там же, с. 8]. Однако, несмотря на вышеизложенные аргументы, поиск оптимальных оснований для типологизации (а следовательно, и классификации) концептов не прекращается. Процедура типологизации и классификации, как известно, должна строиться на определенных принципах. Причем чем больше принципов предлагается как основа классификации, тем больше классификаций данного объекта можно предложить.

В самом общем виде выражает идею выделения различных типов концептов С. Г. Воркачев: «Типология лингвоконцептов может основываться на «кванторизуемых» признаках, определяющих возможность их вариативности: уникальность – универсальность, индивидуальность – социальность и уровень абстрактности» [7, с. 8]. Е. И. Алещенко также связывает возможность типизации с «существованием различных типов реалий – абстрактных и предметных, а также с различными формами осмысления мира – наивное и научное понятие, интуитивные и рациональные формы и т.д.» [9, с. 52].

Характеризуя некоторые из существующих на сегодняшний день подходов, В. И. Карасик отмечает их взаимодополняемость: «Они отражают существенные признаки концептов – их понятийную, образную и ценностную составляющую, дискурсивную обусловленность, динамичность, вариативность и тематическую закрепленность» [8, с. 9]. Он выделяет шесть подходов, дающих основания для построения типологии (седьмой из описанных им – тематический, характеризуется им как не дающий основания для типологизации). Такими основаниями являются:

- ориентация (явная или неявная) концептов на язык, в котором они репрезентируются (предметные, признаковые, событийные концепты – типология построена на основе важнейших знаменательных частей речи);

- осмысление фрагментов опыта, соотнесенных с картинками, фреймами, сценариями, картами, гештальтами (ориентация на когнитивную психологию);

- ориентация на этические и эстетические категории (телеономные – отправляющие к высшим ценностям – концепты и нетелеономные, включающие регулятивные и нерегулятивные [10, с. 151] ментальные образования);

- дискурс, «в котором реализуются эти концепты» (повседневные и художественные концепты, институциональные концепты);

- ориентация на динамичность (стабильные и меняющиеся концепты) и транслируемость концепта;

- «предположение о том, что осмысленный опыт можно свести к некоторым инвариантным смыслам общечеловеческого характера с последующей смысловой конкретизацией сверху вниз» (противопоставляются национально-специфические и национально-нейтральные, социально-специфические и социально-нейтральные концепты); подход «основан на круге лиц, разделяющих тот или иной опыт с его оценочной квалификацией» (общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, макрогрупповые, микрогрупповые и индивидуальные концепты) [8, с. 8 – 9].

Известный ученый предлагает противопоставить все лингвокультурные концепты как *параметрические* и *непараметрические* ментальные образования. К первым он относит концепты, «которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставлений реальных характеристик объектов – пространство, время, количество, качество и др.»; ко вторым – концепты, «имеющие предметное содержание» [10, с. 31]. Характеризуя параметрические концепты, он отмечает их своеобразие: «их ценностный компонент выводится дедуктивно при конкретизации в дискурсе» [Там же]. Непараметрические концепты ученый предлагает разбить на подклассы: *регулятивные* и *нерегулятивные*. К первым относятся «те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.)». Концепты-нерегулятивы – это «синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.). Таким образом, в данной классификации в основу положен принцип противопоставления концептов по их «предметности – непредметности». В. И. Карасик предлагает также типизировать концепты на основе признака *транслируемости*, т.е. «перехода концепта в процессе общения от одного индивидуума к другому и от одной культуры к другой», противопоставляя их по этому признаку «как активно и пассивно транслируемые», «содержательно модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и неперебиваемые в иные формы». Как активно транслируемые он выделяет *архетипические* концепты, «основанные на системе установок и поведенческих реакций, которые незаметно определяют нашу жизнь» [10, с. 32 – 33].

Отмеченные З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [11] устойчивость либо неустойчивость концептов, определяемые наличием либо отсутствием закрепленных за ними языковых средства вербализации, нахождение некоторых из них в процессе формирования, нашли отражение в классификации Г. Г. Слышкина, который строит ее на принципах *номинативной плотности* и *номинативной диффузности*. В зависимости от состояния *интразоны* и *экстразоны* концептов [3] он выделяет «1. Пропорциональные концепты, т.е. концепты, у которых продолжают обогащаться как интразона, так и экстразона. 2. Сформировавшиеся концепты, т.е. концепты, у которых завершилось формирование интразоны, но продолжает функционировать экстразона. 3. Формирующиеся концепты, т. е. концепты, которые еще не обладают экстразоной, но имеют развитую интразону. 4. Рудиментарные концепты, т. е. концепты, почти или полностью утратившие интразону и сохранившиеся лишь в составе отдельных единиц своей экстразоны» [Там же, с. 97]. Как видим, тезис В. И. Карасика о том, что «типология культурных концептов может быть построена на

когнитивных и коммуникативных основаниях», выдвинутый им в 2001 году [12, с. 14], нашел воплощение в вышеназванных подходах.

Проблема классификации концептов является довольно сложной. Ученые сомневаются в возможности построения полной и непротиворечивой классификации концептов [8, с. 8] что обусловлено их известной лабильностью, диффузностью смыслов языковых единиц, противоречивостью обиходного практического сознания. Вместе с тем есть успешные попытки классификации концептов с точки зрения их а) лингвистического оформления – лексические, фразеологические и грамматические концепты, б) принадлежности к дискурсу как среды языкового существования (обиходные, художественные и научные, в) актуальности для всех наций, для отдельно взятой нации, для социальных групп, для конкретного человека (т.е. универсальные, этнические, групповые, индивидуальные концепты). Продуктивной является классификация концептов, в основу которой положен принцип их противопоставления «предметность – не предметность» [10, с. 151]. Предлагается разграничивать концепты параметрические (они выступают в функции классифицирующих категорий для сопоставлений реальных характеристик объектов – пространство, время, количество, качество и др.) и непараметрические (они обладают предметным содержанием).

В уже существующих на сегодняшний день классификациях исследователи предлагают учитывать такие «квантозируемые» признаки, как предметность, транслируемость, пропорциональность и т. п., определяющие возможность их вариативности и позволяющие, таким образом, объединив концепты в группы, выделить в них определенные разряды. Так, с учетом новых исследований, М. В. Пименова упоминает еще несколько терминов: *парные концепты*, слова-репрезентанты которых считаются полными или частичными синонимами» (например, истина и правда, ложь и обман, горе и злосчастье, мечта и грёза и др.); *бинарные концепты* (оппозитивные), слова-репрезентанты которых являются антонимами (любовь и ненависть, свет и тьма, друг и враг, строить и разрушать, много и мало и др.), *эквивалентные концепты*, структуры которых «полностью или частично совпадают, особенно в мотивирующей и понятийной своих частях, а их репрезентанты выступают равнозначными при переводе» (душа и soul, сердце и heart, мудрость и wisdom, дух и spirit, ум и mind, воображение и imagination и др.) [5, с. 127].

Таким образом, классификация концептов на когнитивных и коммуникативных основаниях, несмотря на наличие определенных проблем, имеет перспективы. По мере выполнения новых концептуальных исследований появляются и идеи о возможности выделения новых разрядов и групп.

Литература

- 1. Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. – М. : Школа «Яз. рус. культуры», 1999. – 780 с.
- 2. Алефиренко Н. Ф.** Когнитивно-семасиологическая лингвокультурология: к проблеме формирования научной школы / Н. Ф. Алефиренко // Современные парадигмы лингвистики : традиции и инновации : материалы Междунар. конф. – Волгоград : Перемена, 2005. – С. 131 – 138.
- 3. Слышкин Г. Г.** Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестн. ВГУ. – Волгоград, 2004. – Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – № 1. – С. 29 – 34.
- 4. Пименова М. В.** Коды культуры и проблема классификации концептов / М. В. Пименова // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах Ставропольского отделения

РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко. – Вып. 5. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2007. – С. 72 – 78. **5. Пименова М. В.** Концептуальные исследования и национальная ментальность / М. В. Пименова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 126 – 132. **6. Сорокин Ю. А.** Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» / Ю. А. Сорокин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Волгоград, 2003. – Ч. 1. – С. 283 – 294. **7. Воркачев С. Г.** «Из истории слов»: лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев // Новое в когнитивной лингвистике : материалы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29 – 31 авг. 2006 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – Сер. «Концептуальные исследования». – Вып. 8. – С. 3 – 14. **8. Карасик В. И.** Концепты повседневности: подходы к изучению / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика : проблемы лингвоконцептологии, семантики, стилистики / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград : Колледж, 2006. – С. 7 – 14. **9. Алещенко Е. И.** Проблемы вербализации концепта «человек» в русском фольклоре / Е. И. Алещенко // Культурные концепты в языке и тексте : сб. науч. тр. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – С. 51 – 53. **10. Карасик В. И.** Этноспецифические концепты / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова // Иная ментальность. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с. **11. Попова З. Д.** Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с. **12. Карасик В. И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 75 – 80.

У статті розглянуто проблему типологізації та класифікації концептів. Зроблено аналіз підходів до її вирішення, що існують на сьогоднішній день. Відзначається перспективність когнітивного та комунікативного підходів.

Ключові слова: лінгвокультурологія, концепт, типологія лінгвоконцептів, класифікаційна підстава, дифузність сенсу.

В статье рассматривается проблема типологизации и классификации концептов. Делается анализ существующих на сегодняшний день подходов. Отмечаются перспективность когнитивного и коммуникативного подхода в решении данной проблемы.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, типология лингвоконцептов, классификационное основание, диффузность смысла.

The problem of typology and classification of concepts is in the focus of attention of the paper. An analysis of existing approaches to the issue is made. The promising perspectives of cognitive and communicative approaches are noted.

Keywords: cultural linguistics, concept, typology of linguistic concepts, classification base, diffusivity of sense.

Стаття надійшла до редакції 06.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Будівський П. О.

Н. А. Туранина

ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗДУШНОЙ СТИХИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ XX ВЕКА (В АСПЕКТЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ
В. И. ДАЛЯ)

На современном этапе лингвокультурология относится к наиболее активно развивающимся отраслям лингвистики и описание стихий актуально и важно: они отражают менталитет языковой личности, в них сконцентрирован многовековой опыт, культура и идеология народа. Стихии являются центральной категорией в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира, помогающей вскрыть механизмы преломления в сознании человека объективной реальности.

Окружающий мир природы концептуализируется в языке, определяя в значительной мере особенности семантического пространства языка. Специфика стихий, за которыми стоят разнообразные проявления природных явлений, привлекает внимание исследователей. Выбор стихии «воздух» объясняется тем, что предметом исследования лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и обобщают результаты собственно человеческого сознания.

В последние годы возрос интерес к исследованию реализации стихий в рамках художественного текста. Целесообразность подобных исследований определяется не только самоценностью факторов, связанных с изучением закономерностей художественного мышления и мироощущения, но и тем, что индивидуальный когнитивный опыт художника как культурно-языковое явление становится составной частью коллективного опыта познания мира. В результате личного когнитивного опыта в сознании поэта или прозаика формируются структуры – фрагменты индивидуально-авторского знания о мире, которые находят свое выражение в текстовом пространстве.

Обращение к творческому наследию русской литературы определялось мастерством писателей в выражении фундаментальных принципов ментальности, широким отражением, а также высокой частотностью употребления лексических единиц, репрезентирующих стихию «воздух».

Целью статьи является выявление специфики вербализации стихии «воздух» в художественном пространстве текста.

Стихии в сознании носителей русского языка имеют долгую фольклорную, мифологическую и историческую традиции. Воздух – одна из важных стихий, что подтверждается постоянным обращением поэтов и прозаиков к воздуху, ветру, выюге, метели, вихрю.

Воздух: Но скользишь ты, утопая, /В бездне воздуха и света (Бальмонт «Белый лебедь»); Крылья легкие раскину/ Стены воздуха раздвину, /Страны дальние покину (А. Блок «Крылья»); Воздух казался жидким минералом и вливался в легкие сам по себе (В. Токарева «Лиловый костюм»); Ему казалось, что воздух вокруг них насыщен предательством, как радиацией (В. Токарева «Паша и Павлуша»);

Мне казалось, что я пью жидкий воздух (В. Токарева «Ехал Грека»); Инфекция любви, как вирус, висела в воздухе (В. Токарева «Система собак»); Солнце – счастье, чистые воды и воздух – счастье, просторы нетронутых степей, гор, лесов – великое счастье (Н. Сладков); Таежный воздух насыщался смолистым, опьяняющим ароматом, долина реки благоухала

запахом ромашки, полыни, мяты и отцветающей черемухи (В. Шишков);

Ветер: Поднимайся, *ветер*, по равнинам,/ Торопись, *ветрило-вихрь-бродяга...* (М. Цветаева «Лжет летописец, что...»); Буйный *ветер* в пустыне второй властелин (Н. Гумилев «Сахара»); Только *ветер* резвый, *озорник* такой!/ Запоет разлуку вместо упокой (С. Есенин «Закружилась пряжа снежистого льна»); *Отрок-ветер* по самые плечи /Заголил на березке подол (С. Есенин «Закружилась листва золотая»); И *ветер, пес послушный*, лижет / Чуть пригнутые камыши (А. Блок «Тишина цветет»); Очередь на такси была небольшая, но *ветер* дул, как на вселенском *сквозняке* (В. Токарева «Ничего особенного»); Был такой *ветродуй*, как шторм в открытом море. (В. Токарева «Стечение обстоятельств»); *Ветер* как беркут падает на распахнутых крыльях (Н. Сладков);

Вихрь: И снежных *вихрей подъятый молот* / Бросил нас в бездну, где искры неслись./ Где снежинки пугливо вились (А. Блок «Настигнутый метелью»); Уж *демон вихрей* реет грозно, / Свинцовой тучей облачен (Ф. Сологуб «Ты слышишь гром...»); И вдруг в этой напряженной и испуганной тишине пронесся *вихрь*, как долгий вздох облегчения (Н. Сладков, т. 3, с. 33);

Вьюга: Заносит *вьюга* на порог / Пожар метели белокрылой... (А. Блок «Заклинание огнем и мраком», 11); Кто, под *вопли вьюги* снежной,/ Под упорный зов зыбей,/ Сохранил сурово-нежный /Говор древних дней? (В. Брюсов «К Швеции»); Там незримый, неизбежный / Мертвый *голос вьюги* снежной /Посетит меня (А. Блок «Я прокрадусь ночью сонной...»);

Метель: Рукавом моих *метелей*/ Задушу./ Серебром моих веселий / Оглушу. (А. Блок «Ее песни»); Я – звезда мечтаний нежных, /И в венце *метелей* снежных; Не забыл я полей *асфodelей* (В. Брюсов «Я вернулся на яркую землю...»); Вкруг колокольни свист *метели* (С. Городецкий «В снегах»); ...и мерцают в музыке / *Пурги* (Б. Пастернак «Все в крестиках двери...»); И метет, метет метлою / Богородица – *метель* (М. Цветаева «С. Э.»); В серебре *метелей* кроясь, / Ты горишь, мой узкий пояс (А. Блок «Я в дальний мир вошла...»); Свернуты декабрьские *метели* в серые перины облаков (Ю. Визбор);

Туман: Плыл *туман*, как фимиамы / Тысячи кадил (А. Ахматова «Черная вилаьс дорога...»); Раздвинув локтем *тумана* дрожжи, / цедил белила из черной фляжки (В. Маяковский «За женщиной»); Мы заморские тайны несем,/ Мы под игом ночного *тумана* (А. Блок «Корабли идут»); И весной непомерной взлелеяны / Поседельх *туманов* развилыны (А. Блок «Твари весенние»).

Высока частотность функционирования лексем, репрезентирующих стихию «воздух», в сильных позициях художественного текста – начале и конце. Использование названных языковых единиц в начале текста характерно для художников прозы Астафьева, Распутина, Соболева, Шишкова и других писателей. В начале текста В. Астафьева «Зрячий посох» находим лексемы *ветер*, *циклон*: «Но дует *ветер*, хлещет мокрый снег – пришел *циклон* откуда-то с востока. Вчера и позавчера он дул с севера – никакие *циклоны* не минуют Урал, они, как беды, все вокруг него кружат, все по нему дуют и шарят, и весна никак не может наступить, а уже начало апреля». У В. Распутина использованы лексемц *воздух*, *мороз* в начале повести «Живи и помни»: «Зима на 45-й, последний военный год в этих краях простояла сиротской, но крещенские *морозы* свое взяли, отстучали, как им полагается, за сорок. Прокалившись за неделю, отстал с деревьев куржак, и лес совсем помертвел, снег по земле заскрип и покрошился, в жестком и ломком *воздухе* по утрам было трудно продохнуть». Л. С. Соболев использует лексемы *ветер*, *воздух*, *шторм* в начале рассказов: «Жорес возвращался из похода. *Шторм* утих, и к откосу от Шепелевского маяка открылась спокойная, удивительно ровная гладь, начинающая по-вечернему отблескивать сталью».

В конце текста лексические репрезентанты стихии «воздух» встречаем в произведениях

Иванова, Соболева, Шишкова и других авторов. Так, например, в прозе Л. С. Соболева: «Где-то в глубине материка переместился центр низкого давления, и холодные массы арктического воздуха, мчавшиеся над Балтикой, переменили направление, увлекая за собой волны. Теперь получалось так, что, если лодка повернет на север, они будут бить ей справа в корму, раскачивая самой спокойной и безопасной в шторм качкой, а ветер прибавит к ее ходу верных два-три узла» («Все нормально»).

Продолжает оставаться актуальным употребление наименований стихии «воздух» в названиях произведений русских писателей X – XXI вв., например: Н. А. Асанов «Ветер с моря», Д. М. Балашов «Ветер времени», А. Веселый «Гуляй Ветер», Н. Ф. Иванов «Операцию «Шторм» начать раньше...», А. Измайлов «В тумане спрятанного солнца», В. В. Карпенко «Тучи идут на ветер», М. В. Колесников, М. С. Колесников «Перстень вьюги», А. Ю. Костин «Предупрежден путешественником в тумане», Л. Паршикова «Ветер родины и судьбы», А. А. Первенцев «Черная буря», В. А. Пронин «Гайфун», Н. Сладков «Зеленый туман», «Дуб и Ветер», «Душистый ураган», Е. П. Федоровский «Свежий ветер с океана», М. М. Эгарт «Бухта туманов» и др.

Стихия «воздух» находит свое отражение во фразеологии паремиологии современного русского языка, например: *Ветер* деревья волнует, правда народ поднимает.

«Ветер в голове», «На ветер бросать слова», «Подбитый ветром», «Каким ветром занесло», «Ветер свистит в карманах», «Откуда ветер дует», «Ищи ветра в поле», «Как ветром сдуло», «Держать нос по ветру», «Повиснуть в воздухе», «Буря в стакане воды», «Напускать туману», «Буря прошла, гром унесла».

Широкое использование лексем, репрезентирующих стихию «воздух», отражается и в ономастике: Буран, Буранин, Буранов, Буранский, Ветренко, Ветров, Вихренко, Вихренное, Вихров, Вихровский, Вихрь, Вихряков, Метелев, Мегельков, Мороз, Морозкин, Морозов, Суховай, Суховайев, Туманенко, Туманец, Туманов, Туманский, Холод, Холоденко, Холодецкий, Холодкин, Холодков, Холодный, Холоде Холодович, Холодкевич, Холодянский, Шторм, Штормов.

Характерно использование лексем, репрезентирующих стихию «воздух», для называния артефактов, например: кафе «Ветерок», «Морозко», «Холодок», сеть магазинов «Метелица», снегоход «Буран».

Все, что представляется важным и ценным для человека, можно найти в народных приметах, поверьях: На Рождество *метель* – пчелы хорошо роиться будут; *Ветер* – буйный молодец, безрукий хватало (в Орловской губернии); поляки называют *ветер* – отцом; в Испании считается что «*ветер*, женщины и счастье переменчивы»; «*Ветер* – Божье дыхание», – говорят крестьяне в Галиции.

Частью культурной памяти народа являются загадки, среди которых немало и о явлениях воздушной стихии: «Без рук, без ног, по полю рыщет, поет да свищет, деревья ломает, к земле траву приклоняет». «Расходится детина – удержу нет, уляжется – не видать, не слышать». «Никто меня не видит, а всякий слышит». «Свищет, гонит, в след ему кланяются». (*Ветер*) «Гуляет в поле, да не конь, летает на воле, да не птица». (*Метель, вьюга*).

Значительным фактом, подтверждающим интерес и внимание к воздушной стихии, явилось издание в 1983 году книги ученого-ветролога Леонида Зусевича Проха «Словарь ветров». Автор считал своей задачей «объяснить происхождение некоторых названий ветров». Словарь насчитывает около 2000 терминов. Ученый называет ветры, указывает их географический признак (волжский ХИЛЮК, забайкальский ХВИУС, украинский БУРЕВИЙ, карпатский Г ОРЫШНЯЧОК, испанский АБРЕГО, португальский НОРДЕР и т. д.), приводит факты их проявления. Например: «БАХРЕЙНСКИЙ ШТОРМ в Персидском заливе в ночь на 1

октября 1925 года за 10 часов охватил весь залив и погубил много кораблей». В «Словаре ветров» нашлось место и древнеримским божествам АКВИЛОНУ, ВОЛЬТУРНУ, древнегреческим БОРЕЮ, ЗЕФИРУ и богам других народов мира.

Анализ художественных текстов К. Паустовского и М. Шолохова показал, что писатели активно использовали лексемы, репрезентирующие стихию «воздух», в сильных позициях текста.

Перечисленные факты свидетельствует о том, что стихия «воздух» занимает важное место в языковом сознании русских и, следовательно, является важным концептом русской культуры.

Стихия «воздух» в современном русском языке представлена множеством лексических единиц, которые можно объединить в концептуальное поле.

Стихия «воздух» в художественной прозе К. Паустовского и М. Шолохова представляет ряд элементов, объединенных в три группы.

«Наименования воздушной стихии»: ветер, ветр, ветерок, ветрище, ураган, вихрь, норд-ост, бора, смерч, норд, суховей, роза ветров, фён, сквозняк, шквал, трамонтана, бриз, тайфун, соранг, греус, зефир, муссон, низовка, сирокко, циклоны, вест, леванти, мистраль, моряна, самум, сиверко, боненти, верховка, гирловой, горишняк, караэл, кенхрон, лодос, манструс, мельтемия, норд-вест, серекос, тифоны, цунами. Итак, анализируемая группа в произведениях К. Паустовского и М. Шолохова представлена 44 лексическими единицами. Каждая из лексем, использованная авторами в художественном тексте, привносит различные смысловые оттенки в стихию «воздух». Анализ состава ядерной группы стихии «воздух» показал, что все единицы данного ряда называют воздух как явление, внося при этом в обозначение различные оттенки смысла. Среди описанных лексем выделяются слова, обладающие значениями с пометами *устар.*, *разг.*, *нар.-поэт.*, *уменьш.*, *ласк.*, а также *местн.* Несомненно, что такое значительное количество единиц можно считать одной из особенностей стихии «воздух», а также количественный состав данной группы указывает на то, что современный человек, как и человек прошлого, постоянно соприкасается напрямую со стихией воздуха, жизнь на Земле не мыслилась и не мыслится без воздуха.

В непосредственной близости от описанной выше ядерной группы стихии «воздух» располагается группа (малочисленная), которую можно обозначить как «*комплексные воздушные явления*».

Отличительной особенностью этих лексем является то, что все они содержат сему «сильный ветер, имеющий разрушительный характер», часто сопровождаются различными осадками в виде дождя, града, снега. В состав данной группы входят следующие слова, активно функционирующие в художественной речи К. Паустовского и М. Шолохова: шторм, буря, метель, вьюга, поземка, буран, пурга.

Комплексные явления являются зависимыми от ветра в том плане, что именно ветер определенной силы может вызвать бурю, метель и т. д. Нетрудно заметить, что лексические единицы, составляющие данную группу, толкуются через единицы, входящие в эту же группу, и относятся к активному словарному запасу.

Таким образом, К. Паустовский и М. Шолохов использовали широкий арсенал лексических средств русского языка, создающих образ воздушной стихии в рамках художественного дискурса. К. Паустовский дает развернутый художественный образ стихии четко, лаконично, энергично. В текстах М. Шолохова обнаруживается глубоко национальное народное мироощущение и восприятие воздуха; этноспецифическое значение стихии «воздух» проявилось и в количественной лексической презентации, и в частотности употребления, что является важным отличительным лингвокультурным признаком данного феномена.

Исследование стихии «воздух» в художественных текстах открывает возможность сопоставления материала с предшественниками и современниками с тем, чтобы выявить общее и индивидуальное осмысление данного феномена. Небезынтересным может быть сравнительный анализ особенностей репрезентации стихии «воздух» с другими, не менее важными стихиями: огонь, свет, жизнь, космос – в рамках художественного дискурса.

Литература

1. **Туралина Н. А.** Концепт «Воздух» в лингвокультурологическом аспекте : монография / Н. А. Туралина, И. С. Ливенец. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 172 с.

У статті розглядається специфіка репрезентації стихії «повітря» в художніх творах російських авторів. У роботі надано опис основних лексем, що номінують повітряну стихію у творі. Активне використання репрезентантів стихії «повітря» в художньому дискурсі підкреслює особливу роль цього фрагмента мовної картини світу у свідомості носіїв мови.

Ключові слова: стихія, повітря тематична група, ядерна група, лексична одиниця.

В статье рассматривается специфика репрезентации стихии «воздух» в художественных произведениях русских авторов. В работе описаны основные лексемы, номинирующие воздушную стихию в тексте. Активное использование репрезентантов стихии «воздух» в художественном дискурсе подчеркивает особую роль этого фрагмента языковой картины мира в сознании носителей языка.

Ключевые слова: стихия, воздух тематическая группа, ядерная группа, лексическая единица.

The article deals with specific elements of representation "air" in the literary works of Russian authors. In the main token, nominating the air element hi the product. Active use representation element "air" in the artistic discourse emphasizes the special role of this fragment linguistic world in the minds of native speakers.

Keywords: poems, air thematic groups, the nuclear group, lexical unit.

Стаття надійшла до редакції 06.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Будівський П. О.

УДК 81.373.7;811.133.1

И. В. Фирсова

ТЕРМИНОСИСТЕМА ФРАЗЕОЛОГИИ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

В последние годы становится все более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Культурное многообразие современного мира увеличивается, и входящие в него народы находят все больше способов, чтобы сохранять и развивать свою культурную самобытность.

Эта тенденция подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. Процесс взаимодействия культур, ведущий к их унификации, стимулирует стремление наций к культурному самоутверждению, желание сохранить собственные культурные ценности. В контексте этих тенденций общественного развития особую значимость приобретают способы и приемы фиксации и репрезентации культурного, в том числе и лингвокультурного, своеобразия народов, что, среди прочего, способствует лучшему пониманию друг друга и взаимному признанию.

Внимание к национально-специфическому компоненту языков проявилось у исследователей довольно давно. Так, И. Г. Гердер в «Трактате о происхождении языка» связывал четыре фундаментальных феномена человека – язык, культуру, общество и национальный дух [1, с. 156], из чего закономерно вытекает вывод об органической связи любой нации с ее языком. Наиболее полно соотношение «язык – культура» отражено в трудах В. фон Гумбольдта, который писал: «Человек преимущественно живет с предметами так, как их преподносит ему язык Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [2, с. 68]. Э. Сепир, один из основоположников этнолингвистики (конец XIX – первая половина XX века), считал, что «история языка и история культуры развиваются параллельно» [3, с. 135]. В наше же время особое внимание стало уделяться языку как продукту культуры, который не только отражает окружающий мир, но и интерпретирует его, создавая в сознании языковой личности особую реальность, где живет человек. Язык рассматривается как один из путей, по которому можно проникнуть в ментальность нации. Язык нередко воспринимается как компонент культуры, но в то же время как компонент автономный, который может и должен рассматриваться отдельно от культуры или в сравнении с культурой как с равнозначным феноменом. Сходство структуры культуры со структурой языка видится в том, что в обоих объектах можно обнаружить явления стилия жанра, факт синонимии, омонимии, полисемии. В связи с отмеченным уместно привести слова Н. И. Толстого: «Дальнейшее развитие исторических фразеологических исследований может быть плодотворно лишь при условии серьезного внимания к языку как вербальному коду культуры и к языку как творцу культуры» [4, с. 223].

Важнейшим объектом исследования когнитивной лингвистики и лингвокультурологии является концепт, дефиниции которого варьируются, однако, в зависимости от приоритетов и постулатов конкретных означенных сфер. При этом, как отмечает С. Г. Воркачев [5, с. 43 – 45], различия в подходах к концепту в достаточной степени условны и связаны не столько с задачами этих дисциплин, сколько с техникой выделения объекта исследования и методикой его описания. По мнению исследователя, лингвокогнитологические исследования направлены на выявление общих (универсальных для разных наций) закономерностей в формировании ментальных представлений и ориентированы от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации), тогда как лингвокультурологические исследования идут от имени концепта к совокупности номинируемых им смыслов и выявляют особенности отдельной этнической концептосферы. Та часть концептосферы, которая становится объектом коммуникации и, следовательно, вербализуется, составляет основу опосредованной картины мира. Опосредованная картина мира значительно меньше непосредственной картины мира, поскольку включает в себя только часть всего содержания концептосферы, присущей последней. Семантическое пространство языковой картины мира служит основным источником изучения концептосферы первичной непосредственной картины мира, представляя собой инструмент познания когнитивной картины мира.

Концепт представляет собой системную сущность, каждый из признаков которой объективируется в языке посредством того или иного слова в зависимости от ситуации общения и коммуникативной установки сообщения. Таким образом, общее представление о концепте может быть получено только при учете всей совокупности средств языка, участвующих в номинализации признаков концепта. Сопоставить концептосферы двух народов можно лишь посредством языка, то есть путем сравнительного анализа языковых картин мира этносов.

Особенно значимой в данной связи нам видится фразеология, являющаяся собой результат метафорического переосмысления реальности представителями того или иного народа. Этот раздел языкознания вобрал в себя наибольшее количество культурно-специфической информации, заключенной во фразеологических единицах, которые специфически отражают особенности жизни и уклада народа, его обычаи и т. д. Кроме того, во фразеологизмах особым образом воплощены национальные стереотипы и эталоны мышления этноса, определяемые его национальной психологией и сугубо специфическим мироощущением. Изучая фразеологические обороты, раскрывающие тот или иной концепт, можно получить сведения и о том, какое место занимает этот концепт в картине мира данного народа.

Фразеологический состав русского языка стал объектом исследования многих выдающихся учёных-лингвистов. В период с 1946 по 1954 год появился ряд работ академика В. В. Виноградова сыгравших в развитии фразеологии чрезвычайно важную роль. Вместе с тем эти работы вызвали широкие не прекращающиеся до сих пор дискуссии, которые привели к существенному расширению проблематики фразеологии, выделению различных аспектов в ее изучении. Так появились хорошо известные в лингвистике работы В. Л. Архангельского, В. П. Жукова В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, Н. М. Шанского, В. А. Масловой и других, которыми были определены наиболее важные направления в исследовании фразеологических единиц, сформулированы основные понятия фразеологии.

Разноаспектно изучая фразеологию, языковеды не пришли к единому мнению о ее объеме, а также о единой классификации фразеологизмов с точки зрения их семантической слитности в русском языкознании. Изучение фразеологизмов с точки зрения семантики имеет длительную и многоаспектную историю. С. И. Абакумов предпринял попытку классифицировать фразеологические единицы (далее – ФЕ) с точки зрения их структуры, семантической слитности и «этимологического состава» [6, с. 97]. В. В. Виноградовым впервые была создана синхронная классификация ФЕ русского языка с точки зрения их семантической слитности [7, с. 167]. А. И. Ефимовым в книге «О языке художественных произведений» предложена классификация ФЕ со стилистической точки зрения [8, с. 87]. О. С. Ахманова в «Очерках по общей и русской лексикологии» исследовала структуру фразеологизмов [9, с. 109]. Наиболее многоаспектная классификация ФЕ представлена в книге Н. М. Шанского «Фразеология русского языка». Ученый классифицировал фразеологизмы с точки зрения их семантической слитности состава, структуры, происхождения, экспрессивно-стилистических свойств [10, с. 88].

Академик В. В. Виноградов видел сущность ФЕ в ее устойчивости, которую он рассматривал как результат лексико-семантических особенностей слов, составляющих данное сочетание. Классификация ФЕ В. В. Виноградова включает:

а) фразеологические сочетания; б) фразеологические единства; в) фразеологические сращения.

Вполне очевидно, что мы должны отметить и новационный подход в исследовании ФЕ, который описан в работе В. Н. Телия «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты». Автор пытается, среди прочего, очертить и уточнить

контуры феномена «фразеологическое значение». Она убеждена в большей, чем у слова, семантической емкости фразеологического значения. «Значение ФЕ всегда богаче значения синонимичного слова. Большей содержательности фразеологического значения содействует образность фразеологизма в основе которой лежит не единичный элемент действительности, а определенный фрагмент мира, благодаря чему большинство ФЕ ситуативно» [11, с. 286].

Терминологический аппарат, используемый для изучения фразеологии во французском языкознании, имеет определенную специфику. На наш взгляд, для обозначения устойчивых сочетаний слов (ФЕ) целесообразнее всего использовать номинацию *phraséologie*, однако в терминологическом значении это слово во французских словарях не зафиксировано. В то же время в терминологическом лингвистическом аппарате французского языка присутствует производное указанного термина – *phraséologique* (впервые в качестве лингвистического термина это слово зафиксировано в 1967 году словарем *Petit Robert*), что позволяет настаивать на потенциальной «терминологичности» обозначения *phraséologie*, предположить его включение в терминологический фонд французской лингвистики в будущем.

Наиболее распространенным термином, который во французском языке служит для номинации объекта фразеологии, является *locution* (от лат. *locutio* «оборот речи»). Однако этот термин, так же как его многочисленные синонимы (*locution figée*, *expression idiomatique*, *gallicisme*, *idiotisme* и т. д.), по нашему мнению, не является удачным из-за его выраженной многозначности: им же обозначаются сочетания и обороты нефразеологического характера, а иногда и различного рода грамматические конструкции. Наиболее приближено к русскому термину ФЕ французское выражение *locution phraséologique*, предложенное Ш. Балли, и особенно *unité phraséologique*; к сожалению, оба термина используются во французском языке крайне редко.

Теоретические основы французской фразеологии заложил выдающийся французский лингвист Шарль Балли, научно обосновав необходимость специального изучения устойчивых сочетаний (фразеологизмов) языка. Его фразеологическая концепция изложена в работах «*Précis de stylistique*» (1905), «*Traité de stylistique*» (1909). Ш. Балли рассматривал ФЕ как устойчивые сочетания с различной степенью спаянности компонентов. Он различал внешние и внутренние признаки этих оборотов, причем под первыми понимал структурные особенности, а под вторыми – семантические, классифицировав, таким образом, ФЕ с точки зрения их семантической слитности [12, с. 87]. У Ш. Балли ФЕ объединены в две группы, а не в три, как у В. В. Виноградова, что делает предлагаемую классификацию менее полной. При этом у обоих лингвистов отсутствует единый принцип построения классификации.

Можно было ожидать, что работы Ш. Балли по фразеологии вызовут у французских лингвистов интерес к этой дисциплине и явятся стимулом для ее теоретического изучения, но этого не случилось. За весь период после выхода трудов Ш. Балли, вплоть до наших дней, во французском языкознании не появилось ни одной сколько-нибудь значительной работы, посвященной исследованию теоретических основ фразеологии. Этот факт можно объяснить только тем, что в современном французском языкознании нет единого и четкого понимания сущности ФЕ. Так автор одного из наиболее известных фразеологических словарей современного французского языка Морис Ра, определяет ФЕ как *expression, façon de parler* [13, с. 6]. Столь широкое толкование объекта фразеологии значительно нивелирует его сущность, не позволяет четко отграничить фразеологические явления от нефразеологических.

Ж. Марузо в своем словаре лингвистических терминов определяет *locution* в широком смысле как синоним выражения, а в узком – как «объединение нескольких слов, образующих известного рода лексическую единицу» [14, с. 180]. Но и этот термин обладает слишком широким значением, чтобы удачно применять его к объекту фразеологии.

Более адекватно, на наш взгляд, сущность ФЕ как объекта фразеологии определена П. Гиро, который квалифицирует фразеологизм как «выражение, состоящее из нескольких слов, образующих синтаксическое и лексическое единство» [15, с. 5]. При этом основными признаками ФЕ он считает: а) единство формы и значения; б) отклонение от грамматической и лексической нормы; в) особое метафорическое значение.

Наибольший интерес в области французской фразеологии представляют взгляды Алена Рея. Ученый с большим опытом исследования французской лексикографии и фразеологии (он один из авторов шеститомного толкового словаря П. Робера и наиболее полного фразеологического словаря, когда-либо изданного во Франции) признает ведущую роль семантических факторов в формировании и развитии ФЕ. Признавая семантический критерий важнейшим для выделения объекта фразеологии, он тем не менее указывает на присущие этой единице динамические процессы. Представляется, что выдвинутое А. Реем положение о «семантическом динамизме» [16, с. 193] как движущей силе фразеологии следует отнести к несомненным достоинствам его концепции.

На основании вышеизложенного мы можем сказать, что теоретические проблемы фразеологии продолжают оставаться объектом углубленного и всестороннего исследования как славянских, так и французских лингвистов. Одним из занимающих ученых вопросов остается вопрос о сущности объекта фразеологии, до сих пор не имеющий окончательного решения.

Литература

1. Гердер И. Г. Идеи и философия истории человечества / И. Г. Гердер. – М. : ГИХЛ, 1977. – 385 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Знание, 1984. – 342 с.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 287 с.
4. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 420 с.
5. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.
6. Абакумов С. И. Русский язык / С. И. Абакумов. – М. : Наука, 1972. – 639 с.
7. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
8. Ефимов А. И. О языке художественных произведений / А. И. Ефимов. – М. : Учпедгиз, 1964. – 288 с.
9. Ахманова О. С. Очерк по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 298 с.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высш. шк, 1985. – 160 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1996. – 425 с.
12. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. – Berne : Glacière, 1950. – 190 p.
13. Rat M. Dictionnaire des locutions françaises / M. Rat. – P. : Groning, 1957. – 348 p.
14. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : Высш. шк, 1960. – 180 с.
15. Guiraud P. Les locutions françaises / P. Guiraud. – P. : Glacière, 1962. – 125 p.
16. Rey A. Le lexique: images et modèles. Du dictionnaire à la lexicologie / A. Rey. – P. : Groning, 1977. – 193 p.

У статті розглядаються проблеми загального аналізу методів та критеріїв виділення фразеологічних одиниць. Мета статті – з'ясувати, що є спільного у визначенні фразеологічних одиниць французької та російської мов і виявити їх розбіжності.

Ключові слова: концепт, концептосфера, когнітивна лінгвістика, фразеологізми, фразеологічні одиниці.

В статье рассматриваются проблемы общего анализа методов и критериев выделения фразеологических единиц. Цель статьи – выяснить, что есть общего в определении фразеологических единиц французского и русского языков и выявить их разногласия.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, когнитивная лингвистика, фразеологизмы, фразеологические единицы.

This article deals with problems of general analysis of methods and criteria for allocation of phraseological units. The purpose of the article is to find out what is common in identification of phraseological units in the French and Russian languages and reveal their differences.

Keywords: concept, conceptsphere, cognitive linguistics, phraseological units.

Стаття надійшла до редакції 10.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Рудницька Н.М.

УДК 811.163.2

Л. М. Цонева

О СЛОВАРЕ НАЙДЕНА ГЕРОВА – «БОЛГАРСКОГО ДАЛЯ»

Предметом настоящей работы являются вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Найдена Герова (1823 – 1900), выдающегося болгарского просветителя, ученого, переводчика, поэта, дипломата и прежде всего – лексикографа, собравшего лексическое богатство болгарского языка и подготовившего издание эпохального труда – пятитомного словаря «Речник на българский язык». Этот словарь занимает исключительно важное место в истории болгарской науки и культуры, что дает основание сравнить его с «Толковым словарем живаго великорускаго языка» В. И. Даля, а Н. Герова – с самим В. И. Далем, который тоже посвятил свою жизнь составлению словаря.

Имя Найдена Герова для болгар и для Болгарии – символ возрожденческого стремления народа к свободе, символ борьбы за духовное развитие болгар, осознавших огромное значение родного языка в своем новом пути [1, с. 9].

Хорошо известны важнейшие вехи биографии Н. Герова. Он родился в 1823 г. в городке Копривштица. Отметим, что в это время Болгария еще находилась под турецким рабством и входила в состав Османской империи. Отметим также, что Копривштица – один из городов, сыгравших важную роль в духовном развитии болгарского народа. В начале и середине XIX века это был город с процветающим хозяйством, город торговцев и ремесленников, стремящихся не только к экономической и политической, но и к духовной независимости, поэтому многие состоятельные люди стремились дать своим детям солидное образование, в том числе и за пределами Болгарии.

Любовь к просвещению – известная черта жителей Копривштицы. Считается, что и сама природа горных мест способствовала формированию независимых характеров, стремления к духовному совершенствованию.

Н. Геров родился в семье учителя – он был восьмым ребенком Геро Добревича Мушека. Сначала он учился у отца, в доме которого находилась и сама школа, позже – у

известного Неофита Рильского. По его рекомендации Н. Геров уезжает в Россию, в Одессу, где в течение трех лет (1842 – 1845) учится в знаменитом Ришельевском лицее.

В те годы Одесса является одним из культурных центров болгарской эмиграции, так что среди знакомых Н. Герова были люди, которые в дальнейшем стали выдающимися деятелями болгарской литературы и культуры – В. Априлов, Н. и С. Палаузовы. Д. и Е. Мутевы, И. Богоров, Д. Чинтулов, Н. Михайловски и др. Особо следует отметить и то, что все эти поэтически настроенные молодые болгары имели возможность ознакомиться с русской литературой и русским народным творчеством.

Именно в Одессе в 1845 г. выходит из печати поэма Н. Герова «Стоян и Рада», являющаяся переработкой болгарской народной песни.

Именно в Одессе молодой Н. Геров загорается идеей о создании первого для Болгарии толкового словаря живого болгарского языка. Эту идею молодого студента можно определить как слишком смелую, но он увлекается ей, обрекая себя служить познанию своего народа через его язык [2, с. 14].

По мнению В. Кювлиевой-Мишайковой, интерес молодого Герова к составлению большого толкового словаря болгарского языка следует искать прежде всего в духе эпохи болгарского Возрождения – великого, переломного времени, отмеченного борьбой за национальное самоопределение, которая органически связана с борьбой за сохранение болгарского языка, породившей особый интерес к его описанию и изучению [Там же, с. 13].

В 1845 г. Н. Геров окончил лицей и стал специалистом в области «камеральных наук» (администрации и финансов). Получив российское гражданство, Н. Геров мог бы остаться в России, но он возвращается в Болгарию. Это один из редких случаев, когда болгарин, получивший высокое образование, пренебрегает благоприятными возможностями сделать карьеру за границей, чтобы вернуться на родину и заняться делом, приносящим ему нередко больше разочарования, чем признания.

Сначала Н. Геров работает учителем в своем родном городе Копривштице. Два года работы там приносят ему славу не только человека ученого, но и борца за национальный язык и национальную самобытность. Там же он начинает собирать материалы для своего словаря, задуманного еще в Одессе.

Период работы в Пловдиве – очень важный в жизни Н. Герова. Там он, будучи учителем, активно борется с греческим влиянием, очень сильным в то время. Школа и дом Н. Герова становятся центром культурно-просветительской жизни, затмевая славу греческой гимназии.

С этим периодом связан один из самых известных эпизодов в биографии Н. Герова – именно по его инициативе 11 мая 1851 г. впервые организуется торжественное празднование дня Святых апостолов Кирилла и Мефодия, который уже 160 лет отмечается в Болгарии как День славянской письменности и культуры.

В 1854 – 1856 гг., во время Крымской войны, Н. Геров вынужден жить в России. Именно тогда при содействии И. И. Срезневского в Известиях Императорской Академии наук в Петербурге выходят из печати первые части его словаря.

В 1857 г. начинается деятельность Н. Герова как дипломата – русское правительство назначает его первым вице-консулом России в Пловдиве. Эта должность позволяет ему в течение двадцати лет активно работать для духовного пробуждения народа. Он открывает школы, культурные центры, добивается стипендий для учебы молодых способных болгар в России и т. д.

Отметим в связи с этим, что в эпоху болгарского Возрождения XVIII – XIX вв. Россия играет важную роль в духовном развитии Болгарии. Значительная часть болгарской интеллигенции получает свое образование в русских гимназиях, лицеях, духовных академиях и

университетах. Среди молодых болгар, приехавших учиться в Россию, и Константин Станишев (1840 – 1900), будущий выдающийся деятель болгарского просвещения, академик БАН. В течение многих лет он работает в Москве, в качестве преподавателя и директора Московского императорского лицея и имеет сильное влияние среди славянофилов. В 1863 г. он женится на дочери В. И. Даля, Марии Владимировне Даль (1841 – 1903). У них рождается дочь Мария Константиновна Станишева (1879 – 1943). Правнучка В. И. Даля по линии Марии Владимировны Даль-Станишевой, Ольга Владимировна Станишева (1903 – 1985), передала в дар музею В. И. Даля в Луганске ценные документы из архива семьи Далей, а также семейное пианино [dal.org.ua], наверное, то самое пианино, о котором пишет Т. Г. Шевченко в своем дневнике [kraeved.opsk.org]. (Отметим здесь любопытное расхождение: энциклопедия «Википедия» на болгарском языке пишет в статье, посвященной К. Станишеву, что, судя по отчеству Ольги Владимировны Станишевой, правнучки великого ученого В. И. Даля, можно считать, что у К. Станишева и М. В. Даль был еще и сын Владимир).

Во время Русско-турецкой войны в 1877 – 1878 гг. Н. Геров работает при русском командовании, а после войны возвращается в Пловдив и посвящает себя любимому детищу – словарю болгарского языка.

Именно этот знаменитый словарь – «Речник на българският език, с тълкувание речити на български и руски. Събрал, нарядил и на свят изважда Найден Геров» (Пловдив, 1895 г.; част II – 1897 г.; част III – 1899 г.; част IV, под редакцията на Т. Панчев, 1901 г., също част V, 1904), можно считать делом жизни Н. Герова, в котором в полной мере отразилась его широкая культура и невероятная энергия

Целых пятьдесят лет Н. Геров собирал материалы – слова, песни, пословицы и поговорки, которые легли в основу словаря. Тем не менее Н. Геров понимал бесконечность языковой стихии, отмечая в «Предисловии» к первому тому словаря, что в него вошли не все слова, что он постоянно слышит что-то новое, что записать все слова вряд ли возможно, тем более для одного человека [2, с. 18].

Результат этой колоссальной работы – 2700 страниц в 5 томах, содержащих 78600 слов, свыше 32000 примеров употребления слов, почти 6000 отрывков из народных песен, около 15000 пословиц, поговорок, благопожеланий, около 4300 фразеологизмов, свыше 2000 личных имен. За этими сухими числами можно увидеть настоящий подвиг ученого, полную самоотдачу, преклонение перед духовной мощью народа-словотворца, отразившего свое знание, свое мировидение в языке.

Несмотря на некоторые несовершенства, обусловленные уровнем развития болгарской лексикографической науки в конце XIX века, словарь Н. Герова можно считать настоящей сокровищницей языка в его диалектном многообразии. В нем отражен важный период в развитии лексической системы болгарского языка

Словарь Н. Герова является уникальным сочетанием различных лексикографических жанров – толкового, переводного, этнокультурного (энциклопедии), что никак не умаляет его значимость. Напротив, многие исследователи находят в нем специфические, уникальные лексикографические методы и подходы. Так, З. Барболова оценивает положительно одновременное использование Н. Геровым различных способов объяснения слов – толкования, дублетов, латинских названий растений и животных, а также почти везде – и перевода на русский язык [3, с. 125].

М. Божилова как специалист в области лексикографии, отмечая «полифоническое сочетание» разных точек зрения автора словаря, сравнивает его не только с блестящими образцами европейской лексикографии «золотого XIX века, века Гумбольдта», но и с современными изданиями [4, с. 87].

Важно подчеркнуть, что словарь Н. Герова, критически воспринятый многими в Болгарии, получил признание за ее пределами: основной тираж расходуется за границей, а ученые-слависты воспринимают его как бесценный источник для изучения болгарского языка.

Таким образом, можно считать, что словарь Н. Герова занимает заслуженное место в славянской лексикографии, в ряду словарей сербского языка В. Караджича, польского – С. Линде, чешского – Й. Юнгмана, словацкого – А. Бернолака, русского – В. И. Даля [2, с. 19].

Ученые-лексикографы находят множество сходств между словарями В. И. Даля и Н. Герова, учитывая, естественно, разные условия их создания, прежде всего – высокий уровень развития русской лексикографической традиции к тому времени [5, с. 32].

К ним можно отнести, во-первых, богатство материала, собранного в основном одним человеком, что дает основания определить составление обоих словарей как своеобразный научный подвиг, которому В. И. Даль и Н. Геров посвятили почти полвека.

Важное достоинство обоих словарей – «этнолингвистический» подход к подбору материала [Там же, с. 33]. А. А. Плотникова, анализируя словарь Н. Герова, подчеркивает: «Этим приемом достигается главная цель и назначение словаря такого типа: объединить лексическое богатство этноса как единого целого, народа, чей национальный язык переживает в данный момент сложный процесс становления» [Там же, с. 42]. Многие статьи в нем (например, статьи, описывающие календарную или семейную обрядность) «представляют собой энциклопедические статьи этнографического содержания» [Там же, с. 43].

Богатство диалектной (народной, крестьянской) лексики (например, названий предметов быта, обрядов, обычаев), а также народных пословиц, поговорок, благопожеланий, примет, поверий, превращает эти словари в настоящую энциклопедию народного быта, мышления, характера, выраженного в языке.

Приведенные выше факты из биографии Н. Герова позволяют увидеть в его жизненной судьбе сходство с судьбой В. И. Даля: они жили приблизительно в одно и то же время (хотя и в разных условиях), работая, причем успешно, в разных областях. В. И. Даль, как известно, был врачом, инженером, чиновником, филологом, писателем; Н. Геров был учителем, поэтом, писателем, дипломатом, общественным деятелем.

Главным в деятельности В. И. Даля и Н. Герова, однако, можно считать именно создание словаря, который и становится делом их жизни. Словари – основное, чем они вошли в историю науки и культуры, причем не только своих стран. Все это дает нам основание считать, что, оставив поколениям свой «Речник на българский язык» – «памятник болгарского духа», «энциклопедию быта и нравов болгарского народа», «болгарскую вселенную, представленную в алфавитном порядке» [4, с. 76], Н. Геров занимает в болгарской науке и культуре такое же важное место, как В. И. Даль в русской науке и культуре.

Литература

1. Балтова Ю. За съкровената любов на Найдена Герова към българския език / Ю. Балтова // Найдена Герова в историята на българската наука и култура. – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. – С. 9 – 11. **2. Кювлиева-Мишайкова В.** Пътят на Найдена Герова в българската лексикография / В. Кювлиева-Мишайкова // Найдена Герова в историята на българската наука и култура. – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. – С. 13 – 22. **3. Барболова З.** Речникът на Найдена Герова – уникален паметник на българската култура / З. Барболова // Найдена Герова в историята на българската наука и култура. – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. – С. 125 – 130. **4. Божилова М.** Речникът на Найдена Герова – лексикографско огледало на българската езикова картина на света / М. Божилова // Найдена Герова в историята на българската наука и

культура. – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. – С. 76 – 89.
5. Плотникова А. А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии / А. А. Плотникова. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2000. – 209 с.

У роботі подано деякі факти біографії Найдена Герова, що перш за все пов'язані з написанням відомого словника, який можна порівняти із словарем В. І. Даля, а його автора – із самим В. І. Далем.

Ключові слова: Найден Геров, В. І. Даль, лексикографія, словник.

В работе представлены некоторые факты биографии Найдена Герова, прежде всего связанные с написанием знаменитого словаря, который можно сравнить со словарем В. И. Даля, а его автора – с самим В. И. Далем.

Ключевые слова: Найден Геров, В. И. Даль, лексикография, словарь.

In the article, some biographic facts of Niden Gerov are given, which foremost related to the writing of the famous dictionary which can be compared to the dictionary by V. I. Dal, and his author – with very V. I. Dal.

Keywords: Niden Gerov, V. I. Dal, lexicography, dictionary.

Стаття надійшла до редакції 05.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Унукович В. В.

УДК 811.111'38

Pavlo Shopin

THE ROLE OF EUPHEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE

The study deals with euphemisms in politics and scrutinizes the current role of politically correct vocabulary in the functioning of the English language. In the twentieth century, the social-political public sphere was an important supplier of lexicon and phraseology, a source of origin of new word formation models and elements. It is worthwhile to note that political neologisms, which include a significant number of euphemisms, make 13% of all the new vocabulary of modern English [1, p. 53]. In my essay I intend to show that euphemisms can both contribute to the positive and progressive changes in the society and at the same time serve as tools for deception and the source misleading doublespeak. I shall argue that the distinction of politically correct vocabulary from deceptive and hypocritical language is extremely important.

Political euphemisms relevant for modern English were firstly used in bourgeois press, as a way of describing capitalist reality: capitalism was framed as *free enterprise*; starvation was described as *undernourishment*, etc. The first euphemisms are considered to be such passive forms as «made redundant», «it has long been known that...», etc. R. Macaulay notes that such «writing was savagely attacked by George Orwell, who particularly disliked the use of the passive voice, since it leaves unstated who is responsible... *Six hundred people were made redundant at the Smith works last week* makes it seem as if this just happened, without

human intervention. In actual fact, some powerful, rational, warm-blooded human beings sat down and decided to fire six hundred people» [2, pp. 105 – 106]. Another euphemistic construction, often used to obscure the agent, is nominalization, when the effect achieved is the same and the event is described as inevitable and objective: *The dismissal of all the personnel of AeroSvit was announced yesterday.*

The speculation on the Gulf War of 1991 was one of the first major contributors to the euphemistic domain of linguistics in the last century: «The English *Guardian Weekly* published a list of expressions used in the British press to refer to the two sides in the Gulf War. We have *reporting guidelines*, they have *censorship*; we *take out* or *eliminate*, they *destroy* and *kill*; we *launch first strikes preemptively*, they *launch sneak missile attacks without provocation*; our planes *suffer a high rate of attrition*, their planes *are shot out of the sky*» [2, p. 106]. Since Noam Chomsky, linguists take great interest in cases of euphemistic and misleading framing that politicians resort to. The use of euphemisms borders on withholding or skewing the information worthwhile for the public sphere. As a result, the public sphere is subjected to bias and the consequent decision making is impaired by vested interests and partisan views.

Today political euphemisms are widely spread especially in the political press and are used to denote different political notions correctly. The following categories of political euphemisms, describing people, are traditionally distinguished: 1) politically correct euphemisms calling the invalids and sick persons: deaf person = *person with hearing impairment*; cancer patient = *patient with cancer*; 2) politically correct euphemisms denoting sexes: man = *human being, human, person, individual*; 3) politically correct euphemisms denoting the sexual minorities: homosexual = *a person with different sexual orientation*; 4) politically correct euphemisms denoting age groups: the aged = *older adults, older people*; 5) politically correct euphemisms denoting racial and ethnic groups: Negro = *African American*. In the political sphere of communication euphemisms appear to be controversial in their origin and pragmatic characteristics. On the one hand, euphemisms develop and improve the cultural sensitivity (CS) and political correctness (PC) of discourse. On the other hand, political euphemisms may be a form of delusion and doublespeak.

Firstly, we would like to consider PC/CS terms where the euphemism is inextricably linked to the problem of taboo. CS/PC terms comprise typical English terms used in a new set of combinations to avoid evident reference to gender, race, sexual preference, disabilities, and ethnicity. Thus, CS/PC terms seem to function as euphemisms of alternative names that have become taboo [3, p. 390].

The term *taboo* (*ta* meaning «mark», *bu* meaning «exceedingly») is of Polynesian origin, specifically from Tongan, where it denotes anything linguistic and nonlinguistic that is prohibited or forbidden [4, p. 34]. In theoretic linguistics, taboo is related to a situation «in which a word or name can be used in a community only under special conditions, whether only by certain persons or only in certain circumstances» [5, p. 65].

Nevertheless, there is enough evidence to assume that the use of taboo terms in periods of crisis and hardship is an important emotional compensation for those speakers and hearers who dare to break the taboo. This type of behavior, which is often considered to be the sign of a disfavored social group, is quite common, for example, in military service and in prison and prison-camp settings. In any case, taboo exists in all societies, ranging from the most primitive to the most civilized and modern [4, p. 56]. Yet, beyond the broad guidelines referred to above, who determines which terms are to be considered taboo? Adler contends that taboo in modern society is «dictated by the upper, the ruling class» [4, p. 40]. For current

CS/PC usage, it is not clear who, if any one group is indeed dictating usage. Perhaps it is this lack of clarity of source that evokes objections from particular groups, or perhaps objections arise because the source is perceived to have originated in a context that does not intersect with the group of speakers who object to CS/PC terms [3, p. 395].

The nonlinguistic issues of PC/CS terms' application involve ethnic, racial, gender-based, and other problems in our modern world, which are the consequences of inequality, prejudice, oppression, and other injustices in contemporary world. These are crucial tensions that deserve serious solutions. On the other hand, there is a question that must be addressed in this context – does a linguistic response, lexical substitution, solve the extralinguistic problems in our society or even facilitate future solution of such problems? Any possible answer to this question necessarily involves discussion of the relationship between language and thought. Does lexical usage determine or change the way in which a speaker views the extralinguistic world? These questions have been speculated on throughout the history of philosophy, linguistics, psychology, anthropology, and semiotics.

Edna Andrews claims that «Peircean semiotic theory gives a framework that allows language to be perceived as one of many potential sign systems that serve to organize perceptions of the world around us. In other words, Peircean theory defines language as a semiotic system that is necessarily derived from and defined within the context of a larger, nonlinguistic sign system» [3, p. 392]. This way Peircean view is similar to Vygotsky's quintessential claim that language organizes thought [6, p. 31 – 33]. It becomes overt that language can be used to be for inhibiting in inducing change as it is also, most recognizably, a system of conventions in the Saussurean and Peircean sense. Therefore, although language is both separable and separate from thought [7, p. 44], linguistic usage can template extralinguistic reality in a somewhat rigid fashion. Thus, initiating cultural change via linguistic change is a reasonable deduction.

The relationship between language and thought is necessarily of a relative nature. Supporters of the strong connection between language and thought claim that modified lexical usage of common and proper names will most certainly change perception within the targeted speech community. Likewise, it would seem that one of the reasons for the vocal negative reaction by some groups against using CS/PC terms puts these groups into the same camp vis-a-vis the nature of language – that is, they, too, seem to be convinced that there is a very strong implicational relationship between language and thought. Therefore, they reject these new terms in the fear that (1) these terms may eventually change the social order or that (2) they will not change the social order, but the use of euphemism in these instances is a form of social or political punishment and infringement of individual rights [3, p. 393]. The influence of using a euphemism rather than taboo can be demonstrated the following way (Fig. 1):

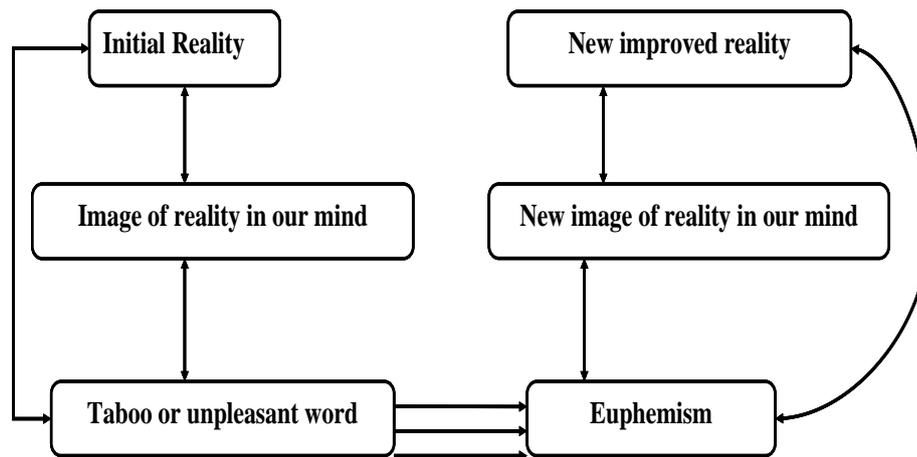

Figure 1: How political euphemism can change political and social reality.

At the same time, the process may be reversed, i.e. initial reality which presupposed social or any other injustice changed for better and the taboo word becomes obsolete. This obsolescence of a taboo word creates extralinguistic necessity for a new word. Perhaps, we do not use the word “man” for person not because of advocacy and a small vocal group of feminists but because of the eradication of the patriarchal society and establishment of equal opportunities. It is unequivocal that there should always be some possibility to change the initial reality for the new politically correct term to emerge. At the same time, CS/PC terms induce this first impulse to change the image of the reality and reality itself.

One would imagine that many of the current CS/PC terms have arisen as suggestions given by those particular speech communities. In many cases, these communities will overlap and involve multiple subsets of communities. It may appear that it would be persons who chair departments that decided what they would like to be called or members of the fire department who decide what they would like to be called. However, it probably is not true that the majority of persons who chair departments or the majority of members of the fire department or postal service decided which name is CS/PC. Perhaps the proposal came from a small, but vocal, minority. This may well be the case with some of the CS/PC terms. The usage of CS/PC terms is, in this regard, a reaction to and an attempted solution for reincorporating into our society those persons who have become increasingly alienated as the parameters of inequality increase and deepen. The multifaceted problems associated with CS/PC show the dynamic interplay of linguistic signs as they act and react within the constantly changing social context [3, p. 401 – 402].

Apparently, not all CS/PC terms are equal in their significance and propriety. Some CS/PC terms appear to be distorted and awkward, while others are generally perceived as simple and stylistically elegant. We posit an assumption that CS/PC terms may be divided into two major groups: 1) legitimate euphemisms, recognized by the majority of people and based on eradicating injustice; 2) illegitimate euphemisms, recognized by a small minority and not dealing with elimination of any injustices. As you can see, illegitimate euphemisms can border on doublespeak if used to mislead the audience.

J.D. Sadler wittily recounts: «Some years ago, when George Smathers was running for the Senate in Florida against Claude Pepper, he made terrible accusations before some of his audiences. «Years ago my opponent came to our fine state university and he even

matriculated. He is a *shameless extravert* and he has been known to *indulge in nepotism*. In the past he has often been *addicted to celibacy*. He has a brother who is *a practicing homo sapiens* and a sister who is *a Thespian*.» Senator Pepper's political demise was reported as «death by assonance» [8, p. 169].

This example illustrates the functioning of euphemism as doublespeak. William Lutz defines doublespeak as «a blanket term for language which pretends to communicate but doesn't, language which makes the bad seem good, the negative appear positive, the unpleasant attractive, or at least tolerable. It is language which avoids, shifts or denies responsibility, language which is at variance with its meaning» [9, p. 13]. Doublespeak is exactly the notion that can describe the above-written speech of the future senator.

Euphemisms that are used to mislead the audience are usually unregistered and devised carefully by the speaker. However, such euphemisms draw public attention and a critical thinker can always understand the real purpose of producing doublespeak. The main problem in this regard is that the majority of people are not critical thinkers and their consciousness is severely influenced – even distorted by such euphemisms.

As a matter of fact, serious doublespeak is carefully designed and constructed to appear to communicate but in fact to provide biased messages. These euphemisms are highly strategic and are harmful for susceptible audience.

In Orwell's 1984 Syme, the terrible destroyer of language proclaims: «It's a beautiful thing, the destruction of words.» Speaking to Winston Smith, Syme deliberates: «Don't you see that the whole aim of Newspeak is to narrow the range of thought. In the end we shall make thoughtcrime literally impossible, because there will be no words in which to express it. Every concept that can ever be needed will be expressed by exactly one word, with its meaning rigidly defined and all its subsidiary meanings rubbed out and forgotten... Every year fewer and fewer words, and the range of consciousness always a little smaller. Even now, of course, there's no reason or excuse for committing thoughtcrime. It's merely a question of self-discipline, reality control. But in the end there won't be any need even for that. The Revolution will be complete when the language is perfect» [10, p. 20].

In conclusion, it is essential for the political sphere that politicians and the media be always responsible for their language use and do not resort to euphemisms if they do not feel that the audience needs them. The process of introducing politically correct vocabulary is extremely important and negotiation of the germane notions and framing should be one of the priorities for those who actively engage in political discourse. It is understandable that euphemisms are sometimes a necessity but the problem is that there can be two contradicting purposes for their use. The first reason translates into our need to be politically correct and not to abuse and estrange individuals and even groups of people. The second reason may be the need for euphemisms to suppress facts from the public and mislead it. Public debates and open negotiation make the distinction between these two motivations much more transparent and understandable.

References

1. **Mesitskaya A.** Social-linguistic Characteristics of Political Lexicon and Phraseology / Anna Mesitskaya // Globalization and Community: conference abstracts. – Kerch, 2006. – Pp. 71 – 72.
2. **Macaulay R.** The Social Art. Language and Its Uses [Text] / Ronald Macaulay. – NY: Oxford University Press, 1996.
3. **Andrews E.** Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming / Edna Andrews // American Speech. – Vol. 71. – No. 4. – 1996. – Pp. 389 – 404.
4. **Adler M. K.** Naming and

Addressing: A Sociolinguistic Study / M. K. Adler. – Hamburg : Helmut Buske, 1978. **5. Hjelmslev L.** Language: An Introduction. – Madison : University of Wisconsin Press, 1963. **6. Vygotsky L.** Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes / Lev Vygotsky. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. **7. Saugstad P.** Language: A Theory of Its Structure and Use. – Oslo : Solum Forlag, 1989. **8. Sadler J. D.** Weasel-Words, Weasels, Woodpeckers, et. al. / J. D. Sadler // The Classical Journal. – Vol. 68. – No. 2. – 1973. – Pp. 166 – 174. **9. Lutz W.** The World of Doublespeak / W. Lutz // The State of the Language. Ed. by C. Ricks and L. Michaels. – London : Faber and Faber, 1991. – Pp. 254 – 264. **10. Elshtain J. B.** The Relationship between Political Language and Political Reality / J. B. Elshtain // Political Science. – Vol. 18. – No. 1. – 1985. – Pp. 20 – 26.

Автор статті розглядає структуру такого стилістичного засобу, як евфемізм, у просторі політичного дискурсу. Виокремлюються загальні категорії даного поняття, досліджується взаємозв'язок між евфемізмами, лексикою, яку вони замінюють у мовленні, і соціальною реальністю.

Ключевые слова: соціолінгвістика, стилістика, табу, евфемізм.

Автор статті розглядає структуру такого стилістичного засобу, як евфемізм, у просторі політичного дискурсу. Виокремлюються загальні категорії даного поняття, досліджується взаємозв'язок між евфемізмами, лексикою, яку вони замінюють у мовленні, і соціальною реальністю.

Ключові слова: евфемізм, соціолінгвістика, стилістика, табу.

The author scrutinizes the structure of such stylistic device as euphemism in political discourse. General categories of political euphemism are distinguished in the study and the correlation between euphemisms is analyzed, as well as the lexicon which is being substituted and social-political reality. The essay shows that euphemisms can both contribute to the positive and progressive changes in the society and at the same time serve as tools for deception and the source misleading doublespeak. The author argues that the distinction of politically correct vocabulary from deceptive and hypocritical language is extremely important.

Key words: euphemism, sociolinguistics, stylistics, taboo.

Стаття надійшла до редакції 10.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Рудницька Н.М.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Бушев Олександр Борисович, доцент кафедри гуманітарних дисциплін ДОЗ ВПО «Санкт-Петербурзький державний інженерно-економічний університет» у м. Твері, кандидат філологічних наук, здобувач-докторант Державного інституту російської мови ім. О. С. Пушкіна (Твер, Російська Федерація)

Габідулліна Алла Рашатівна, завідувач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов, доктор філологічних наук (Горлівка, Україна)

Глуценко Володимир Андрійович, професор кафедри загального і російського мовознавства та теорії й історії літератури Слов'янського державного педагогічного університету, доктор філологічних наук (Слов'янськ, Україна)

Желтухіна Марина Ростиславівна, професор кафедри англійської філології Інституту іноземних мов Волгоградського державного педагогічного університету, доктор філологічних наук; директор Центру комунікативних технологій; ректор Школи акторської майстерності Анатолія Омельченка (Волгоград, Російська Федерація)

Зв'яздова Галина Василівна, завідувач кафедри сучасної російської мови та методики її викладання Липецького державного педагогічного університету, доктор філологічних наук, професор (Липецьк, Російська Федерація)

Землякова Світлана Миколаївна, старший викладач кафедри української мови та гуманітарних наук ДЗ «Луганський державний медичний університет» (Луганськ, Україна)

Ковальов Геннадій Пилипович, завідувач кафедри слов'янської філології Воронежського державного університету, доктор філологічних наук, професор (Вороніж, Російська Федерація)

Ланська Ольга Володимирівна, учитель МЗЗ СЗШ № 14 м. Липецька, кандидат філологічних наук (Липецьк, Російська Федерація)

Лантух Наталія Андріївна, старший викладач кафедри методики викладання філологічних дисциплін Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського (Сімферополь, Україна)

Ніколаєнко Ірина Олександрівна, кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології та загального мовознавства Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Омельченко Анатолій Вікторович, директор Центру політичного та управлінського консультування, президент-ректор Школи акторської майстерності Анатолія Омельченка, професор кафедри акторської майстерності ШАМАО (Волгоград, Російська Федерація)

Павленко Олександр Євгенович, завідувач кафедри іноземних мов Таганрозького інституту управління та економіки, доктор філологічних наук, доцент (Таганрог, Російська Федерація)

Петриченко Марія Андріївна, доцент кафедри українознавства, фундаментальних і суспільно-гуманітарних наук Криворізького інституту ім. П. Калнишевського Міжрегіональної академії управління персоналом, кандидат філологічних наук (Кривий Ріг, Україна)

Половинко Олена Олексіївна, доцент кафедри загального та російського мовознавства Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара, кандидат філологічних наук (Дніпропетровськ, Україна)

Руднев Євген Миколайович, учитель МЗЗ СЗШ № 3 м. Липецька, асистент кафедри культури Липецького державного технічного університету, кандидат філологічних наук

(Липецьк, Російська Федерація)

Свиридова Наталя Миколаївна, викладач практики і фонетики англійської мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов *(Горлівка, Україна)*

Старецький Тарас Володимирович, аспірант кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка *(Луганськ, Україна)*

Туленінова Лариса Володимирівна, кандидат філологічних наук, доцент, доцент кафедри теорії та практики перекладу Луганської державної академії культури і мистецтв *(Луганськ, Україна)*

Тураніна Неоніла Альфредівна, доктор філологічних наук, професор, член-кореспондент Російської Академії природознавства *(Бєлгород, Російська Федерація)*

Фірсова Ірина Володимирівна, викладач кафедри практики французької мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов *(Горлівка, Україна)*

Цонєва Ліляна Михайлівна, викладач кафедри російської мови філологічного факультету Університету Св. Кирила і Мефодія, доктор (кандидат філологічних наук), доцент *(Велико Тирново, Болгарія)*

Шопін Павло Юрійович, викладач кафедри англійської філології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, магістр філософії Кембриджського університету *(Луганськ, Україна)*

Наукове видання

ОБРІЇ СУЧАСНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

Збірник наукових праць

Випуск 3 (2013)

Головний редактор – *І. П. Зайцева*
Технічний редактор – *Є. О. Сазонова*
Комп'ютерний макет – *Н. М. Чернуха*
Коректори – *Н. В. Колотовкіна,*
І. В. Шаповалова

Підп. до друку 25.09.2013 р. Формат 60X84/8. Бумага офсет. Гарнітура Times
New Roman. Друк офсет. Ум. друк. арк. 15. Наклад 300 прим. Зам. № 185

Видавництво
Луганської державної академії культури і мистецтв
Красна площа, 7, м. Луганськ, 91055.
Тел.: (0642) 59-02-62.

Свідоцтво
про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 4574 від 27.06.2013 р.